

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЖИЗНЬ и ПРИКЛЮЧЕНІЕ

АРТЕМІЯ АРАРАТСКАГО.

Я присталъ въ домъ моего хозяина, или попечителя. Несмотря на изнуреніе отъ дороги, а болѣе отъ встрѣтавшихся опасностей, я торопился удовлетворить моему любопытству, и какъ только наступило утро, пошелъ осмотрѣть городъ. Во время прогулки моей и по возвращеніи въ домъ, мѣтталъ я обудущемъ благополучіи, которое надѣялся снискать въ Тифлисъ; а тамъ, — смотря по общо-мѣстнымъ, — по улучшеніи моего положенія, слѣдовавъ далѣе, — въ Россію. — Весьма хорошее состояніе города и жителей, показавшееся мнѣ благоденственнымъ, были убѣдительною причиною къ таковымъ предположеніямъ; — но мѣттаніи мои продолжались только нѣсколько часовъ.

Часть 2.

1

Въ сіе самое время племянникъ Ганджинскаго Джавашь - Хана, Раимъ - Ханъ, просилъ отъ Грузинскаго Царя Ираклія помощи отнять у дяди его несправедливо завладѣнное имъ, послѣ отца его, владѣніе. Для сего набирались охотники. Имъ каждому давали 30 руб. и при ку-ска машеріи на халашы. Таковыхъ охотниковъ было уже въ зборѣ до чешырехъ сотъ человекъ и они стояли въ Сейдабашѣ, (: спѣнное мѣсто :) гдѣ находяшся загородные Тифліскіе сады. — Охотники сіи отъ праздноспи, воожиданіи большаго накопленія ополченіи ихъ, занимались пльн-сшвомъ, веселились и дѣлали нѣкоторыя глупоспи. При нихъ находилось нѣсколько орудій. Такъ какъ Тифлісцы большею частію самохвалы, по просихъ людей, всѣ въ одинъ голосъ уверяли, что они не токмо возьмуть Ганджу, но достанутся отъ нихъ и всей Персіи. На другой день хозіиетъ мой, чшобъ безъ всякихъ хлопотъ остаться обладашелемъ тридцати рублей, динныхъ ему за доставленіе меня въ Рос-сію, равнымъ образомъ и другіе, совѣпо-

вали мнѣ вступити въ общество храбрыхъ охотниковъ, имѣющихъ завоевать Ганджу и Персію; но я отказался рѣшительно отъ предложенной мнѣ чести быть побѣдителемъ и не завидовалъ будущимъ ихъ добычамъ, на передъ уже ими раздѣленнымъ. Между тѣмъ караванъ нашъ все еще не приходилъ; почему хозяинъ, на другое утро, послалъ меня въспрѣшати его керегдаровъ (: т. е. извозчиковъ, кои на своихъ лошадяхъ возятъ купеческіе товары :) и сказать имъ, чѣмъ они вошли въ городъ въ самую полночь, т. е. пошленно, дабы не заплашишь въ казну пошлинъ. Мнѣ надлежало идти къ каравану по Сейдобашской дорогѣ мимо Керцаниса, по берегу рѣки Куры. Такъ какъ я былъ въ Персидскомъ костюмѣ, то означенные охотники, будучи всѣ пьяны, остановивъ меня спрашивали по Персидски, кто я таковъ? Я отвѣчалъ имъ, что Ериванской жишель; приѣхалъ въ Тифлисъ вечеромъ шрепьяго дня съ такимъ то человекомъ; но они сочли меня за Персидскаго шпиона и безъ дальнихъ распросовъ

попайчили весьма небережно къ пушкѣ.— Съ начала я думалъ, что они шутяшъ; но на проиивъ, безъ всякихъ шутокъ привязали меня къ пушкѣ и начали бить послѣдкамъ, вынуждая чѣмъ я сказалъ имъ правду. Я увѣрялъ ихъ, что ни въ чемъ не солгалъ и просилъ, чтобы они послали выправиться; но они не внимали ни чему. Къ щастію моему, весьма близко сего мѣсца былъ садъ Грузинскаго Каполикоса, смѣжной съ садомъ моего хозяина. Садовникъ увидѣвъ вокругъ меня собравшуюся толпу, и слыша вопли по любопытствованью узнавъ пому причину. Онъ меня уже видѣлъ у моего хозяина на канунѣ, и какъ служитель первенствующей особы значилъ очень много, то закричалъ бѣшеннымъ рыцаремъ: что вы дѣлаете бѣшенныя пьяницы, и за что хопи те убить ешаго бѣднаго челоуѣка. Они съ буйствомъ кричали, что я шпионъ и не хопѣли ни чему вѣрить; но онъ на конецъ вырвалъ меня изъ рукъ ихъ силою. Ноги мои, бившя и прежде сполько уже разъ, были и теперъ избиты такъ, что

кожа съ слѣдковъ почти вся слѣзла и я не могъ на нихъ ступить. Садовникъ посадилъ меня на своего осла и привезъ въ домъ. Отъ сихъ побой я былъ боленъ прои сутки очень трудно, и около двенадцати дней со всѣмъ не могъ ступить на ноги. —

Царь Ираклій обѣщая помогать Раимъ Хану пропивъ его дяди, и взявъ безъ сомнѣнія напередъ хорошую за то плашу, что конечно и необходимо, требовалъ самъ помощи отъ Имеретинскаго Царя, послучая приближенія къ Тифлису Ага-Магомешъ - Хана Персидскаго, который находился уже въ Шуши. Обѣщанное отъ Имеретинскаго Царя войско приблизилось уже къ городу и ему готовилась встрѣча. Домашніе моего хозяина предложили мнѣ, не хочу ли я видѣть сію церемонію? и какъ я дѣйствительно могъ уже выходитьъ, то для прогулки пошелъ за Тапишагскія ворота, взошелъ на одинъ высокой холмъ и сидя тамъ, спокойно разсматривалъ сіе происшествіе; а съ

плѣмъ вмѣстѣ и пропѣ обманъ, которой употребилъ начальникъ сего войска, рассыпавъ его по всей сѣпени маленькими отрядами, дабы показать чрезъ то, сколько можно, большее число людей; въ самомъ же дѣлѣ сомнительно было, чтобъ и до 2000 человекъ могло ихъ набраться. Царь встрѣпилъ ихъ съ радостію и великимъ торжествомъ, которое заключалось въ нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ пушекъ и ружей. Воинство сіе разспавлепо было такъ же въ Керцанисѣ. А какъ у тамошнихъ народовъ нѣтъ обыкновенія запасать впередъ для войска хлѣба и другихъ не обходимыхъ для продовольствія ихъ потребностей, то пропитаніе ново-пришедшихъ людей получаемо было отъ обывателей сборомъ, съ каждаго дома по нѣскольку хлѣбовъ, вина и прочаго. Я однакожь недумаю, чтобъ сіе было слишкомъ оплодотворительно для жителей; ибо тогда, послушаю вышесказанныхъ грабительствъ; въ Тифлисѣ была такая во всемъ дешевизна, какой, какъ говорили тамошніе обыватели, ни когда не бывало.

Имеретинцы и Тифлизскіе охотники, сполько довольствовались виномъ, что даже умывались имъ вмѣсто воды. Обывашели шѣмъ охотнѣе готовы были дѣлать для нихъ сіе пожертвованіе, что при пособіи ихъ, какъ отборнѣйшихъ воиновъ, полагая ихъ числомъ до 8000 человекъ, были напередъ совершенно увѣрены въ превосходствѣ силъ своихъ противъ непріятельскихъ, слѣдовательно и въ своихъ отъ того успѣхахъ, такъ, что многіе съ восторгомъ кричали: пустьъка покажется теперь Ага-Магомешъ—Ханъ! Кшо можешъ спольнъ проиграву насъ! и прочее. Таковыя восклицанія излишней надѣянности, я принималъ не болѣе, какъ за дѣйствиємъ воспаленнаго воображенія, и судя по всѣмъ обстоятельствомъ, полагалъ вѣрнѣе что они проиграють и Тифлисъ будетъ взятъ не премѣнно, а потому рѣшился за благовременно искалъ безопаснаго убѣжища, недожидаясь нашего Шихова и предположенной надѣимъ побѣды. Мнѣ желательнѣе было имѣть въ семь случаѣ товарища, и надѣ-

ялся найши онаго въ одномъ Ериванскомъ
 жителѣ, изъ деревни Норки, хорошей фа-
 милии, съ которымъ я не задолго предъ-
 шѣмъ имѣлъ случай въ Тифлисѣ познако-
 миться. Я тотчасъ сдѣлалъ ему мое
 предложеніе, изъяснивъ напередъ мои опа-
 сенія, убѣждающія удалиться изъ Тифлиса
 непременно. Но сей чудакъ отвѣчалъ
 мнѣ,, что хотя Персіанѣ въ сраженіи на-
 падаютъ какъ львы, но весь успѣхъ по-
 лагаютъ только на первую удачу; а въ
 противномъ случаѣ тотчасъ обращаются
 въ бѣгъ. Ты видишь, продолжалъ онъ,
 что городъ крѣпокъ, а жители всѣ герои;
 сверхъ того изъ каждой удѣльной обла-
 сти Грузинскіе Цесаревича прицлуютъ по
 10000 воиновъ. — Ериванской Ханъ уже
 противится Шаху съ надеждою на сію по-
 мощь, и нѣтъ ни какого сомнѣнія что
 мы испребимъ все Персидское войско и
 завладѣемъ его имуществомъ; въ городѣ
 будетъ тогда хорошо и все дешево; я не
 одинъ разъ былъ въ сраженіи и сужу та-
 кимъ образомъ по опыту, а ты еще мо-
 лодъ и ни чего не разумѣешь,, Послѣ та-

кихъ убѣдительныхъ и важныхъ представлений, трудъ мой былъ бы на прасный, чтобъ вывести его изъ столь припныхъ мечтаній.—

Оставшись при своемъ намѣреніи, я зналъ что хозяинъ мой, привезенный имъ изъ Тавреза товаръ, долженъ вести въ Догиспанъ (*); и продавъ оный въ первомъ пограничномъ съ Грузіею городѣ Балаканѣ, а тамъ купивъ шелку и съ онымъ отправится чрезъ городъ Андрѣевъ въ Кизляръ, оттуда же въ Аспраханъ; по чему я и имѣлъ вѣрную надежду добратъ до Россіи, куда онъ взялся меня доставить. Какъ скоро дошелъ слухъ, что Шахъ, минуя Обласъ Шуши, вступилъ уже въ Ганджу и все на пути противъ борствующее ему покоряетъ и предаетъ огню и мечу, то хозяинъ мой попорочился собраться въ дорогу, и распрощавшись съ своимъ семействомъ выѣхалъ со мною изъ Тифлиса въ послѣднихъ числахъ Августа

(*) Такъ называется все пространство обитавшее Лезгинцами въ Кавказскихъ горахъ. —

1794 года боздо вечеромъ, чѣтобъ не заплашпть пошлпнь какъ и при въѣздѣ. За полночь доѣхали мы до деревни Лило, гдѣ Грузины въ давнихъ годахъ поселили нѣсколько Осѣпинцовъ, выведенныхъ ими изъ горъ. (* Жипели сіи сочли насъ, помогдашнимъ обшпоптельспвамъ, за разбойниковъ, и кричавши намъ чѣтобъ мы не приближались, наконецъ спали по насъ спрѣляпъ и убили подъ нами одну лошадь, мы шакъ же крикомъ объявляли о себѣ, чѣто ѣдимъ изъ Тифлиса съ товарами въ Спгнахъ, и упрашивая не спрѣляпть по насъ, клялись, чѣто объявляли о себѣ справедливо. Послѣ сего, суди покляпвѣ нашей, хошп и переспали дѣйспвовать пропшву насъ, какъ разбойниковъ, но приказали, чѣтобъ мы не прогались съ мѣспа и не преждѣ пропуспили, какъ уже на разсвѣтѣ.—

Отъ Лило до города Спгнахъ, слѣдуя мимо пустой деревни Марпгопа, коей жи-

(* Переселеніе сіе Осепинцовъ, и приведеніе ихъ въ Христіанскую вѣру, было насильное, а потому они весьма худые христіане, да и не по одной только наружности

тели разбѣжались тогда отъ разбойниковъ, были мы въ дорогѣ прои супки, не вспрѣтивъ болѣе ни какого жилища. Мѣста сіи супъ самыя опаснѣйшія и потому каждый шагъ нашъ сопровождаемъ былъ страхомъ. Увидѣвъ въ дали Холмъ, или какое нибудь дерево, всегда приходили мы въ трѣпешъ, думая шупъ вспрѣпитъ-ся съ Лезгинцами, или иными хищниками; однакожъ прибыли въ Сигнахъ благополучно. Городъ сей, пограничный съ Дагистаномъ, споитъ на горѣ; имѣетъ много виноградныхъ садовъ и плодоносныхъ деревьевъ, а особливо винныхъ ягодъ, и производитъ хорошее вино. Въ немъ находится одинъ большой Грузинскій Монастырь Св. Великомученицы Ноны, госпитальной дворъ и крѣпость.

До приѣзда моего въ Сигнахъ, въ шоже-лѣто, намѣстникъ онаго Монастыря, былъ изрубленъ въ куски Лезгинцами отъ измѣны Грузинъ, послѣдующему общошпельству: на полевые работы выходятъ тамъ обыкновенно партіями и съ оружіемъ.

Однажды намѣстникъ пошелъ на Монастырское поле, лѣжащее верстахъ въ двѣнадцати отъ Монастыря, при рѣкѣ Алазанъ, или Ганахъ, съ 20 работниками изъ Грузинъ и обязалъ ихъ формальною присягою, чѣмъ при нападеніи разбойниковъ небыжашъ; но защищаться отъ нихъ до послѣдняго человѣка. Но работники какъ скоро завидѣли скачущихъ къ нимъ Лезгинцовъ, то и ударились въ бѣгство, измѣнивъ кляпъ и Епископу. Сей же на прошивъ того, увидя предательство ихъ, ни мало не поколебался, и пока Лезгинцы до него доспигли, онъ стрѣлялъ въ нихъ изъ ружей; убилъ чѣтырехъ человѣкъ; попомъ рубился саблею и на конецъ былъ самъ ими изрубленъ. Лезгинцы узнавъ послѣ объ его достоинствѣ, весьма сожалѣли, что неплѣнили его живаго, и потеряли чрезъ то случай доспашъ за выкупъ его значную сумму.

Въ Сигнахъ находился тогда полномасштабный старшій изъ Царевичей и наслѣдникъ Ираклія. Ираклій видя прибли-

жающуюся отъ Магомедъ Хана опасность, не однократно, не повелѣвалъ, но убѣдительно просилъ его, какъ и прочихъ Царевичей, постѣшить прислать ему на помощь войска нѣсколько тысячъ человекъ. Сигнахскій Царевичъ не одинъ разъ собиралъ просимое отъ него вспоможеніе и вы провождалъ ихъ изъ города, но подданные его были столько упрямы, что возвращались окружными дорогами назадъ и расходились опять по домамъ, ибо они мыслили не столько о защитѣ Опеческѣ сколько о томъ, чтобы успѣшь собрать съ полей хлѣбъ, сдѣлать вино и тѣмъ доснавить семействамъ своимъ пропитаніе. Таковое осужденіе оказали они и въ бытность мою въ Сигнахъ, и тогда, когда Шахъ уже пришелъ подъ самый Тифлисъ.

Такъ какъ хозяинъ мой оставался въ Сигнахъ ожидать прибытія туда изъ Догистана какого нибудь значительнаго изъ Лезгинцовъ человека, чтобы съ товарищи своими слѣдовать въ ихъ предѣлы, за его поручительствомъ, или подъ его опекою,

какъ всегда и всѣ въ подобныхъ случаяхъ дѣлають, то я имѣлъ довольно времени, кое что тамъ посмотреѣть и по бывашъ въ находящейся тамъ Армянской церкви. 8 числа Сентября въ день Рождества Пресвятыи Богородицы, пришедъ въ оную Церковь, во время отправленія упренный молишвы, я старался замѣшшиъ: хорошолн здѣсь знають Священники уставъ и порндокъ Церковнаго служенія и крайне удивился съ перваго раза тому, что они отправляли обыкновенную будничную службу. Здѣшнїе Армяне болышею частію со всеиъ незнають по Армянски, а говорншь по Грузински, однако спрашивая, по того по другаго, нашелъ я нѣкопорыхъ, съ коими могъ говорншь по Армянски, и сказавъ имъ, что сего числа праздникъ Рождества Богородицы, сдѣлалъ вопросъ, по чему Священники ихъ не отправляютъ надлежащей по уставу службы. Они съ начала другъ съ другомъ перешепывались, пошомъ многіе закричали, пребуя свншцовъ, и увидѣли, что я говорнлъ правду. Сіе подало имъ поводъ возроп-

платъ на Свѣщенниковъ, за незнаніе ими своей должности, и они принуждены были начать службу съ нова. Само собою разумѣется, что меня при семъ случаѣ займили весьма выгоднымъ образомъ. Въ церковь находился тогда тамошній Докшоръ изъ Армянъ, по имени Машеосъ, переселившійся въ Сигнахъ изъ Турецкихъ владѣній и бывшій у Сигнахскихъ жителей въ великомъ уваженіи. Онъ подошедъ ко мнѣ, съ видомъ благосклоннаго вниманія, спросилъ о моемъ состояніи: откуда, съ кѣмъ и когда пріѣхалъ я въ Сигнахъ? Потомъ приказалъ мнѣ придти къ нему въ домъ съ моимъ хозяиномъ, объявля, что онъ очень меня полюбилъ и хочетъ сдѣлать мнѣ добро. Докшоръ сей былъ человѣкъ съ истинными достоинствами, опытный и богатый. Онъ на собственномъ изживеніи строилъ тогда въ упомянутой крѣпости большую каменную Церковь, во имя С. великомученика и побѣдоносца Георгія. Я пришелъ къ нему послѣ обѣдни. Поговоривъ съ хозяиномъ онъ просилъ его оставить меня у

него, обѣщаясь дать ему для услуги, вмѣсто меня, своего человѣка, котораго знаешь всѣмъ широкій мѣста, и потому въ волю его еще болѣе будетъ ему полезенъ, нежели я. Докторъ только же объявилъ моему хозяину, что онъ выдася за меня свою дочь, которой было тогда только двѣнадцать лѣтъ; дася за нею въ приданое 2000 руб. серебромъ, сдѣлаешь меня своимъ сыномъ, и когда отсироятся въ крѣпости церкви, изхотѣеишася мнѣ священнической чинъ и опредѣлишь къ оной церкви, присовокупивъ къ сему, что при обратномъ возвращеніи его въ Сигнахъ, поѣдешь вмѣстѣ съ нимъ въ Тифлисъ и у просишь Царя Ираклія и Епископа подписать мое усыновленіе съ тѣмъ, что бы я былъ старшій въ его семействѣ, а по смерти его, опцомъ и попечителемъ малолѣтняго его сына. Сполна не ожиданное и чрезвычайное благополучіе привело меня почти въ изумленіе, и я съ равною тому признательностію изъяснилъ новому своему благодѣтелю благодарность въ чувствительнѣйшихъ выра-

женіяхъ, обѣщавъ спарашься всѣми силами заслуживать его милости, и оправдывающъ оныя моимъ поведеніемъ. По сему, безъ дальнихъ сборовъ, я тогда же перешелъ къ нему въ домъ и остался въ немъ; а бывший мой хозяинъ, нашедъ надежнаго проводника, отъправился на упръ въ свой путь съ даннымъ ему вмѣстѣ со мною человѣкомъ. Докторъ назвалъ меня хозяиномъ въ домѣ и получилъ за все: смотрѣть. Онъ, какъ человѣкъ богатый, довольствовалъ сказаннаго Царевича своимъ споломъ. Съ слѣдующаго дня надлежало мнѣ ходить съ людьми его, носившими къ Царевичу кушенье, и смотрѣть за ними, чѣмъ бы недѣлали какихъ либо шалостей.—

Царевичу на другой день понесли къ огромное блюдо плову и изряднаго барашка, начиненнаго пряными кореньями и рубленнымъ мясомъ, съ разными приправами, чѣмъ можетъ назваться весьма наряднымъ споломъ на вкусъ Азіатской Тушъ, въ первой еще разъ, случилось мнѣ увидѣть сего Царевича. Онъ по Азі-

атскому обычаю сидѣлъ на полу на коврѣ; и однимъ тѣмъ былъ уже примѣшенъ, что я невидывалъ никогда никого, кто бы могъ поравняться въ тучности съ нимъ. На ужинъ, хоша принесли ему такую же порцію; но онъ къ чрезвычайному моему удивленію замѣтилъ мнѣ недоспапокъ въ присылаемомъ ему продовольствіи и велѣлъ поѣхать за сіе Доктору, моему хозяину. Таковое, почти ежедневное угощеніе, безъ сомнѣнія стоило изрядныхъ издержекъ, особливо въ годовой сложности.

Царевичъ жилъ на большой горѣ въ домѣ Маурава, или намѣсника Царскаго, коего тогда тамъ не было. Свита его состояла неболѣе какъ изъ четырехъ, или пяти человѣкъ, трехъ лошаковъ и одной лошади. На другой день онъ былъ сполномъ доволенъ и потому весьма веселъ. Тупъ спросилъ онъ у меня:,, кто я и опкуда? и когда я отвѣчалъ, что изъ такого то мѣста, то сдѣлалъ мнѣ новый вопросъ: знаю ли я своего Кафоликоса Луку? — Знаю Г. Царевичъ! — Ну такъ онъ со всемъ

безумной человѣкъ! — А почему вы изво-
лише шакимъ его признавать? Поштому
что онъ далъ Шаху 100000 руб. (: въ
самомъ дѣлѣ Пашіархъ по просьбѣ Шаха,
далъ ему означенную сумму на военныя
издержки съ тѣмъ, что, какъ Шахъ пи-
салъ къ нему, онъ избавитъ и себя и его
отъ непріятелей :), а если бы онъ
далъ намъ сію сумму, продолжалъ Царе-
вичъ, то бы мы лучше его защитили. „
Шахъ почиталъ непріятелями Пашіарху
Грузинъ, а Грузины Шаха. Послѣ сего я,
по просмотру моему, осмѣлился его спро-
сить: Г. Царевичъ! какого закону Персі-
анъ? — Какъ! не ужели ты не знаешь? Они
Магометане. „ А вы Г. Царевичъ, какого? —
На сей вопросъ отвѣчалъ онъ мнѣ, съ нѣ-
которою досадою, слѣдующее: „ ты, ка-
жешься, въ совершенныхъ лѣтахъ, а шакимъ
дуракъ: не знаешь и того, что мы закону
Греческой Церкви! „ Персіане Магометан-
цы, требовали отъ насъ денегъ; а вы
Христіане требуете того же: шакъ какая
же шупъ разница между вами и ими „ ?
Правда, я былъ шолько просить и глупъ,

✱

что даже не припомнилъ наставленія моего учителя и дѣлалъ вопросы съ намѣреніемъ, показать предъ Царевичемъ мое остроуміе и въ той надеждѣ, что онъ меня за то похвалишь, не подумавъ того, что не примѣлся ли сіе со всѣмъ пропивнымъ образомъ. Царевичъ за молчаль и казался не понявшимъ моихъ словъ; но минуты черезъ двѣ обнаружилось его не удовольствіе, такъ сильно, что онъ велѣлъ меня вышацишь, бить и опвеспи въ тюрьму. Трое людей его, схвативъ меня за волосы и тащивъ до Тюрмы волокомъ, били безъ всякой пощаты палкою и кулаками. Сей урокъ весьма убѣдительно удостовѣрилъ меня въ истиннѣ моральныхъ наставленій добраго моего учителя, чшобъ не говоришь ни чего не обдумавши.

Докторъ узнавши о семъ, пошелъ на другой день къ Царевичу и просилъ его, чшобъ приказалъ меня выпуститъ. Онъ не могъ въ прозбѣ Доктора ошказатъ по тому, что сей пересталъ бы даватъ ему кушанье, и такъ привели меня въ домъ.

Хозяинъ, для излѣченія избытка моего
 шѣла и подкрѣпленія силъ, употребилъ
 по своему искусству весьма дѣйствитель-
 ныя средства. Сіе приключеніе сомною
 было 11 го Сентября. Въ тотъ же день
 вечеромъ пришла въ Сигнахъ вѣсть, что
 Грузины имѣли съ Шаховыми войсками
 сраженіе, одержали надъ ними верхъ и
 что предводительствовавшій ими Меликъ,
 изъ Армянъ Карабахскихъ, Меджлумъ,
 убитъ на мѣстѣ. Меликъ сей перешелъ
 къ Шаху и употребилъ себя прошивъ
 Царя Ираклія въ опмщеніе за то, что
 братъ его, обольщенный ложнымъ покрови-
 тельствомъ Грузинъ, удался на ихъ
 спѣхи и погибъ тамъ точно такимъ же
 образомъ, какъ и все прочіе. И такъ по
 сему случаю, 12 числа, сдѣлано было шор-
 жество, которое состояло въ томъ, что
 Царевичъ и народъ, собравшись на дугъ,
 стрѣляли изъ находившихся тамъ четы-
 рехъ пушекъ, пили много новаго вина, дѣ-
 лали радостныя восклицанія и опредѣляли
 гибель Шаха. Не смотря на мое не-
 здоровье, не приминулъ и я хотя чрезъ

силу выдти и посмотрѣть на сіе торжество, чтобы быть очевиднымъ свидѣтелемъ радости народной; но держась наставлений моего учителя, и не давняго урока, Царевичемъ мнѣ даннаго, былъ уже скромнѣе и оспорожнѣе. О не основательности праздника сего, я судилъ уже только про себя, не смѣя и видомъ обнаруживать своихъ мыслей. 13 е число прошло такъ же въ увесѣленіи; но 14 го, около полудня, вдругъ начали прибѣгать въ Сигнахъ Тифлискіе жители, покрышыя ранами, и возвѣспили что Тифлисъ взялъ Шахомъ 12 числа, п: е: въ потъ самый день, какъ Царевичъ съ жителями торжествовалъ убиіе Меджлума и побѣду надъ Персіанами; что жители, оставшіяся въ живыхъ, разбѣжались; самъ Царь скрылся не извѣстно куда и что Шахъ придетъ и въ Сигнахъ. Вѣсть сія произвела въ Сигнахъ страхъ и опасность, такъ, что одному нельзя было за городъ сдѣлать и двухъ Шаговъ: ибо нѣкоторые изъ жителей, вмѣсто того, чтобы единодушно думать о мѣрахъ къ общему спа-

сенію , начали разбойничать , грабить и другъ друга убивать , какъ почти всегда водился въ подобныхъ случаяхъ во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ. Царевичъ , послѣ двухъ дневной радости , вдругъ пораженный споль не ожидаемымъ , и совершенно противнымъ событіемъ , придумалъ къ личному своему спасенію , самое надежнѣйшее средство — бѣжать.

Ехпанки его (: сундуки :) уже были навьючены на лошакахъ; но народъ , какъ скоро увидѣлъ сіе : то собравшись толпами около дома , кричали ему , что они его не выпускаютъ; и между прочимъ укоряли , что онъ учѣлъ быками ихъ , баранами и воиномъ довольствоваться , а какъ пришла опасность : то хочешь ихъ бросить. Такъ нѣтъ же , повторяли всѣ въ одинъ голосъ ; шеперь мы тебя не выпустимъ; умирай вмѣстѣ съ нами; когда будешь рубить наши головы , то пусть срубятъ и тебѣ! Царевичъ обратился къ нимъ съ убѣдительнѣйшею прозьбою , чтобъ они его оппустили; но нечувствительныя и упрямые Сигнахцы не внимали

его моленіямъ и на конецъ приставиликъ нему карауль. Ему оставалось одно средство: подкупить караульныхъ, въ чемъ и успѣлъ; по неиначе какъ проспившись со всемъ своимъ имуществомъ, какое только имѣлъ, и въ одномъ кафтанѣ скрылся въ Телафъ, что въ Кахетіи.

Купецъ, взявшійся доставить меня въ Россію, чрезъ нѣсколько дней возвратился въ Сигнахъ и увѣдомилъ насъ, что взятіе Тифлиса дошло и до Лезгинцовъ, которые такъ же спали укрѣпляютъ оборонительныя свои мѣста, спрашась нашествія Шахова. Сей купецъ заѣхалъ въ Сигнахъ по неволѣ; онъ хотѣлъ проѣхать на Тѣлафъ, нежелая возвратишь мнѣ 30 руб. кои я у него имѣлъ право потребовать; но въ одномъ мѣстѣ, подъ горою близъ Сигнаха, былъ ограбленъ Грузинами. Хозяинъ мой принялъ его по мнѣ въ своемъ домѣ. Въ это же время, по рекомендаціи Доктора, потребовали меня для перевода допросовъ одному пойманному Персидскому шпиону. Въ семъ мнимомъ испонѣ, призналъ я Ериванскаго жишеля,

сына одного тамошняго кузнеца , приходящаго не однократно въ бытность мою у Карапепа, въ Георгіевской Монастырь къ обѣдни. Переходя изъ одного мѣста въ другое , и на послѣдокъ бѣжавши изъ Грузіи опъ спреха военнаго, пойманъ въ Сигнахъ за шпіона , бывъ при томъ избитъ и израненъ. Я пронулся его положеніемъ сполько, что не могъ удержатъ слезъ и бросился ему на шею. Чтобы спасти его опъ дальнѣйшихъ изпызаній, увѣрялъ тамошнихъ людей, что онъ сынъ одного изъ Ериванскихъ Князей, человѣкъ весьма хорошій и пришелъ въ Сигнахъ для спасенія себя опъ Персіанъ. Я шуть же просилъ Докшора убѣдительно, чтобы онъ взялъ его къ себѣ въ домъ и оказалъ бы ему нужную помощь. Докторъ удовлетворяя моей прозьбѣ , уговарилъ перваго тамошняго спаршину, оставитъ Ериванца въ покоѣ и непричинять ему болѣе оскорбленій. Дабы подкрѣпитъ мою объ немъ рекомендацію, я спарался оказывать ему всевозможное уваженіе , и даже раболѣпшвовалъ. Докшоръ, видя

паковые добрые мои поступки, вздумалъ полюбопытствовать Ериванца обомнѣ и спросилъ его: какихъ я родителей, какого состоянїи, какъ жилъ въ своемъ мѣстѣ и прочее, уведомивъ при томъ его обовсемъ, что намѣренъ мнѣ сдѣлать. Ериванецъ знавшій и безъ того, что Докторъ расположенъ отдать за меня свою дочь и пославившъ у себя надъ всемъ полнымъ хозяиномъ, по завидовалъ моему щастію, и за мое благодареніе отплащилъ тѣмъ, что незнакомъ подлинно изъ какого я состоянїи, на сказалъ Доктору, что я сынъ самаго послѣдняго деревенскаго мужика, и надѣлавши тамъ много шалостей, на конецъ бѣжалъ, присовокупивъ къ тому, что онъ очень сожалѣетъ объ оказываемыхъ имъ мнѣ великихъ милоспяхъ, и что располагался отдать свою дочь за такого недостойнаго человѣка какъ я, приготавлиешь ей совершенное несчастіе. Изъ сей рекомендаціи Докторъ тотъ часъ замѣтилъ въ Ериванцѣ человѣка злобнаго и неблагодарнаго. Пришедъ ко мнѣ, съ начала весьма осторожно, требовалъ ска-

затѣ ему про него правду, изъ какого подлинно онъ состоянія; и когда я спалъ подтверждать ему то, что говорилъ прежде, тогда онъ съ гнѣвомъ уже началъ укорять меня во лжи, и сказалъ все, что говорилъ обо мнѣ Ериванецъ. Я, продолжалъ онъ, полюбилъ тебя и взялъ за сына, собственно по тебѣ самому, и мнѣ нѣтъ нужды, изъ какого бы ты состоянія ни былъ: это для меня все равно; но сей человѣкъ, если бы онъ и дѣйствительно былъ благороднаго произхожденія, столько взысканъ благодареніемъ твоимъ, что не смѣлъ бы уже злословить тебя, и изъ одной зависти спараться опклонять меня о томъ, что я намѣренъ съ тобою сдѣлать.— Послѣ таковыхъ замѣчаній опять принуждалъ меня сказать объ немъ правду; но я стыдился уже открывать то изъ опмщенія, чего не хотѣлъ говорить подоброй волѣ и подтвердилъ, что Ериванецъ точно сынъ Князя, а я, какъ уже ему извѣстно деревенской жипель, и бѣдныхъ родителей; но только не послѣдняго мужика. За всѣмъ тѣмъ Докторъ не вѣрилъ бла-

городству сего Ериванца и повидимому проникнувъ побудипельную причину, по коей я подѣтверждалъ объ немъ мое свидѣтельство, изъ одного уже человѣчества не выгналъ его изъ дома: ибо послѣ сего онъ не премѣнно былъ бы убитъ. Въ слѣдъ за симъ и другой госпъ, помянутый купецъ, здѣлалъ со мною еще большее, или лучше сказать, наспоющее злодѣяніе. Онъ поропился уѣхать въ Тифлисъ, чѣтобъ узнать о судьбѣ оставшагося тамъ семейства своего, и въ небытность мою дома, распрощавшись съ хозяиномъ, съ ѣхалъ со двора. При немъ ничего не было, кромѣ одной верховой лошади, на копорой ѣхалъ, да другой весьма худой, сопровождаемой его работникомъ, и навьюченной Сигнагскими орѣхами, пудъ до восьми. Но я, возвращаясь домой, встрѣпился съ нимъ и пребоваъ моихъ денегъ; въ прошивномъ же случаѣ хотѣлъ его оспановишь. Не имѣя расположенія расплатишь со мною, онъ наговорилъ мнѣ, чѣто я ошибаюсь въ моихъ надеждахъ, и сдѣлаю глупость, еспѣ-

ли останусь у Матеоса, попому, что онъ будто бы высмотрѣвши мои недоспапки, находить меня теперь, не достойнымъ того, чтобы усыновить и отдать за меня свою дочь, но что напротивъ того, думаетъ сдѣлать благодѣяніе одной своей служанкѣ, женивъ меня на ней, и вмѣсто Священника, опредѣливъ къ Церкви спорожемъ. Говоря сіе, онъ продолжалъ ѣхать къ своимъ товарищамъ, или по пущикамъ, коихъ было всего шесть чевѣкъ. Не имѣя времени обдумать сего, и не предполагая въ славахъ купца ни какого коварства, я отвѣчалъ ему, что послѣ сего не останусь у Доктора ни одного часа, и просилъ чтобы меня обождать, пока я распрощусь съ нимъ. Вошедъ къ Матеосу, и безъ всякихъ околичностей сказавъ, что ѣду, благодарилъ его за неоспавленіе меня и за всѣ милости, какія онъ мнѣ оказалъ. Докторъ и жена его изумлись толь скорому во мнѣ перевороту и почти со слезами просили меня открыть имъ причину, по которой я рѣшился, такъ не ожидаемо и вдругъ ос-

павишь ихъ, представляя, сколько много они меня любяшь, и что на мнѣ основывали всю надежду благополучія своего семейства и свою радость. Я боялся объясниться, чтобъ не упустить время и купца, такъ какъ мнѣ нельзя бы было одному выйти изъ Сигнаха; считалъ слова ихъ уже лестію и для иного ошвѣчалъ имъ, что я послѣ чрезъ письмо увѣдомлю ихъ обо всѣмъ. Докшоръ на сіе сказалъ мнѣ: , ну, другъ мой! nebudeшь ли послѣ сожалѣть, что оставилъ насъ и свое счастье?.... Можешь быть и вы Гнъ. Матеосъ, сказалъ я, будете сожалѣть обо мнѣ еще болѣе, — и съ тѣмъ вышелъ. Купецъ съ своими товарищами уже поднялся въ дальнѣйшій путь, и я могъ догнать ихъ только по тому, что худая лошадь съ орехами, едва тащила ноги. Онъ принялъ меня не очень милосливо и съ грубостію велѣлъ слѣдовать за его работникомъ. Опасаясь встрѣтиться съ разбойниками и торопясь ѣхали они предъ нами впередъ, но безсильная лошадь принуждала ихъ по часу останавливаться.

Купецъ будучи озлобленъ мною, за требованіе денегъ, билъ меня, и невиннаго работника своего, саблею безъ милосердія за то, что неидеть его лошадь. Жестокоствъ свою оказалъ онъ надъ ними болѣе десяти разъ, какъ на конецъ взошли мы на одинъ высокой холмъ, близъ Мартеона и завидѣли нѣсколько человѣкъ вѣрхами. По погодашнему времени нельзя было не заключить, что это были разбойники. Хозяинъ мой съ товарищами потѣ чась спустились въ оврагъ и тамъ припались; а я съ работникомъ отсиаали отъ нихъ сажень на бо, радуясь что лошадь по безъ силію своему еспала. Мы спарались, чшобъ разбойники насъ замѣшили и пришли спасти отъ тирана.

Я безъ ошибки ожидалъ лучшаго, надѣясь быть проданнымъ въ хорошія руки и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть опмщеніе купцу за злодѣйскіе со мною поступки. Но къ нещаспію разбойники насъ не замѣпили, а хозлева понуждали сойти къ нимъ. Они догадавшись о нашемъ намереніи, били насъ съ сугубою жестокоствію, шакъ

что одинъ только страхъ, быть со всемъ убишыми, поднималъ уже наши ноги. Въ деревнѣ Марпигопъ, копорой жители, какъ выше сказано, всѣ разбѣжались, остано- вились мы провести ночь и на другой день дошли до деревни Лило; но и здѣсь не нашли ни одной живой души, кромѣ мертвыхъ тѣлъ, ибо Персіане доходили до сего мѣста. Чемъ далѣе шли мы къ Тифлису, тѣмъ болѣе видѣли по всюду убишыхъ. Въ Лило такъ же мы начевали и къ вечеру прешьяго дня вошли въ предмѣстіе Алвабаръ, копорое Персіанами было все вызжено. Предполагали переправиться чрезъ рѣку Куръ прямо въ Тифлисъ; но мостъ на оной Персіанами, на возвратномъ пути ихъ, такъ же былъ со- зженъ изъ предосторожности, чтобъ не быть сопровождаемыми съ пылу. Почему принуждены были искать мѣста, гдѣ бы остановиться на ночь; но по всему предмѣстію нашли только одинъ домъ, уцѣ- левшій отъ общаго пожара. Какъ скоро наступила ночь: то Кахетинцы, искав- шіе въ стѣнахъ погорѣлыхъ домовъ ка-

кихъ ни будь имуществъ, пришли и къ нашему ночлегу. Купцы во всю ночь должны были держать себя въ оборонительномъ положеніи. Стоя въ дверяхъ и окнахъ привѣщивали незванныхъ гостей выстрѣлами изъ ружей. Однако Кахетинцы удалились не прежде, какъ съ наступленіемъ дня. Былъ ли изъ нихъ кто убитъ или нѣтъ, узнать было не можно: ибо мертвыхъ тѣлъ, какъ во кругъ дома, такъ и по всему предмѣстію валялось множество. Съ вечера помысливъ единственно объ опысканіи убѣжища и сохраненіи себя отъ столь вѣроятной опасности быть убитыми, мы не могли заниматься пожаромъ города; но на утро пришедъ къ рѣкѣ, увидѣли, что Тифлисъ почти во всѣхъ мѣстахъ дымился. Незная гдѣ найти переправу чрезъ Куръ, пошли берегомъ на удачу къ рѣкѣ Аракъ, чрезъ деревню Коки, стоящую на берегу прямо противъ Тифлиса; дошли до деревни Гавчала и тутъ принуждены были остановиться, чтобы накормить лошадей, которыхъ отъ Лило ни чего небыло. На слѣ-

дующій день, недалеко отъ рѣки Аракъ, гдѣ она впадаетъ въ Куръ, напали на меня и работника, нѣсколько человѣкъ Кахепинцовъ, и кромѣ ореховъ опняли все, что было навьючено на лошади, и именно: нѣсколько подушекъ весьма невысокой цѣны, мѣдную посуду, Персидскій коверъ и прочія мѣлочи, а въ томъ числѣ и мое плащѣ. Дряхлую лошадь такъ же думали увести; но принужденными нашлись бросить, ошоядя съ нею нѣсколько сажень. Между тѣмъ, какъ Кахепинцы производили свою работу, купцы будучи отъ насъ саженьхъ въ бо ши, кричали намъ, чтобы мы, не имѣющіе ни какого оружія, голодные и безсильные, защищались отъ нихъ и не давали себя грабить; но сами не смѣли приблизиться, имѣя у себя ружья, пистолеты, сабли и порохъ, кошараго; на вѣрное можно полагать, не было у Кахепинцовъ.— Какъ скоро они удалились, тогда хозяева наши, подѣхавъ къ намъ, и за то, что мы допустили себя ограбить, прибили насъ такъ, что на плѣхъ нашемъ не осмалось ни одного цѣ-

лаго мѣста; не смотря на то, что сами были причиною всему, не давъ намъ помощи. Бросивъ насъ на мѣстѣ, сами уѣхали, переправясь верхами чрезъ Аракъ къ Цехпу, первопрестольному Грузинскому Монастырю.

Въ продолженіе пятидневнаго пути, опѣ Сигнаха до сего мѣста, я ни чего не ѣлъ, кромѣ орѣховъ: ибо опходя изъ Сигнаха съ шоропливостію, я во все не по думалъ о томъ, чтобъ взять на дорогу хотя одинъ хлѣбъ. Будучи избины и голодны, мы не имѣли силъ подняться съ мѣста и пробыли тутъ до другаго дня. Купецъ, хозяинъ моего поварища, а мой должникъ, былъ столько жестокъ, что не оставилъ намъ ни сколько и орѣховъ, зная что на томъ мѣстѣ, для пропитанія нашего, не было даже ни какой травы. По утру добрѣли мы до берегу; но ни гдѣ не находили мѣста, гдѣ бы можно было переправиться въ Бродъ. И такъ принуждены были, утомленные болѣзнію и голодомъ, сидѣть на берегу и дожидаться: не увидимъ ли какого нибудь

беглеца. Около полудни, нашель на насъ одинъ Грузинъ. Мы просили его, чтобъ указалъ намъ бродъ; но онъ потребовалъ съ насъ за то плапы; а какъ мы ничего не имѣли, то онъ удовольствовался отъ меня худымъ мешкалевымъ кушакомъ, а товарищъ мой опдалъ ему свои башмаки, такъ же почти изношенныя. Рѣку прошли мы держась за его плеча, и гдѣ было выше головы, то мы, по наученію его, прискакивая подвигались впередъ;— и такимъ образомъ перешли съ помощію Божіею на другой бѣрегъ. Дома въ Цхенѣ такъ же всѣ были выжжены, и по всюду валялось множество убитыхъ жителей; а Монашескивающіе всѣ разбѣжались. На дворѣ Монастырскомъ встрѣтили мы еще трехъ человѣкъ, которые возвратились сюда изъ бѣгства, для того, чтобъ сыскать себѣ какой ни будь пищи. Обшаривъ всѣ мѣста, не попалось намъ ничего, кромѣ одной, едва бродившей на дворѣ старой свиньи. Ни у одного изъ насъ не было ни какого орудія, чѣмъ бы ее заколотъ. Наконецъ нашли мы изломанной серпъ, а

другіе взяли острые камни; но всѣ пашеро такъ были безсильны, что съ великимъ трудомъ могли сладить съ дряхлою живою, и ее убить. Надобно было идти къ берегу, чтобы достать хворосту, но никто не смѣлъ пуда показаться, опасаясь быть убитыми опъ разбойниковъ; и такъ рѣшились расклатъ сухой навозъ и на немъ спряпать жаркое. Кушанье наше только что запѣлось, но впрочемъ было еще сыро и при томъ безъ соли; однако голодь не разбираетъ ничего, и мы кое какъ напѣлись. День и наступившую ночь провели въ недоспоенномъ домѣ Кафаликоса. Намѣстникъ и Монашесивующіе, при побѣгѣ своемъ, Монастырскіи сокровища спрятали въ потаенномъ мѣстѣ вкупрь стѣны, въ которой отверстіе сдѣлано было къ самому верху, и закладывалось такимъ же камнемъ, какъ и прочіе. Но попряпавши сныя, пошоропливости, или по простопѣ, оставили у того самаго мѣста лѣстницу; а сіе и подало поводъ догадаться Персіанамъ, что тутъ есть поклажа, которая и похищена ими безъ

остатка. Можно однако думать, что если бы Монашествующіе не оставляли своего поста, тогда Персіане, можетъ быть не прикоснулись бы ни къ чему, такъ какъ они изъ стари къ Святымъ мѣстамъ всегда имѣють уваженіе.

На другой день рѣшились мы идти въ Тифлисъ, чрезъ Гаріискаръ, несмотря на всю опасность сего мѣста, гдѣ и въ мирное время, всегда водились разбойники. Дорога сія, отъ Цхета до Тифлиса, идѣтъ подлѣ самой рѣки Куръ подъ каменнымъ и гористымъ ея берегомъ узинкою тропинкою, такъ, что не болѣе двухъ человѣкъ могутъ идти рядомъ. Подорогѣ вздумалъ я опасаться отъ моихъ товарищей, съ тѣмъ, что бы дожидаться разбойниковъ, копорыя для своей пользы конечно не допустятъ меня умѣреть съ голода, отвезутъ къ себѣ и продадутъ какому нибудь Армянину; а какъ я человѣкъ грамотной, то надѣялся, что и вездѣ мнѣ будетъ хорошо. Между трупами убитыхъ я сидѣлъ цѣлый день; —

наступила ночь, — а потомъ утро; — но, какъ нарочно, не наѣхаль на меня ни кто. — Между шѣмъ, предъ полуднемъ увидѣлъ я толпу людей, бѣгущихъ отъ стороны Тифлиса. Они спросили меня, что я тутъ дѣлаю? Хочу идти въ Тифлисъ, отвѣчалъ я. Но они совѣтовали мнѣ слѣдовать съ ними въ Душешъ и Анануръ, куда укрылись Тифлискіе жители, говоря что они сами хотѣли посмотрѣть жилища свои и любопытствовать, что въ Тифлисъ дѣлается; но узнали, что Шахъ опять воропился и приближается къ сему мѣсту. Я отказался отъ ихъ предложенія пошому, что отъ нихъ не досталъ бы ни куска хлѣба; въ Тифлисъ же надѣялся я найти въ садахъ какіе ни будь фрукты, и находилъ для себя гораздо полезнѣе попасъся въ руки разбойниковъ, или Персіанъ, нежели слѣдовать за ними. Перешедъ дорогу сію, почпи все по шрупамъ, и пришедъ въ Тифлисъ, чрезъ Тапишагскіе ворота я еще болѣе ужаснулся, увидѣвъ даже женщинъ и младенцовъ посѣченныхъ мечемъ

непріятелю по всемістно, не говоря уже о мущинахъ, коихъ въ одной башнѣ нашелъ я на глазомѣрь около тысячи пруповъ. Шахъ, по выходѣ изъ Тифлиса въ обратной путь, не дошелъ еще до Ганджи, и былъ отъ Тифлиса не далѣе трехъ сутокъ ходу, какъ я пришелъ въ оный Бродя по городу, даже до Ганджинскихъ воротъ, я не встрѣтился ни съ однимъ живымъ человѣкомъ, кромѣ нѣкоторыхъ измученныхъ спариковъ, коихъ непріятели допрашивая, гдѣ есть у нихъ богатства, или деньги, дѣлали надъ ними различныя тиранства. Городъ почти весь былъ вызженъ — и еще дымился, а воздухъ отъ гніющихъ убитыхъ тѣлъ, по жаркому времени, совершенно не сносенъ, и даже заразителенъ. Сіе ужасное позорище остановило меня. Я не имѣлъ ни силъ, ни духу пройти за городъ, за Ганджинскія ворота на Сейдабадскую дорогу въ Керцанисъ, гдѣ думалъ я найти плодовъ и посмотрѣть мѣсто сраженія, и принужденъ былъ въ тошъ же день выйти изъ него на прежнюю дорогу, гдѣ

покрайнѣй мѣръ могъ я опыскать себѣ въ пищу хопя траву. Но только что выбрался изъ города, то опть бѣзсилія принужденъ былъ остановиться и провести остальную часть дня и ночь подъ открытымъ небомъ. На утро слѣдующаго дня, идучи обратно въ Цхешу, пипался правою, ягодами, какіе только попадались, и съ великимъ трудомъ дошелъ туда въ продолженіи дня. Уменя изсохла вся внутренность и едва можно слышать мой голосъ. Въ Цхешѣ нашелъ я нѣсколько бродящихъ бѣглецовъ Тифлискихъ жипелей, и на другой день пошелъ съ ними въ Душетъ. Въ продолженіи сей дороги пипался я такъ же правою, кореньями и ягодами. Попутчики мои были совершенные звѣри; они не навидѣли меня, какъ Персидскаго подданнаго, и даже, сколько я могъ замѣшпшь, покушались меня убить. Переночевавъ въ Душетѣ, предъ вечеромъ другаго дня, дошелъ я одинъ до селѣнія Анануръ, кошорое споишь на самомъ берегу Арака. Мнѣ шѣмъ труднѣе было проходить сіи

мѣста, что и Армяне не знали Армянскаго языка; а говорили по Грузински и я вездѣ подвергался отъ нихъ опасности по одному только тому, что плащѣ на мнѣ было Персидскаго покроя. — Даже самое бѣдствіе не смягчило сердце ихъ.

Въ Ананурѣ Армянскихъ домовъ было до 15 пи и одна весьма малая церковь въ которой вмѣститься могло едва 50 тѣ человекъ. Я лишился почти всѣхъ силъ; но крайность заставила сдѣлать послѣднѣе ихъ напряженіе, чтобы войти въ въ церковь, которая была не заперта ни чѣмъ, кроуѣ одной рѣшетки, служившей вмѣсто дверей. Сколько могъ очищать пыль, подпавить на свои мѣста нѣкоторыя церковныя вещи и молился Богу, сколько отъ истиннаго сокрушенія сердца, сколько, признаюсь и для того, чтобы дать себя замѣнить шамошнимъ людямъ, имѣя нужду дѣлать себѣ кусокъ хлѣба. За мною вошли двое изъ Армянъ; но изъ нихъ только одинъ могъ говорить по Армянски, да и то весьма худо. Онъ

распрашивалъ меня оу куда я; знаю ли грамоту и гдѣ учился? Удовлетворяя вопросамъ его, я, въ конечномъ безсиліи моемъ, поропился высказать ему важнѣйшее, что я знаю очень хорошо читать, писать и весь церковный обрядъ и служеніе. Послѣ сего онъ спросилъ еще: хочу ли быть у нихъ Священникомъ? такъ какъ Священника у нихъ не было. Я объявилъ имъ, что согласенъ на все, что только имъ угодно, не имѣя болѣе силъ говорить: всѣ члены мои дрожали оу слабости, и я едва держался на ногахъ. Сіи два Армянина были родные братья и оба женаты. Они привели меня къ себѣ въ домъ и придумывали чѣмъ бы меня накормить: ибо знали уже, что я изъ 13 ши супокъ, пять, ѣлъ только орехи, а восемь супокъ одну праву. И такъ рѣшились сдѣлать самую жипкую саламашу. Но за всѣмъ тѣмъ, что она довольно была уже проспывши, я, только что проглотилъ двѣ ложки: то кожа въ рошу вся слезла; вдругъ лишился я послѣднихъ силъ и памяти, и въ положеніи

почти безчувственномъ, пребылъ до самаго утра слѣдующаго дня. Опъ хозяевъ моихъ узнали обо мнѣ и всѣ тамошніе Армяне; они приходили меня смотрѣть, ласкали меня и говорили, про себя, что нашли кладъ. Мать новыхъ хозяевъ моихъ особенно меня полюбила и старалась кормить меня какъ можно лучше, такъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней я довольно поправился. Здѣсь узнали мы опъ выходцовъ, что Шахъ удаляется въ Персію и выступилъ уже изъ Ганджи. По сему извѣстію, укрывавшіеся въ лѣсахъ за Душетомъ и Анануромъ жили Тифлиса, и другихъ мѣстъ, спали выходить въ селѣнія. При сихъ случаяхъ, я былъ зрѣлищемъ столь плачевныхъ сценъ, что даже забывалъ собственное бѣдствіе. Престарѣлые и малолѣтніе обоого, пола и всѣхъ состояній, спѣкшіеся въ Анануръ во множествѣ, проводя день и ночь подъ открытымъ небомъ въ ненастливую погоду, не имѣя ни одежды, ни пропитанія, оплакивали свою участь и жребій ихъ семействъ и родственни-

ковъ. Опець потерялъ сына, сынъ не зналъ, что послѣдовало съ его опцомъ; матери лишились дочерей, а дочери матерей, мужья женъ, а жены мужей, и совсѣхъ споронъ воплями наполняли воздухъ.

Узнавъ, что Царь Ираклій находится тутъ же въ Ананурѣ, я рѣшился непременно его найти. Для сего пошелъ однимъ упромъ къ тамошнему Грузинскому старинному Монастырю, какъ къ единственному мѣсту, въ которомъ на вѣрное могъ встрѣпиться съ Царемъ. Монастырь сей былъ очень не великъ и почти весь уже развалился. Ходя около сего мѣста, подъ сводомъ одной разрушенной кельи, бывшей въ углу монастырской стѣны, увидѣлъ я человека, сидящаго лицомъ къ стѣнѣ и закрываго простымъ овчиннымъ шулупомъ; а въ близи его споялъ другой человекъ, довольно снарой. Я спросилъ его: кто такой сидитъ въ углу? Онъ отвѣчалъ мнѣ по Армянски пространно и съ глубокимъ вздохомъ:

„сей, котораго ты видишь, былъ нѣкогда въ великой славѣ и имя его уважалось по всей Азіи, еще отъ дней Тахмасъ Кулы Хана. Онъ былъ лучший правитель народа своего. Какъ отецъ старался благоденствіи его и умѣлъ сохранять цѣлость царства своего до сего времени чрезъ цѣлые 40 лѣтъ, но старость, лишившая его силъ, положила всему преграду и конецъ. — Чтobyъ обратились раздоры и междоусобицы въ семействѣ своемъ, по смерти его послѣдовать могущія, онъ думалъ сдѣлать послѣднѣе добро народу своему, и для лучшаго управленія раздѣлилъ царство по частямъ. — Но несчастный Царь Ираклій ошибся въ своихъ надеждахъ. — Бывшій Евнухомъ Тахмасъ Кулыхана, въ то время, какъ Ираклій носилъ званіе военнаго начальника Персіи, пришелъ нынѣ побѣдишь не мощную старость его, Какъ и собственныя дѣши отказались помочь ему, и спасли опечесиво, по тому, что ихъ было много, и всякой изъ нихъ думалъ, что онъ будетъ стараться не для себя, а для другаго.

Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ Царю Имѣреши; но естли ты былъ въ Тифлисѣ, то конечно видѣлъ весь позоръ, какой представляли памъ войска его. Ираклій съ горстшю людей сражался со спашысячами и лишился Престола опъ того, что былъ оставленъ безъ жалости дѣшми своими, и кому же на жертву? Евнуху, — челоѡку, который прежде ему раболѣпсшвовалъ! Померкла долголшняя слова его; столица обращена въ развалины и благоденствіе народа его въ погибель. Вотъ, подъ сею спшною, видишь ты укрывающагося опъ всѣхъ людей, славнаго Царя Грузіи, безъ помощи и покрываго только овчиною кожею. Царедворцы и всѣ находившіяся при немъ ближніе его, природные подданные, коихъ онъ покоилъ и питалъ налонъ своемъ во всемъ изобиліи; оставили его; ни одинъ изъ нихъ не послѣдовалъ за владыкою своимъ, кромѣ меня, самаго послѣдняго Армянина. Я прислуживалъ у повара его и питался опъ падающихъ крупиць. Я одинъ только не забылъ, что и сіи крупицы принадлежали

Царю; одинъ я не бросилъ сего несчастнаго Царя; охраняю его, прошу милоспину, или инымъ образомъ достаю кусокъ хлѣба и приношу ему., Сей добрый старикъ, рассказывая мнѣ приключеніе Царя, горестно плакалъ объ участи его, какъ вѣрный преданный рабъ. — Съ благоговѣйнымъ уваженіемъ я посмотрѣлъ на Ираклія, желалъ повергнуться къ стопамъ его и облобызать ихъ, но не смѣлъ сего сдѣлать, и Армянинъ конечно бы до того меня не допустилъ, дабы не открытъ Ираклію, что онъ узналъ, — узнать въ столь униженномъ, а болѣе бѣдственномъ состояніи. Невольнымъ образомъ вспомнилъ я Испорію матери моей, — церкви и Монастыри на Аракашской горѣ; — содрогнулся въ душѣ моей — и самъ себѣ сказалъ: сильныя и крѣпкія земли! вопіть ваша слава! — Плоды дѣла вашихъ! — Вся мудрость ваша, слабые сосуды скудельничать! — Смотрите, — ужаснитесь и научитесь! Одни судьбы Божіи сильны и не преложны; однѣ надѣющіяся на господа и ходящія въ путехъ его,

не имущъ погибнуть во вѣки! Съ сими размышленіями, и съ сердцемъ полнымъ сокрушенія и скорби, пошелъ я къ своему дому, проливая о участи несчастнаго Царя обильныя слезы.

Опъ усугубившагося спеченія народа изъ Теулеша и опъ Сшепан-Цминда, (: Святаго Стефанія, старинный Грузинскій монастырь, спонцій впускъ:) я едва могъ продрапъся, чѣмъ войти въ домъ. Къ удивленію нашель я у моихъ хозмевъ того купца, который мнѣ долженъ. Не входя со мною ни въ какія изъясненія, онъ, по прежнему праву, послалъ меня въ пошъ же день на драхлой своей животинѣ въ Тифлисъ, чѣмъ опыскавъ его домъ, осмопрѣшь погребъ, куда жена его спряшала свое имѣніе; а потомъ пройти въ Карцанисъ, въ садъ его и привести опшуда вина, которое предъ нашествіемъ Шаха шолько, что было сдѣлано и ошалося въ своемъ мѣстѣ не убраннымъ. Въ Ананурѣ пробылъ я въ сей разъ 8 дней. Въспо шого, чѣмъ придши въ Тифлисъ въ однѣ суши, я

долженъ былъ пребыть на дорогѣ пром-
супки: ибо лошадь едва пересступала.
Пришедъ въ Тифлисъ, нашель я домъ
купца въ развалинахъ и погребъ разры-
тымъ, въ которомъ, вмѣсто имѣнія, лѣ-
жали двое убитыхъ людей; равнымъ об-
разомъ и въ саду не нашель я ничего:
ибо вино еще скорѣе могло бытъ найдено.
Такъ какъ весь почти городъ обращенъ
былъ въ развалины и выжженъ: по сему по-
мѣсто, гдѣ былъ домъ купца, я могъ найти
только по примѣшамъ, что близко его нахо-
дилась извѣстная мнѣ церковь. Какъ въ са-
момъ Тифлисѣ, такъ и за городомъ запахъ
опъ мертвыхъ шлъ еще болѣе усугубился
и совершенно сдѣлался заразительнымъ. Въ
Карцанисѣ встрѣшилъ я жителей Газакъ-
Барчалу, (*) Грузинскихъ подданныхъ,
которые съ семействами своими возвра-
щались на прежнія жилища. Одинъ изъ
нихъ призналъ купцову лошадь своею, ко-
торая у него была украдена, назадъ мѣ-
сяца четыре, что подтвердили изъ шѣхъ

(*) Мѣсто рожденія моеи матери.

семѣйствѣ нѣсколько человѣкъ. Меня хотѣли связать и опвесити въ свое мѣсто, чптобы тамъ наказать какъ вора, и я едва могъ увѣришь ихъ въ моей невинности, объяснивъ ошъ кого и за чѣмъ былъ посланъ въ городъ. Освободившись ошъ Газакцовъ, я радъ былъ, чпо избавился ошъ негодной лошади, за копорую принялъ сполько пиранскихъ побоевъ, и пошелъ въ сады набрать плодовъ, чптобъ утолить свой голодъ; ибо идучи изъ Ананура, не было со мною ничего; я пишался на дорогѣ ошпашъ правою, и привыкши уже къ голоду, при дни были мнѣ не такъ чувствительны. Для отдохновенія своего нашель я близъ Ганджинскихъ ворошъ, у площади Турке - Майданъ, подлѣ церкви одинъ домъ, копорый не былъ ни соженъ, ни разрушенъ. Я думалъ оспашъся въ семь домъ до другаго дня; но взойдя въ оный увидѣлъ нагаго человѣка, поверженнаго на землѣ и едва дышущаго; подхожу къ нему, и узнаю того самаго, копораго я приглашалъ удалиться изъ Тифлиса заблаговременно. Онъ былъ раненъ, и съ

нуждою могъ проговорить, что уже нѣ-
 сколько дней ничего не ѣлъ. Я далъ ему
 плодовъ и совѣщавалъ, чтобы онъ
 дошелъ до садовъ; но сей смѣшный чело-
 вѣкъ сказалъ мнѣ, что онъ боится раз-
 бойниковъ, какъ будто бы было еще что
 опянять у него, и будто бы можетъ по-
 слѣдовать съ нимъ худшее, нежели въ
 какомъ положеніи онъ находился. Я за-
 мѣтилъ ему, что страхъ его столькоже
 пустой и глупой, какъ и та надежда, ко-
 торую онъ имѣлъ, что Шахъ будетъ по-
 бѣжденъ, и не хотѣлъ вѣрить очевидному
 событію. Онъ отчасти рассказалъ мнѣ
 о жестокоствѣхъ и неистовствахъ Пер-
 сіанъ, какія оказывали они въ Тифлисѣ,
 даже надъ младенцами и малолѣтными
 дѣтьми, которыхъ, держа за ноги, разру-
 бали пополамъ съ одного раза, для того,
 чтобы пробовать: хорошили ихъ сабли; и
 наконецъ что всему бѣдствію будто бы
 была причиною супруга Ираклія: ибо въ то
 время, говорилъ онъ, какъ Царь, съ хра-
 брыми своими войсками сражался въ Карца-
 нисѣ, жители Тифлисскіе хотѣли укрѣ-

пипься въ городъ и сдѣлать все нужное къ своей защитѣ; но видя, что Царица оставя городъ и супруга бѣжала въ горы, то народъ, потерявши присутствіе духа, переспалъ думая объ оборонѣ и разбѣжался почти весь., Оставя сего раненаго, я, для лучшей безопасности придумалъ сыскать такой домъ, гдѣ были бы воры, обыскивавшіе по ночамъ пожилки въ пусыхъ домахъ. Таковые люди были изъ памошныхъ же бѣдныхъ жилищей, которые знали всѣ богатые дома и опъ шакаго промысла они сдѣлались богатыми, а богатые бѣдными. Я нашелъ другой цѣлый домъ, также подлѣ самой церкви, принадлежащій одному именитому чловѣку Саркису Агъ, который и оную церковь выстроилъ вмѣстѣ съ домомъ. — На дворѣ встрѣтился я съ престарѣлою женщиною, которая лишилась своего семейства и прислуживала въ семь домѣ пѣмъ людямъ, коихъ я искалъ. По своему несчастію она сжалилась надъ моимъ, и приняла подлѣ свое покровительство. Я прожилъ въ семь домѣ четверо сутокъ

безъ всякой опасности, и тѣмъ подѣ въ-
нѣйшею защитою отъ воровъ и разбой-
никовъ, что мои защитники, были, сами
того же ремесла. Ходя по улицамъ и по
разкопаннымъ домамъ, я собиралъ валяю-
щіяся книги и приносилъ для сохраненія
къ спарухѣ; а для пропитанія ходилъ въ
мѣстечко Вѣра на мѣльницы; собиралъ
тамъ мучную пыль, а по домамъ въ коню-
шняхъ ячмень, изъ котораго спаруха
дѣлала для меня хлѣбъ. На одной изъ
посѣщаемыхъ мною мѣльницъ, случай при-
велъ меня найсти еще одного несчастнаго
изъ моихъ знакомыхъ. Въ караванѣ на-
шемъ, пришедшемъ въ Тифлисъ изъ Тав-
реза, былъ одинъ купецъ, имѣвшій отъ
роду около 70 лѣтъ. Женясь въ Тиф-
лисѣ, жилъ съ женою, по тамошнему обык-
новенію, не болѣе мѣсяца, и будучи не-
доволенъ умѣреннымъ состояніемъ, оп-
равился шатавшись по разнымъ странамъ;
былъ даже въ Египтѣ и всюду искалъ на-
богатиться. Возвращаясь въ Тифлисъ,
слишкомъ чрезъ сорокъ лѣтъ, опыскалъ
свою жену, которую оставилъ молодою;

а нашелъ старухою. Она столько была справедлива къ самой себѣ, что при первомъ шагѣ опрѣклась отъ него, выгнала отъ себя съ безчестіемъ, и не пожелала отъ него ни богатства, ни успарѣвшей его любви. Труды его, почти полвѣка продолжавшіеся, кончились тѣмъ, что онъ лишился всего, и измученный, покрытый ранами, найденъ мною брошеннымъ на мѣльницѣ. Онъ еще былъ живъ и узнавъ меня, просилъ доставить ему какой нибудь пищи. Но я не могъ подать ему никакой помощи, и думаю, что онъ въ тотъ же день умеръ. Я нужнымъ считаю здѣсь упомянуть, что въ Грузіи и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, къ несчастію весьма многіе пакъ дѣлають, что проживъ съ молодою женою недѣль двѣ, бросають ее и идутъ на чужую сторону искать неизвѣстнаго, оставляя несчастную жену, безъ всякой жалости, влачить самую жалостливую жизнь.

На четвертый день пребыванія моего въ Тифлисъ въ сообществѣ воровъ, по-

кровишельница моя послала меня съ кувшиномъ за водою. Возвращаясь съ рѣки увидѣлъ я толпу людей, бѣгущихъ за Тапишагскіе вороша, копорые, думалъ я, были изъ числа шѣхъ же, кои занимались въ городѣ обыскиваніемъ домовъ. Я спрашивалъ ихъ о причинѣ сего бѣгства, и едва могъ добиться, что будто бы Шахъ опять возвратился и вступилъ въ Соганлугъ. Я очень былъ увѣренъ, что это была выдумка нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы больше еще выиграть времени для обшариванія домовъ несчастныхъ жителей, и попому, не смотря на мнимый страхъ, шелъ спокойно къ своему мѣсту. Но пришедъ въ домъ, не нашелъ уже въ немъ никого. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ ипши опять въ Анануръ. Въ убѣжищѣ моихъ покровителей нашелъ я одинъ не большой мѣшокъ, въ копорый набралъ плодовъ, называемыхъ у насъ *Сергѣвилъ*, а по Тифлисски *Колиши* (: плодъ подобный большой грушѣ :) съ шѣмъ чтобы опнесни моимъ хозяевамъ въ подарокъ. Я пошелъ прежнею дорогою и

ночевалъ надъ рѣкою на одномъ высокомъ холмѣ. Попомъ имѣлъ ноглегъ въ Цхешѣ, въ монастырѣ, гдѣ тогда было много проходящихъ людей разнаго званія. Я положилъ мѣшокъ мой съ плодами подъ голову; но проснувшись, къ великому при- скорбію, не нашелъ ни мѣшка ни плодовъ, и шужилъ о сей потерѣ, какъ о какомъ нибудь важномъ сокровищѣ, попому, что изъ усердія къ добрымъ моимъ хозяевамъ, принималъ шрудъ въ жаркое время шашить довольно шягостную для меня ношу, желая хопя чрезъ сію малость, оказать имъ мою признашельность. Пришедъ въ Ана- нуръ, я встрѣченъ былъ купцомъ и его же- ною, ожидавшими меня съ неперпѣніемъ. Я пересказалъ имъ все, что нашелъ въ быв- шемъ его домѣ, и какимъ образомъ опняди у меня Газакцы его лошадь. Но сей бѣз- дѣльникъ ругалъ меня и ударилъ нѣсколь- ко разъ по щекамъ за то, для чего не взялъ я паланъ, (родъ сѣдла, кошорое по край- ней мѣрѣ было вѣсомъ пудъ), и какъ будто я былъ въ силахъ сдѣлать что нибудъ прошиву нѣсколькихъ шопъ человекъ.,

Хозяева мои, и другіе, говорили мнѣ, для чего я позволяю ему поступать съ собою столь обиднымъ и наглымъ образомъ, и совѣщовали заплаतिшь словомъ за слово и наплевать ему въ глаза. Но я все надѣялся, что могу съ нимъ добраться до Россіи и для того рѣшился терпѣть все, держа въ умѣ своемъ, чтобы отъ него не опспать, обмануть надежду Ананурцовъ, что буду у нихъ Священникомъ, и потому съ припворнымъ смиреніемъ опозвался на слова ихъ, что по закону Божественному, должно все сносить съ терпѣніемъ. — Въ сіе время нашелъ я въ Ананурѣ людей весьма уже не много: ибо въ мое опсупствіе всѣ почти спали удаляясь въ Кахетію, какъ такое мѣсто, гдѣ безъ нужды могли найти для себя продовольствіе.—

На другой, или на третій день, какъ пришелъ я въ Анануръ, проѣзжала чрезъ сіе мѣсто изъ Шепанцминда въ Кахетію Свѣшлѣйшая супруга Ираклія, Дарижанъ. Здѣсь народъ, остановивъ ее, уко-

рялъ въ одинъ голосъ своимъ бѣдствіемъ, и забывши должное къ особѣ ея уваженіе, можно сказать оспервенился до того, что кромѣ неистовыхъ и дерзновеннѣйшихъ выраженій, даже и самая жизнь ея подвержена была опасности.

Послѣ сего, не болѣе какъ дни чрезъ четыре, Грузинскіе мошенники пропустили слухъ, съ тѣмъ же намѣреніемъ какое объяснилъ я выше, будто Шахъ опять вспунилъ въ Тифлисъ. По общей тревогѣ, находившіяся въ Ананурѣ шесть семействъ зажиточныхъ Армянъ, въ томъ числѣ и мои хозяева, рѣшились, пока не наспанелъ спокойствіе, удалиться въ горы къ Теулешскимъ жителямъ, въ деревню Чоху, отъ Ананура на день ходу. Купецъ съ своимъ семействомъ также послѣдовалъ вмѣстѣ съ ними. Мы остановились въ Чохѣ, въ домѣ старшины, по прозванію Шаро.— Всѣхъ домовъ въ Чохѣ, было тогда только три. Теулешцы Грузинскіе подданные и хотя исповѣдующъ Христіанскую вѣру, но совершенно дикій на-

родъ. Анануръ, Душедъ и другіе не большія селенія въ горахъ, по обѣ стороны Арака, и словомъ все то мѣсто, которое называется Хевсуръ, по раздѣлу Ираклія, находилось во владѣніи Царевича Вахтанга. Теулешскіе деревни, заключающъ въ себѣ не болѣе, какъ ошъ двухъ до пяти домовъ, а въ иномъ мѣстѣ по одному; въ домахъ оконъ и щрубъ нѣтъ; — свѣтъ входитъ только въ двери, и попому въ избахъ шакъ темно, что во весь день курятся у нихъ лучины, или бересшы. На домахъ по двѣ кровли; изъ коихъ нижнія шакъ крѣпко спроятся, что на нихъ, по тамошнему обыкновенію, молопятъ хлѣбъ лошадыю, а верхнія охраняющъ ошъ дожда. Хлѣбы дѣлающъ пополамъ изъ ячменной и бобовой муки, или какая когда случится. Пекутъ ихъ въ большихъ глиняныхъ сосудахъ съ краями, на подобіе шарелокъ, такимъ образомъ, что посшавя ихъ одну къ другой внутреннему спороною соединенно верхними концами, разкладывающъ подъ ними огонь; и когда шарѣлки разкалялся, то поло-

живъ въ нихъ пригошовленное тѣсто, засыпающъ довольно толсто горячею золою. Хлѣбъ сей называется по тамошнему Кеци. Естльи же когда доспающъ мясо, то не прежде варящъ его въ пищу, какъ сдѣлается отъ него уже запахъ, или просто сказашъ, когда протухнешъ. Живущъ вообще неопратно; ибо въ одной избѣ держащъ съ собою и скопъ, какой только у нихъ естъ, и даже безперегородки, а только привязываютъ къ спѣнѣ. По общей нуждѣ, я конечно былъ бы голоденъ; но для избѣжанія сего, я прислуживалъ каждому семейству, въ чемъ кому была надобность; и буде не въ помъ, такъ въ другомъ мѣстѣ, доспавалъ себѣ пищу. Однако и за тѣмъ не всегда случалось быть совершенно сытымъ. Въ деревнѣ Чохъ находилась не большая церковь, но безъ священника. Въ ней почти ничего не было, кромѣ одной занавѣсы у олшаря, изъ старой холстины; вокругъ церкви росли дикія грушевыя деревья; съ которыхъ никто не смѣлъ собирать плодовъ, какъ съ принадлежащихъ церквѣ и

пошому священныхъ и неприкосновенныхъ. Мнѣ шакже о семъ было сказано, подѣ опасеніемъ въ пропивномъ случаѣ, быть убитымъ. Однако не смотря на сіе запрещеніе, въ первыя сушки по приходѣ въ Чоху, когда я еще не ознакомился съ помнущими семѣйствами, будучи довольно голоденъ, осмѣлился въ ночное время по пользоваться сими плодами. Но кромѣ того, что они по холодному времени были замерзши, нашелъ ихъ и недозрѣлыми; отъ чего набилъ самую сильную оскомину, шакъ, что послѣ сего ни какъ не могъ ѣсть хлѣба, и опасался посему быть признаннымъ въ похищеніи священныхъ плодовъ. — Однако я нашелъ средство вымѣчить свои зубы жеваньемъ восковаго огарка, который одинъ только и былъ найденъ мною въ церквѣ. Послѣ сего ходилъ я, почти каждый вечеръ, къ одному переселившемуся изъ Турецкихъ владѣній пожилому Тифлискому обывателю, Голоенцу Багдасару, стоявшему въ другой избѣ, читавъ для него вечернія молитвы и службу. Онъ

и жена его весьма меня полюбили; довольно доказали, что были люди добрые, и я не имѣлъ уже большой нужды въ пропитаніи. Хозяева мои, также по возможности меня не оставляли, исключая купца, оцѣ котораго я ничего не видалъ, кромѣ оскорбленій и обидъ. Сей злой человекъ и здѣсь былъ причиною одного со мною случившагося приключенія, которое было и болѣзненно и сполько же смѣшно. Онъ послалъ меня однажды въ другую деревню, споявшую за первымъ оцѣ Чохи возвышеніемъ, купить для лошади его мякины, научивъ меня спрашивать по Грузински, такимъ образомъ: *Бзѣ - Арагакъ Гасасъ - Гидели*, что значить изъ слова въ слово: *мякина есть ли продажная*. — Идучи дорогою я безпрестанно швердилъ сіи слова, чтобъ не забыть; но пришедъ въ деревню и осматривая, въ какой домъ войти, выбралъ тотъ, который былъ побольше другихъ; но между тѣмъ, кромѣ *Бзѣ*, прочія слова позабылъ. — Взошедъ въ избу, полную дыма, но ~~темнотѣ~~ не могъ ничего

видѣшь и обходилъ оспорожно около скопины къ курившемуся огню.. Тупъ увидѣвъ женщину, приготавливающую хлѣбы, сказалъ ей только *Бзѣ*: она взглянувъ на меня, перекрестилась, и выговоривъ по своему имя Іисусъ Христа, съ поропливоспїю вышла вонъ. Я не заключая изъ сего ничего худаго, думалъ еще, что женщина сія сполько добра, что пошла принести мякины, не сказавъ даже, сколько будешь спойшь мѣшокъ, копорый для сего былъ со мною. Но вмѣсто мякины, чрезъ нѣсколько минушъ, входитъ въ избу цѣлая толпа народа, съ палками и кпо съ чѣмъ, каждый держа въ одной рукѣ зазженные, или лучину, или берестю. Подходя ко мнѣ шихо, всѣ крестились, говоря также имя Іисусъ Христа. — Я не имѣлъ времени размышлять о томъ, чтобы значило сіе явленіе, какъ они вдругъ всѣ на меня бросились, сшибли съ ногъ, щипали на мнѣ волосы, сожгли опъ худаго моего кафшана цѣлую полу, прочее разодрали и едва не удушили. Я также кричалъ имъ, и по Турецки, и по Персидски,

что я Христіанинъ; но они ничему не
внимая вышацили меня изъ избы, и пока
принесли веревку, человекъ десяць дер-
жали меня, кто за руки, кто за плечи,
другіе за волосы; а одинъ схватилъ меня
за нижнюю губу. По томъ надѣвъ мнѣ
нашею пеплю, держали веревку съ кон-
цовъ, а я находился по срединѣ, и та-
кимъ образомъ повели меня въ ту деревню,
гдѣ мы спояли, къ помянутому старшинѣ
Шаро, и провожая съзади палочными
ударами, едва меня не задавили. Я былъ
при нападеніи и измятъ и обожень во
многихъ мѣстахъ такъ, что большая
часть волосъ сгорѣли и даже брови были
всѣ опалены. Я ничего непонималъ изъ
сего явленія и терпѣлъ чрезвычайную
боль отъ обжоги и прочаго. Но только
что взвели меня на гору, то отъ насъ
къ щасію тошчасъ увидѣли шорже-
ственное мое шествіе. Старшина первой
побѣжалъ на встрѣчу и едва могъ уго-
ворить дикарей, чтобъ меня освободили.—
Причина такому поступку, какъ мнѣ объ-
яснили, была та, что какъ женщина,

Часть 2.

6

такъ и прочіе жишели никогда невидали тамъ челоуѣка въ одеждѣ Ериванскаго покроя; а при томъ первая будучи испугана нечаяннымъ моимъ появленіемъ, прямо сочла меня за домоваго и увѣрила въ томъ и прочихъ. Волосы щипали на мнѣ для того, что, какъ они вѣряшъ, ешъли не-взяшъ опъ домоваго волосъ, то онъ во всѣ скроешъ; а когда кто ихъ достанешъ, то домовой послѣ того будетъ у того прислуживать въ домъ не видимо. Опъ сего приключенія былъ я болѣнь около двухъ недѣль; хозяева мои и Багдасаръ съ женою прилагали обо мнѣ попеченіе и лѣчили обжогу мою, обмазывая масломъ и гусинымъ саломъ.

Галоевъ Багдасаръ, примѣчая всѣ злыя поступки со мною купца, и видя бедственное мое положеніе и всегдашнюю горестъ, наконецъ по выздоровленіи моемъ позвалъ къ себѣ спросилъ меня, чѣмъ я пересказалъ ему о себѣ подробно, опъ куда и какъ я попался къ тому купцу. — Я рассказалъ ему всѣ со мною приключе-

нія, якія толькі могли заслужыць яго уважэнне. Онъ сполько быль оними пронуць, што обняль мяня со слезами и утѣшаль надеедоу на милоснѣ и помоуць Божію.— Узнавъ же, што я поручень купцу не для того, штобъ быль безгласнымъ его рабомъ, но што онъ обязался доставиць мяня въ Россію и взяль за шо тридцать рублей, шо обѣцавъ отправиць мяня въ Кизляръ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, шошъ же часъ пошелъ сомною въ нашу кварширу, и обяснившись съ купцомъ о шомъ, што онъ въ разсужденіи мяня обязанъ былъ сдѣлаць, обявилъ ему, што досщавленіе мяня въ Россію беретъ онъ на себя и претоваль ошъ него, штобъ возврапилъ мнѣ взяшыя имъ въ Вагаршапатъ 30 руб. Бесовѣстный купецъ не имѣя чешъ со мною разплашицься, ошговаривался тѣмъ, што онъ взялся доставиць мяня въ Россію шогда, когда поѣдешь самъ, по чему и долженъ я дожидаться того времени. На сіе Багдасаръ называая его плутомъ и укоряя безчеловѣчными со мною поступками, предсказаль ему, што онъ поше-

равши уже свое имѣніе, пошеряетъ и еще что впредь имѣшь будешь, за обиды, причиняемые бѣдному сиротѣ. Пошомъ опобравъ опъ него церковныя мои книги и чернилицу Сагака, совѣтовалъ мнѣ оставишь мое шребованіе и опдашь все на судъ Божій.— Багдасаръ имѣлъ двухъ сыновей; старшаго оставлялъ при себѣ, а младшаго опправлялъ въ Кизляръ, съ шѣмъ, чшобъ онъ тамъ опредѣлившись къ какому нибудь доешапотному купцу, занимался шорговыми дѣлами, для чего назначалъ сдѣлать и переводъ нѣкотораго небольшого капишала, по прибытіи его въ Россію. — Онъ былъ прежде очень богатъ; но лишился большой часпи своего капишала, такъ какъ и многіе другіе богатые люди, по причинѣ прежде бывшихъ въ Грузіи въ обыкновеніи пришѣсненій, которыя дѣлались имъ единственно на шотъ конецъ чшобъ вымучить изъ нихъ то, чшо они имѣютъ. Меньшаго сына своего, съ которымъ я назначенъ былъ слѣдовать, опправлялъ онъ съ свойшвенникомъ своимъ изъ Кизлярскихъ жштелей,

который по случаю нашествія Шахова на Грузію, прїѣзжалъ нарочно, чѣмъ узнать о судьбѣ ближнихъ своихъ родственниковъ, жившихъ въ Тифлисѣ, но принужденъ былъ остановиться въ Ананурѣ. Мосесъ, какъ звали сего Кизлярца, находился вмѣстѣ съ прочими въ Чохѣ. Багдасаръ переговоривши съ нимъ о томъ, что нужно было употребить въ дорогѣ для меня, и именно о издержкахъ на заплачу провожаемымъ, кои обыкновенно нанимаются отъ Степан-Цминда до Моздока, просилъ Мосеса убѣдительно имѣть обо мнѣ попеченіе, равное какъ и объ его сынѣ; а вечеромъ того дня онъ давалъ мнѣ добрые совѣты и насшавленія и особенно, чѣмъ быть честнымъ и добрымъ человекомъ, говоря, что я, какъ онъ надеялся и предчувствуешь, непотеряю себя и буду со временемъ благополученъ, что лучше сохраню и воспользуюся его совѣтами, нежели какъ ожидаешь того отъ своего сына, и что онъ дѣлаетъ мнѣ теперь добро, сколько по любви ко мнѣ, столько и для того, чѣмъ Богъ поми-

довалъ за то его сына. Между тѣмъ Мо-
 сесъ собиралъ въ Анануръ попутчиковъ,
 а я прощался съ добрыми моими хозяе-
 вами, благодарилъ за неоставленіе меня,
 и извиняясь что по такимъ опасностямъ
 немогу остаться у нихъ, не имѣя въ
 виду ничего вѣрнаго и надежнаго, объ-
 щалъ на всегда сохранить въ моей памяти
 ихъ благодѣяніе.. Съ нами набралось еще
 9 тѣ человекъ изъ Грузинскихъ Армянъ,
 копорымъ надлежало возвратиться въ
 Моздокъ и въ Кизляръ, и 1 го Декабря
 утромъ рано, отправились мы къ Сте-
 пан-Цминду. Багдасаръ далъ мнѣ на
 дорогу старой шерстяной кафтанъ своего
 сына, напомнилъ свои совѣты, и пожелалъ
 мнѣ благополучія Въ караванъ было всего
 10 тѣ человекъ вѣрными; а я и другой еще
 Армянинъ шли пѣшками. До Степан-
 Цминда, гдѣ живутъ одни только Осе-
 пинцы считающіеся Грузинскими под-
 данными и часть Черкесовъ, пришли мы
 въ полдень другаго дня. Съ отправленія
 изъ деревни Чохи и по при бытіи въ
 Степан-Цминду, въ продолженіи четы-

рехъ, а всего въ пятеры сущки я пер-
 пель великой голодъ, ибо денегъ у меня
 во вся небыло¹, на что бы могъ купить
 себѣ хлѣба, а у корованныхъ своихъ по-
 пушчиковъ рѣдко могъ его выпрашивать
 и по съ величайшимъ трудомъ и укориз-
 нами; сынъ же благодѣтеля моего не былъ
 ко мнѣ таковъ, какъ опецъ его. Но по
 приходѣ во Владикавказъ, къ щасію
 моему, случилось въ то время умереть
 одному Осетинцу, для поминаенія ко-
 шораго родственники его, слѣдуя своему
 обычаю, дали на нашъ караванъ доволь-
 ное количество мяса, хлѣба (*) и бузы.
 (: Такъ назначается у нихъ напишокъ
 довольно полной и сыпной :) на мою
 долю досталось, кромѣ хлѣба, фунтовъ
 до восьми мяса², и я поблагодаривъ Бога
 за сего умершаго, пожелалъ ему отъ
 всего сердца всѣхъ радостей и ушѣхъ на
 шомъ свѣшѣ.

(*) Хлѣбы у Осетинцовъ дѣлаются, кромѣ пшеничной
 и изъ просняной пшени и называются понхию Коржина

Здѣсь пробыли мы двои сутки, пока наняли одного тамошнего Башчи, (: Голова :) съ его командою, для препровожденія каравана нашего до Моздока, за что берутъ они отъ 10 пи до 15 пи серебромъ съ каждаго человѣка. Одинъ Армянинъ изъ каравана нашего, видя, что по тогдашнему времени одѣтъ я очень бѣдно, а при томъ и сапоги были у меня почти безподошвы, сжалился на мою и далъ мнѣ до Моздока войлочную епанчу, которые дѣлаются собственно горскими народами изъ козлячьей шерсти, называемыя здѣсь бурками. — Изъ Степан-Цминда въ Владикавказскъ пришли съ небольшимъ въ сутки, гдѣ и ночевали; а изъ Владикавказска, по разпоряженію Башчи надлежало, для осторожности, отправиться непримѣнно вечеромъ, и со всею поспѣшностію воспользоваться темною ночью такъ, чтобы къ утру дойти до Черкесскаго селенія Ахелгабаха; ибо дорога на семь разстояній есть самая опаснѣйшая отъ набѣговъ Горскихъ хищниковъ. При всей поспѣшности должно

было ѣхать такъ, чѣмъ несдѣлать ни малѣйшаго шума. На семь самомъ разстояніи, въ одну ночь, я едва не лишился жизни въ два раза. Чѣмъ неотспавъ опѣ каравана, мы съ Армяниномъ должны были бѣжать впереди предъ верховыми. Согревшись подъ епанчею я начиналъ выходить изъ силъ, кошорыя поддерживала необходимость и страхъ, чѣмъ не отпасть одному въ неизвѣстномъ мѣстѣ и не попасть въ руки горскихъ разбойниковъ, или, что еще хуже, быть съѣденнымъ опѣ какого нибудь хищнаго звѣря. Я покушался просить хозяина сей епанчи, чѣмъ взять ее опѣ меня, но боялся, что когда она мнѣ опять понадобится, то онъ болѣе ее не дастъ; и такъ рѣшился бѣжать пока еще будупъ силы. Паръ опѣ лошадей и иней, садившійся на мою епанчу, покрыли ее почти всю лдяными сосульками, опѣ чего она еще болѣе сдѣлалась мнѣ тягостна, и наконецъ, около полуночи, я совершенно выбился изъ силъ и упалъ, будучи не въ состояніи ни кричать, ни поднаться съ

мѣста. Такимъ образомъ я погибъ бы
 шупъ же; но одинъ изъ провожашихъ
 примѣня сіе, возвратился ко мнѣ и пре-
 боваль, чѣмъ я чѣмъ нибудь ему далъ,
 то онъ провезетъ меня на своей лошади
 на такое разстояніе, какъ я могу ош-
 дохнушь. Я отдалъ ему бывшую уменя подъ
 шапкою фась (родъ маленькой сѣфѣ). Про-
 ѣхавъ съ нимъ около версты, я долженъ былъ
 сойти и опять бѣжать пѣшкомъ. Между
 тѣмъ, сидя на лошади я прозябъ и весь
 оледенелъ. Чѣмъ меньше чувствовалъ
 тягость и долгошу дороги, я читалъ про
 себя молитвы и псалмы, приличныя моему
 положенію. Но дорога не сокращалась, а
 силы меня со всѣмъ оставляли. — Я рѣ-
 шался уже и ошпасть, но тогда же
 страхъ меня удерживалъ; собиралъ силы
 и бѣжалъ еще, надѣясь, что можетъ быть
 дорога кончится скоро, но конца все не-
 было; я обливался горькими слезами и на
 послѣдокъ прочитавъ молитву Іоны, го-
 воренную имъ къ Богу во чревѣ Китовѣ,
 упалъ опять, лишившись всѣхъ силъ,
 и просилъ себѣ уже одной только смерти.

Ни кто изъ Христіанъ, попутчиковъ моихъ недогадался, или справедливѣе, не хошѣлъ по примѣру Осепинца язычника, помочь моей слабости, чѣмъ недопустить меня до шакого, можно сказать, смертнаго изнеможенія. Я во все нечувствовалъ, долголи пролежалъ на мѣстѣ;— какъ привезли меня въ Агель - Габахъ, какъ оптирали снѣгомъ и закушывали послѣ того въ войлоки: ибо я весь и почти совершенно замерзъ, а пальцы у ногъ почернѣли какъ уголь. (*) Я не прежде проснулся отъ мертваго моего сна, какъ уже въ полдень, и тогда только узналъ о томъ, что со мною происходило. Симъ спасеніемъ моимъ я обязанъ однимъ Осепинцамъ и искренно помянулъ еще ихъ покойника; ибо безъ его поминокъ, я конечно погибъ бы отъ одного холода. Послѣ сего приложили мнѣ къ ногамъ гусянаго сала, которымъ я вылѣчился. Здѣсь кормили меня памошнимъ хлѣбомъ, родъ густой каши изъ обыкно-

(*) Сей ознобъ ногъ я и нынѣ нѣсколько чувствую въ холодное время.

веннаго шпена называемой *Паста*. 9 го Декабря вышли мы изъ Агелгабаха, а 10 го ошановились въ лѣсу, близъ рѣчки Терска, прошивъ Моздока. При расплащѣ съ Башчи и его командою, въ доспальныхъ деньгахъ вышли у путешественниковъ нашихъ запрудненія; наконецъ недоставало шолько 80 коп., котпорыя обѣщались прислать чрезъ два часа изъ Моздока; но Осепинцы имъ неповѣрили; и шакъ, чшобъ ошавить имъ залогъ въ шѣхъ 80 коп., то и шущъ жребій палъ на меня же. Въшню двухъ часовъ прошли двой сушки; но Армяне денегъ не прислали; между шѣмъ провожащыя исправивши въ городѣ свои нужды, 12 числа ушромъ спѣшили возвращишся въ свои мѣста, и шолько были великодушны и честны прошивъ попушчиковъ моихъ, чшо еще понуждали меня доспаль деньги и въ прошивномъ шолько случаѣ грозили ушацишъ съ собою.— Къ шасшю моему, когда я уже опчаявался, увидѣлъ идущаго берегомъ человѣка въ зеленой шинелѣ, и по узкому исподнему плашью догадался,

что это долженъ быть Европейецъ (: по общему названію Азіатцовъ, Франкъ:) и конечно Россіянинъ. Я поспѣхъ бросился къ нему, упалъ въ ноги, и по Турецки просилъ оказать надо мною милосердіе и выкупить опъ Осепинцовъ. Такъ какъ Осепинцы и Черкесы часно прѣзжаютъ въ Моздокъ, то многіе изъ нихъ знаютъ по Русски: по чему одинъ изъ провожатыхъ, знавшій нѣсколько и по Турецки, перевелъ ему на семь языкъ мою просьбу, пересказалъ мое сирданіе на дорогъ; что я оставленъ у нихъ въ закладъ, и что онъ съ своей стороны, смотря на мою тѣсношу и горестъ, охотно бы оппустилъ меня, естли бы это опъ него одного зависѣло. Россіянинъ поспѣхъ переправился опяшь чрезъ рѣку, оставя свое дѣло, и доложилъ обо мнѣ Комменданшу; а сей приказалъ немедленно опыскавъ Кизлярца, и принудилъ его меня выкупить. Все сіе продолжалось неболѣе какъ часа два.

Между тѣмъ какъ я находился въ закладъ, на претій день по прибышій къ

Тереку, ш. е. 12 го числа, услыша по церквамъ необыкновенной звонъ, въ первые по выходѣ моемъ изъ Тифлиса, до взятія его Шахомъ, пришелъ въ нѣкоторое душевное возхищеніе, такъ, что еспьлибы по милости Кизлярца и прочихъ бывшихъ съ нимъ Армянъ послѣдовало со мною въ томъ мѣстѣ еще какое либо несчастное приключеніе, то я готовъ былъ хопъ умереть. Но по милости Русскихъ, я тогоже дня, ш. е. 12 Декабря 1795 года вступилъ въ Моздокъ. Пришедъ въ городъ мнѣ надлежало опыскапъ Мосеса, по великодушію кошораго я оспался было въ неволѣ у Осепинцовъ за восемьдесятъ копѣекъ, но кромѣ кошораго я не имѣлъ ни какого другаго знакомаго, къ которому бы могъ прибѣгнуть.— Опыскивая его, не приминулъ я спрашивать попадавшихся мнѣ Армянъ о причинѣ бывшего въ томъ день большаго звона; но едва могъ добиться, что значить слово праздникъ и какой именно, ибо тамошніе Армяне, всѣ Грузинскіе и со всѣмъ незнающъ коденнаго языка Армянскаго. Напослѣдокъ

узналъ, что то былъ день рожденія, какъ исполковали мнѣ Государева сына. Несмотря на нужное мое положеніе, я былъ въ великомъ возхищеніи и благословлялъ Бога, что привелъ меня въ землю Христіанскую, и еще въ день праздника Царскаго Мосеса опыскалъ я въ Моздокскомъ госпиномъ дворѣ, гдѣ приспалъ онъ съ сыномъ Багдасара у одного знакомаго ему тамошняго купца изъ Арминъ же, который, какъ человѣкъ холостой, жилъ въ лавкѣ, въ особо придѣланныхъ во внутрь двора покояхъ. Мнѣ отвели мѣсто въ кухнѣ, гдѣ и для Багдасарова сына пригошовлепа была хорошая постель. Вечеромъ покормили меня весьма изрядно, а спать я легъ на полу на рогожѣ; скоро однакоже я долженъ былъ лишиться сего приспанища, не прилично говорить, какая именно была причина сему несчастію; однакоже скажу только, что мнѣ не избѣжно надлежало быть свидѣтелемъ нѣкошораго произшествія и имѣя отъ онаго большое отвращеніе, такъ искусно проказничалъ, что купецъ по шроекрашной по

пыпкѣ принужденъ былъ опказаться на тошъ разъ ошъ выполненія своего желанія, и проведя всю ночь безъ сна, въ справедливомъ не годованіи нанарушеніе мною правъ госпепріимства, еще часа за два до разсвѣта разбудивъ своего мальчика, приказалъ доспать огню и выгнать меня вонъ, примолвилъ, чшобъ впредь и духъ мой у него не пахъ. Понимаю всю важность моего преступленія противъ Азіатскаго обыкновенія, коимъ я можетъ бышь обидѣлъ и сына моего благодѣшеля Багдасара. Не смѣя, ни обьясниться, ни просить помилованія я повиновался безмолвно бѣдственному на меня изрѣченію. Вышедъ на улицу просилъ я убѣдительно сказаннаго мальчика, чшобъ по крайнѣй мѣрѣ онъ сжалился надъ моимъ положеніемъ и научилъ бы куда мнѣ дѣваться; ибо спужа была превеликая, а я въ одномъ былъ шерстяномъ кафтанѣ и въ сапогахъ безподошвъ. — Мальчикъ жалуясь мнѣ на своего хозяина, что онъ самъ терпиль ошъ него много обидъ, весьма благоразумно и въ короткихъ словахъ

утишала меня переносить мое несчастіе; а при томъ далъ мнѣ совѣтъ пойти къ одной женщинѣ, торгующей хлѣбами, разказавъ какъ ее найши, и что женщина сія находилась въ великой печали о своемъ сынѣ, уѣхавшемъ съ однимъ купцомъ въ Тифлисъ, котораго, по извѣстнымъ тамъ происшествіямъ, считала уже погибшимъ. Найдя ея домъ, съ рыданіемъ объяснилъ ей, что я чужестранецъ съ такой то стороны и не имѣю пристанища, и чтобъ она для любви къ сыну ея, оказала надо мной материнское милосердіе и дала бы мнѣ теплое мѣсто. Женщина сія, будучи пронута напоминаніемъ объ ея сынѣ и видя, что я дрожалъ отъ стужи, тотчасъ велѣла своей дѣвкѣ оповѣсти меня въ тотъ покой, гдѣ она пекла хлѣбы. Дни чрезъ два, которые провелъ я совершенно спокойно, предложила она мнѣ ходить по городу и продавать ея хлѣбы, на что я согласился охотно, не смотря на то, что въ морозы былъ почти босикомъ только бы быть сыту. Она показала мнѣ грошъ,

по чему продавать каждый хлѣбъ, и на учила по Грузински кричать: *цхели, цхели, пұри*. (теплые хлѣбы). Но торговля моя продолжалась только четыре дни. Въ одномъ мѣстѣ я оставилъ въ долгъ десять хлѣбовъ; по одному въ день, въ продолженіи продажи, съѣдалъ, а можетъ быть еще нѣсколько гдѣ нибудь у меня и украли; но хозяйка, какъ я думаю, замѣшивъ, что приходъ съ расходомъ не вѣренъ, объявила мнѣ, чтобы я, за оставленные мною въ долгу хлѣбы, 20 коп. взялъ себѣ и больше къ ней не приходилъ, не сказавъ о причинѣ сего изгнанія ни слова. Я прибѣгнулъ опять къ мальчику и увѣдомля о моемъ несчастіи, просилъ его помощи. По его спаранію приспалъ я къ одному спорожу господинаго двора, чтобы посредствомъ его обзнакомиться съ тамошними купцами и научиться какимъ образомъ имъ прислуживать. Уговоръ между мною и спорожемъ состоялся въ томъ, чтобы я служилъ недѣлю собственнo въ его пользу на своемъ хлѣбѣ; а служба сія главнѣйше со-

стояла въ рубкѣ дровъ и ношеніи воды. Между пѣмъ мальчикъ велѣлъ мнѣ, по вечерамъ, когда будешь уже темно, приходишь тихонько къ нему, что онъ будешь меня кормишь и ошъ холода прятать на ночь въ медвѣжьи кожи, кои тогда случились бытъ въ числѣ ихъ поваровъ. Но рубя дрова, съ утра до вечера, по непривычкѣ я не выдержалъ условленной недѣли, и нашелъ себя не въ силахъ продолжати таковой промыселъ. Ладощи мои всѣ были изперты до крови. и я немогъ болѣе поднимати рукъ. — Усердный мальчикъ велѣлъ бросишь спорожа, доспалъ мнѣ старые, но еще крѣпкіе сапоги и совѣщовалъ какъ нибудь стараться купишь шулуцъ, спрашивая, нѣтъ ли у меня чего продашь. Кромѣ святцовъ, псалтыря и молишвенника копорой чипается у насъ въ церкви, въ продолженіе литургіи, ничего у меня не было. — Хотя книги сіи, какъ печатанныя въ первопрестольномъ монастырѣ, могли почесться рѣдкостію, по тому, что въ Моздокъ нѣкогда таковыхъ

не имѣлъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ у рѣдкихъ находился; въ Моздокѣ же особливо небыло такихъ грамошѣвъ, копорые бы знали пользу и цѣну ихъ и захотѣли бы купить насполнцую, или по крайней мѣрѣ не совсемъ обширною для меня цѣною. Болѣе не къ кому было прибѣгнуть, кромѣ тамошняго Армянскаго Діакона. Съ начала я предложилъ ему одинъ только святцы; но безсовѣстный Діаконъ вымучилъ отъ меня и другія книги, за которыя въ самомъ Монастырѣ заплатилъ я безъ мала три рубли, а въ Моздокѣ въ тогдашнее время стоили они по крайней мѣрѣ пшнадцать рублей серебромъ; но Діаконъ далъ мнѣ за нихъ худой овчинной шулупъ, нестоившій болѣе одного рубли. — Сколь нибыло мнѣ горестно разставаться съ сими священными моими спутниками; но небыло другаго средства помочь крайности. Между тѣмъ мальчикъ продолжалъ меня кормить и весьма прилѣжно закупывалъ на ночь въ мѣха, шакъ, что я лежалъ въ нихъ, спалъ спокойно. Чрезъ нѣсколько дней

онъ увѣдомилъ меня, что Кизлярецъ онъ правляется въ свое мѣсто, и совѣтовалъ его просить, чтобъ онъ взялъ меня съ собою въ Кизляръ, гдѣ я могу лучше найти средства ко своему пропитанію. По сему совѣту осмѣлился я войти къ Госпино-дворцу и упрасивалъ Мосеса оказать мнѣ послѣднее благодѣяніе: но онъ съ начала отъ того отказывался съ грубостію и ругательствами, говоря при томъ, что хозяинъ на меня жалуется и запрешилъ приходить въ его домъ; но на послѣдокъ я убѣдилъ неотступными моими просьбами, а болѣе представленіемъ, что не опягощу его: ибо пойду пѣшкомъ и никакой разницы ему не сдѣлаю, Чипапели мои, конечно замѣняютъ: до какой степени иногда бывають люди жестоки! чтожь касается до меня: шо незнаю, во всѣхъ ли націяхъ шаковыя встрѣчаются, кои бы съ равнымъ сему хладнокровіемъ могли, отказывать — въ необходимой помощи несчастному, даже и тогда, когда она

не спойтъ имъ никакого пруда, ни за-
бопъ, ниже какихъ либо издержекъ.

Добрый и великодушный мальчикъ про-
стился со мною съ искреннею чувстви-
тельностью, и далъ мнѣ на дорогу хлѣба
и 20 коп. мѣдныхъ денегъ. И шакъ 28
Декабря оставилъ я Моздокъ и отпра-
вился въ Кизляръ пѣшкомъ, а Мосесъ
ѣхалъ въ нагайской кибиткѣ, называемой
Араба, и на половинѣ дороги почеловѣко-
любію своему бросилъ меня. Я дошелъ
до Кизляра уже съ нагайскими Татарами,
кои гораздо болѣе оказали мнѣ доброду-
шій. — Ещо было 5 Генваря 1796 года.
Въ Кизлярѣ прибѣгнувъ было не къ кому
и дѣло необошлось безъ Мосеса, сколь
нибылъ онъ пиягоспенъ, или прямѣ ска-
завъ, отвращишеленъ для моей чувстви-
тельности, какъ чловѣкъ жестокосер-
дой. Спыскавъ его домъ, я предсталъ
ему съ возможнымъ униженіемъ и убѣди-
тельно просилъ принять меня къ себѣ
въ работники въ его сады, около кошо-
рыхъ я нѣсколько уже обращался. Онъ

согласился на мою прозбу и представил о утвержденіи меня въ званіи рабownika, своему отцу, который былъ еще живъ. Но спарикъ достойный отецъ такого сына, какъ Мосесь бросивъ на меня презрительный и ненавистный взглядъ, закричалъ: нѣшь, шы у меня не надобенъ! — и туужъ минушу велѣлъ выгнать за ворота безъ всякой жалости, по тому, что я не Грузинской Армянинъ, а уроженецъ настоящей Арменіи; при чемъ примолвилъ: поди къ своему земляку попу, онъ можетъ тебя возмечь. Слуга его взявъ меня за руку, потащилъ вонъ; вышедъ изъ покосъ, я убѣдительно просилъ слугу рассказать мнѣ подробно какъ найши того попа и какъ его зовутъ. Слуга съ поропливостію отвѣчалъ мнѣ: посмотри съ улицы на окна, они всегда заперты для того, чтобы бѣдные не могли просить милосшыни, и я въ 15 лѣтъ, какъ у него живу, не видалъ, чтобы онъ подалъ что нибудь; да и намъ хлѣбъ даетъ вѣсомъ. Тебя не принялъ для того, что дни при шы долженъ еще будешь

утишься, и по тому считаешь, что напрасно будешь у него ѣсть хлѣбъ. Я охотно бы тебѣ указалъ, гдѣ живетъ попъ, но боюсь замѣшкать; зовушь его Лукою; поди прямо по улицѣ спроси когонибудь, и съ теми словами побѣждалъ отъ меня опрометью.

Мнѣ стоило изряднаго труда отыскать священника Луку. Кого ниспрашиваю, слышу только въ отвѣтъ, съ насмѣшкою, а особливо, гдѣ случилось бытъ вмѣстѣ двумъ, или нѣсколькимъ челоукамъ: „а! это видно землякъ ему;“ говоря при томъ по Персидски слѣдующія слова: *это для твоей чести будетъ*; другіе же прибавляли къ сему: спупай дальше. Причина таковымъ насмѣшкамъ, какъ я узналъ послѣ, была слѣдующая:

Одинъ изъ родственниковъ сего священника, жившій у него въ домѣ, за оплучкою работника, рубилъ на дворѣ дрова, и тогда, какъ вышедшая изъ покоевъ попадья говорила ему, что онъ на-

кололъ уже довольно, раскальвая послѣд-
 нее полено, по простощъ своей сказалъ
 ей: ну! *пусть это для твоей чести бу-
 деть.* Къ несчастію священника и его
 родственника, нѣкоторые, шущъ случив-
 шіеся, услышавъ выговоренныя имъ слова,
 рассказали другимъ, а послѣ всѣ спали
 имъ дразнишь обѣихъ. Кизлярскіе Армяне
 не любили Луку за то, чѣю онъ былъ
 человѣкъ справедливый, спрогой по сво-
 ей должности и умнѣе прочихъ. — На-
 конецъ съ великимъ трудомъ ошылъ я
 его домъ, просилъ у него покровитель-
 ства и помощи. Помянутый родствен-
 никъ его оказался мнѣ коротко знако-
 мымъ, ибо былъ изъ одного со мною се-
 ленія и по бѣдности пріѣхалъ къ свя-
 щеннику просишь по родству его помо-
 щи. Оба они приняли меня съ радостію
 и усердіемъ и спрашивали о всѣхъ об-
 стоятельстввахъ по нашей спороны.
 Удовлешворивъ любопытству ихъ, раз-
 сказалъ имъ о трудности, съ какою ошылъ
 домъ и о насмѣшкахъ Армянъ. При-
 чемъ по простощъ моей не упустилъ

спросить священника, чтобы значили говоренныя мнѣ помянушыя слова, не думая во все, что вопросъ мой будетъ для него огорчителенъ, и что мнѣ надлежало прежде сыскать пищи для желудка, а не для неумѣстнаго любопытства моего. Священникъ и его родственикъ вдругъ перемѣнили видъ свой и первой съ печальнымъ тономъ сказалъ мнѣ: пооди мой другъ въ такую-то церковь, и опъ меня скажи шамъ спорожу, чтобы онъ принялъ тебя къ себѣ, пока я переговорю съ нимъ самъ, и съ сими словами ушолъ опъ меня въ другую комнату, заперевъ за собою двери. Родственикъ его вышелъ еще прежде и я оспался одинъ. Тогда уразумѣлъ я глупость мою, вспомнилъ наставленіе добраго моего учителя и пошелъ опыскивать церковнаго спорожа, проклиная опъ всего сердца Кизлярскихъ Армянъ и *это для твоей чести будетъ*, которое къ несчастію моему имѣло столь важное и сильное на попа вліяніе. — Я полагалъ однако же, что спорожъ порученіе священника приметъ

съ уваженіемъ; но сей грубіянь, будучи
 весьма пьянь, вспрѣтилъ меня съ раз-
 личными ругательствами, бранилъ также
 священника и кричалъ съ азартностію:,,
 какое онъ имѣеть право приказывать мнѣ
 принимаешь къ себѣ всякаго нищаго, какой
 только ему попадется. — И не смотря на
 убѣдительную мою прозьбу, дашь мнѣ
 мѣсто хотя только до упра: ибо на-
 ступалъ уже вечеръ, — продолжалъ:,, у
 насъ есть правленіе да староста, а онъ
 что за повелитель! — и съ сими слова-
 ми выполкалъ меня вонъ. Я опять при-
 шелъ къ священнику и пересказалъ ему
 пріемъ спорожа. Онъ принялъ на себѣ
 трудъ и самъ пошелъ со мною къ спо-
 рожу; но мы не нашли въ немъ, какъ го-
 ворится, ни гласу, ни послушанія, сколь-
 ко священникъ ни разкликалъ и нераз-
 талкивалъ его. — Онъ приказалъ мнѣ
 остаться тамъ до упра. — Я будучи
 голодень и при томъ опасаясь, что спо-
 рожь проспаясь, прибѣдетъ меня, немогъ
 сомкнуть глазъ во всю ночь. Однако
 онъ не прежде проснулся, какъ по упру.

Увидѣвъ меня закричалъ: а! ты здѣсь! Я топчась со всею униженностію пересказалъ ему, что священникъ самъ приходилъ со мною, но не желая его разбудить, велѣлъ мнѣ остаться до утра. Между тѣмъ народъ спалъ собираясь къ заупрени. Я сколько ни усердно молился Богу, но непременно стараюсь также и о томъ, чтобъ себя выказать, начиная про себя всякое слѣдующее чтеніе и пѣніе, также и Евангеліе напередъ: ибо наизусть зналъ всю церковную службу, со всѣми перемѣнами, когда какой бываетъ праздникъ. Я былъ замѣченъ многими, но кромѣ старосты, молодого и весьма добраго челоуѣка; по имени Мелконъ Зурабова, никто не принялъ во мнѣ участія. Послѣ заупрени, на вопросы его, кто я, и оуѣ куда? — валаясь у него въ ногахъ, и объяснивъ мое спранспивованіе и бѣдность, просилъ, чтобъ до пріисканія случая, позволилъ мнѣ остаться при церкви. Онъ принялъ прозьбу мою охотно, далъ сторожу нужное приказаніе и прислалъ мнѣ изъ дому

хлѣба, въ кошоромъ я имѣлъ великую нужду и слишкомъ уже сухки ничего не ѣлъ. — Между тѣмъ спорожь, пившій запоемъ весьма храбро, ушолъ со всемъ домой, а я по порученію старосшы правилъ его должностъ. Но на другой день праздника Рождества Христова, которое празднуется у насъ 6 числа Генваря, виѣспѣ съ крещеніемъ, когда по обыкновенному церковному обряду, священники пошли съ крестомъ и святою водою по обывателямъ: то онъ непреминулъ явиться и воспользоваться частію доходовъ, видя таковую для себя не выгодностъ, я отнесся объ оной священнику Лукѣ, просилъ его сыскапъ мнѣ какое нибудь мѣсто, и чрезъ нѣсколько дней опредѣлился по его спаранію спорожемъ въ госпинный дворъ, по десипи рублей на мѣсяцъ.

Дворъ гостинной споишъ на краю горзда, на площади. — Въ то время находилось въ Кизлярѣ много войскъ, шедшихъ къ Дербеншу. Двѣ ночи спражбы

моей прошли благополучно; но на прешію посѣтили насъ гости; отперли шесть лавокъ; взяли, что было имъ нужно, а прочее разбросали по площади. При семъ* произшествіи я и другіе два спорожа, караулили только сами себя; кому гдѣ довелось спряташься съ начала я хотѣлъ было кричать храй, шоже, что по Руски караулъ, — но разсудилъ за лучшее такъже спрятаться. А на утро, объяснившись съ помянутымъ священникомъ, опказался опъ моей должности безъ дальнѣйшихъ припязаній со спороны кунцовъ. Послѣ сего священникъ досталъ мнѣ работу выбивать сарачинское пшено; которую исправлялъ я по разнымъ обыващелямъ, зарабатывая въ день до рубля, кромѣ того, что давалось еще опъ хозяина хлѣбъ и вино. — По прошествіи нѣкотораго времени случилось мнѣ работать у одного зажиточнаго человѣка, и по прозѣбѣ сына его, которой зналъ уже чипать и писать кое что ему показывалъ и толковалъ; а особенно нѣкоторыя календарныя значе-

нія. Казалось бы усердіе мое заслуживало отъ всякаго благодарности; но хозяинъ, на прошивъ шого, по бѣдности и худой моей одеждѣ обидѣлся онымъ шакъ, что осыпая меня всѣми возможными ругательствами, и называя пошупокъ мой дерзостію; кричалъ между прочимъ: какъ ты могъ осмѣлиться шакой нищій въ разодранномъ рубищѣ, учить сына шакого человѣка, какъ я; а въ заключеніе сего давъ мнѣ нѣсколько пощечинъ, выполкалъ со двора. Сіе приключеніе огорчило меня гораздо менѣе, чѣмъ удивительною показалась шакая необычайная глупость онаго человѣка.

Получа споль досташочное убѣжденіе о необходимости имѣть хорошее платье, я при удобномъ случаѣ, или прямо сказать, подъ хмѣльную руку, купилъ изъ выработанныхъ денегъ упомянушаго спорожа, съ коимъ я по милости спаросшы продолжалъ жить при церкви, очень изрядной кафтанъ и шаравары, менѣе, нежели за два рубли. — Въ сіе же время одинъ изъ шамошнихъ священни-

ковъ подарилъ мнѣ хорошую плюсовую шапку. Надѣвъ мои обновы, я былъ въ немаломъ восхищеніи; а особливо когда тамошніе обыватели, оказывавшіе прежде ко мнѣ величайшее презрѣніе, увидя хорошее плащье, вдругъ начали меня хвалить, и какъ я самъ слышалъ не одинъ разъ: а! Это очень разумной человѣкъ, — грамотной; онъ учился въ Арарашѣ, читаетъ чрезвычайно скоро и швердо, — все знаетъ и проч. — Познавъ чрезъ сіе удивительное дѣйствіе хорошаго плащья я благодарилъ Бога, что послалъ мнѣ случай нажить нѣсколько денегъ и весьма дешево купить плащье. Доброй староста очень былъ радъ переменѣ понятія обо мнѣ жишелей, и чрезъ нѣсколько дней объявилъ мнѣ, что они по посредству его, уважая мою ученость, желаютъ опредѣлить меня къ церкви помощникомъ Діакона, и спрашивалъ на сіе моего согласія. Я охотно принялъ такое предложеніе и благодарилъ усердно старосту. Но діаконъ будучи мнѣ не примиримымъ непріятелемъ, отпозвался

обществу, что естли они опредѣлять меня, то онъ откажется отъ своей должности; по чему обыватели и принуждены были опмѣнить свое намѣреніе. Причина непрізнанному ко мнѣ расположенію діакона была слѣдующая: онъ училъ дѣшею грамотѣ, но, какъ мнѣ было извѣстно, ничего имъ необъяснялъ и не толковалъ; по чему я взялъ большое сомнѣніе, что онъ и самъ можетъ быть ничего не смыслилъ, и за нѣсколько предъ тѣмъ временемъ, какъ староста сдѣлалъ мнѣ починное предложеніе, сойдясь съ нимъ у сторожа, предложилъ ему одинъ текстъ изъ священнаго писанія, и просилъ, чтобы онъ разтолковалъ мнѣ значеніе онаго. Будучи приведенъ въ изумленіе и не бывъ въ состояніи мнѣ отвѣчать, онъ догадался, что я его экзаменую и сколько раздражился моимъ вопросомъ, что вмѣсто изъясненія онаго, обругавъ меня со всемъ не по духовному, едва не прибилъ, хотѣлъ выгнать вонъ отъ сторожа и побѣждалъ къ жившему подлѣ церкви обывателю, называемому криво-

Часть 2.

7

вошею, Степану, съ жалобою какъ на меня, шакъ и на старосту, что держишь меня при церкви. Кривошей принявъ сію жалобу съ удовольствіемъ и уваженіемъ, представилъ обществу много по его мнѣнію весьма важныхъ, но впрочемъ глупыхъ причинъ, что мнѣ при церкви жить во все негодится; по чему староста принужденнымъ нашелъ принять въ разсужденіи меня шакія мѣры, чтобы я жилъ при церкви тайно, и приходилъ шуда вечеромъ, дабы никто того незамѣшилъ, и о семъ уговорился со старожемъ. — Но не смотря на сіе, когда я надѣлъ на себя хорошее свое плащье, общество Кизлярское превозносило меня похвалами, какъ выше сказано, и я сдѣлался было поддіакономъ, естли бы не смысленный діаконъ шому невозпрошившися. Между шѣмъ продолжалъ я по временамъ доставать себѣ нѣсколько разъ работу, и безъ нужды пропитывался, — какъ наступило 14е число Февраля, когда у насъ празднуютъ день Срѣшенія Господня, шо на канунъ того дня, когда

надобно было идти въ церковь къ вечернѣ, старшій сынъ одного извѣстнаго въ Кизлярѣ челоука, просилъ меня не могу ли я во время службы найти за старшимъ пропопомъ какой нибудь ошибки во время служенія, я охотно за сіе взялся и когда пропопъ спалъ читалъ Евангеліе, я стоя близъ того мѣста, также читалъ про себя, но такъ, что многіе около меня находившіеся могли слышать. Пропопъ будучи челоукомъ довольно уже пожилой не много замѣшался опъ того, что чтеніе мое было ему слышно. Будучи тѣмъ нѣсколько встревоженъ оглянулся на обѣ стороны, и къ большому еще замѣшательству, увидѣлъ, что и многіе то замѣтили. —

Бывъ поступкомъ моимъ обиженъ, по окончаніи Евангелія, приказалъ меня выгнать изъ церкви, что и было исполнено. Хотя я заслужилъ сіе по всей справедливости, однако нѣкоторые обыватели говорили ему, что я справедливъ, и что онъ напрасно такъ со мною поступилъ.

Послѣ вечерни пошелъ я прямо къ дому того человѣка, для котораго подвергнулся изгнанію и онъ принялъ меня съ великою благодарностію и радостию, такъ, что я съ ряду 4 дни праздновалъ у него въ домѣ. Опець его, братья и сестры также меня полюбили. Послѣ сего я въ случаѣ нужды всегда приходилъ къ нимъ равнымъ образомъ неоспавлялъ меня и староста, и сіе по крайней мѣрѣ столько дѣлало мнѣ пользы, что я былъ всегда сытъ и доволенъ.

Гордые меня послѣ сего возненавидѣли совершенно; а другіе священники, которые были помирнѣе, на прошивъ того полюбили сугубо; часто со мною бесѣдовали, толковали священное писаніе, и всегда были довольны моими объясненіями. — 29го Февраля: ибо 796 годъ былъ высокосный, случилось другое приключеніе, также на счетъ священниковъ. — За вечернею на сіе только число, читается у насъ изъ четь-минеи нѣсколько листовъ родословной отъ Авраама до

12 колѣнъ. — Надобно читать весьма скоро и твердо, чтобы непродолжить много времени; но такъ читать кроме меня было нѣкому. Староспа предложилъ, чтобы сіе чтеніе поручить мнѣ, и я къ общему удовольствію окончилъ весьма скоро. Священники, коихъ у насъ при церквѣ въ Армянскихъ селеніяхъ бываетъ отъ 3 до 6-ти, также и діаконы, сказали, что я въ чтеніи будно бы пропустилъ цѣлую половину. Староспъ было весьма досадно и обидно. Онъ просилъ всѣхъ остановиться, чтобы заставить меня прочесть въ другой разъ и при семъ смодрѣть, пропустилъ ли я, что нибудь или нѣтъ. Тотчасъ принесли другую чашъ-минею. По одной я читалъ, а по другой повѣряли чтеніе мое шрое. Чтобы опличиться, я постарался прочитать еще скорѣе такъ, что и повѣряющіе почти неуспѣвали смодрѣть, и потомъ дѣйствительно увѣрились въ что я не пропустилъ ничего; а несправедливо приписывавшіе меня священники принуждены были выслушать послѣ сего много

непріятныхъ словъ, какъ опъ спаросы такъ и опъ прочихъ. Послѣ вечерни за сей мой подвигъ староса прислалъ мнѣ хорошій хлѣбъ, шпофъ винограднаго вина и полтину денегъ. — Я и жившій туть же при церкви шаричокъ, родомъ изъ ганджи, — бывшій въ Іерусалимѣ, томъ вечеръ очень были довольны и веселы; опорожнивъ шпофъ до суха, при содѣйствіи виноградныхъ паровъ, мы заснули крѣпко. Но въ самую полночь услышали чрезвычайный шумъ и стукъ на кровлѣ и въ дверяхъ. Вскочивъ оба со спрахомъ старикъ началъ меня ругать за то, что я можешь быть кому нибудь похвасталъ, что у меня есъ пятьдесятъ копѣекъ, и что пришли теперь насъ грабить; а можешь быть и убьютъ; я оправдывался тѣмъ, что ни куда не выходилъ и сидѣлъ весь вечеръ съ нимъ, а между тѣмъ гости одни уже спускались въ шрубу, а другія выломали дверь. Говоря со старикомъ, я уже помышлялъ о средствѣхъ къ спасенію, и какъ скоро дверь запрещала, я припаялся въ углу и съ помощію те-

мнопы вышелъ вонъ, бросился на колес-
 кольную и ударилъ въ набатъ. Незванные
 госпи принялись за спарика, допрашива-
 ли о деньгахъ, но неразумья языка другъ,
 друга, одни продолжали бишь, а другой
 кричалъ. — По моему позыву потчасъ
 сбѣжался народъ, но спарикъ былъ уже
 прибишь такъ, что побои его нисколько
 непоходили на шутку, и ясно показали
 всѣмъ, что обращеніе посѣпителей было
 слишкомъ грубо, короче сказать: при-
 знаки жизни въ спарикѣ означались толь-
 ко вздохами; а въ прочемъ онъ былъ по-
 чти безъ памяти: ибо ему немного было
 и надобно. — Меня спрашивали: гдѣ го-
 ритъ? а я указывая на спарика, отвѣ-
 чалъ имъ: вотъ въ немъ весь пожаръ и
 рассказалъ настоящую причину тревоги.
 — Кривошей первый обвинилъ меня и
 кричалъ, что я есмь единственную при-
 чиною смятенія, и что спароса обма-
 нулъ всѣхъ, сказавъ, я болѣе уже при-
 церквѣ не живу и пребывалъ, чтобы ме-
 ня немедленно опшуда выгнать и оп-
 править на съѣзжій дворъ.

Староста хопя и представлялъ обществу, что я ни въ чемъ предъ ними не виноватъ, но не болѣе могъ успѣшь, своимъ предстательствомъ, какъ только въ томъ, чѣмъ не описывали меня на съѣзжую; а приспавица при церквѣ я долженъ былъ лишиться. Онъ немогъ другой оказать мнѣ помощи, какъ только велѣлъ мнѣ всегда приходивъ къ нему, когда я буду имѣть нужду въ хлѣбѣ, да и то пихонько, и даже хопѣлъ въ случаѣ сдѣлать мнѣ мѣсячное положеніе на пропитаніе. Принявъ же и держа въ меня у себя было бы дѣло для него опасное; ибо таковымъ поступкомъ показалъ бы, что идетъ противу всего общества; а болѣе бы озлобилъ тамошнее наше духовенство, которое составляло главныхъ моихъ непріятелей. — Они, говорилъ староста, исключая не многихъ, всегда стараются свои обиды опмстити въ трие въ четверо и сколько возможно, и для того будутъ искать всѣхъ случаевъ сдѣлать мнѣ огорченіе и зло, коль скоро я окажу себѣ явное покровительство. Упрямъ

пошелъ я къ священнику Лукѣ и объявилъ ему мое горе. Онъ совѣтовалъ мнѣ наняться въ работники къ винограднымъ садамъ за обыкновенную тогда плату въ 6 мѣсяцовъ 50 рублей, съ каковыми деньгами по зимѣ я могу сдѣлать для своей пользы какой нибудь оборотъ, и въ томъ же день отпрекомъ довалъ меня одному тамошнему жителю, заказанную плату, — что происходило на первой недѣлѣ великаго поста. Я тогда же переселился въ садъ, находившійся отъ города въ 7 ми верстахъ. Но какъ мнѣ видно суждено безпрестанно испытывать разные приключенія; то и сдѣсь я избѣгъ ихъ. Садовникъ при первомъ шагѣ спросилъ меня, умѣю ли я что дѣлать и обходиться съ садомъ; я отвѣчалъ, что въ нашей сторонѣ довольно зналъ хорошо садовое искусство, но что здѣсь на первый случай всякое дѣло надобно мнѣ прежде разсмотрѣть. Злобная зависть обняла всю его душу, что хозяинъ положилъ мнѣ такое жалованье, когда я долженъ еще учиться и ругать

меня безъ милосердія. Я упрашивалъ его не одинъ разъ съ возможною убѣдительностію и даже со слезами, чтобы онъ мнѣ показывалъ; но все оспалось тщенымъ, и сей жестокой человѣкъ пребылъ неумолимымъ. Я нарочно хаживалъ въ другіе сады и сколько возможно было старался замѣчать, что мнѣ было нужно. А садовникъ между тѣмъ не давалъ мнѣ ниже одной минуны спокойной и неудовольствуюясь ругательствами, часто и бивалъ; — кормилъ худо, а при томъ ни одного куска не съѣдалъ я безъ слезъ. Однажды я рѣшился уже сказать ему, что онъ и самъ также много можетъ быть терпѣль, будучи изъ плѣнныхъ, что онъ не самъ по себѣ все узналъ, а то же какой нибудь доброй человѣкъ ему показывалъ и что суди по себѣ и боясь Бога, поступалъ бы равнымъ образомъ и со мною. Но онъ вмѣсто того, чтобы убѣдиться моими представленіями, счелъ слова мои дерзосною и прибилъ меня еще болѣе прежняго, а потомъ оказывалъ сугубую ревность въ приписе-

ніи, такъ, что я почти и ночью не имѣлъ покоя. Мнѣ было скучно и то, что шесть недѣль небылъ я въ церквѣ, а на послѣдокъ потерялъ все мое терпѣніе и въ вербную Субботу услышавъ въ городѣ благовѣсть къ вечернѣ, оставя садъ, ушелъ въ городъ. Прежде всего пришелъ въ церковь, а послѣ явился къ священнику, и объяснилъ мое положеніе. Съ искреннимъ сожалѣніемъ о моемъ претерпѣніи, онъ признался мнѣ, что по тамошнимъ несноснымъ жаламъ а особливо опъ комаровъ, дно бы было мнѣ сносить лѣтнюю работу, и предложилъ мнѣ опредѣлиться въ военную службу, и отправиться съ Россійскими войсками въ Персію, гдѣ, въ какомъ нибудь случаѣ я по извѣстной ему вѣрности моей и усердію, могу быть употребленъ съ пользою, говоря, что Главнокомандующій войсками Графъ В. А. Зубовъ, человекъ весьма милосливой и добродѣтельной, и что онъ самъ будетъ обо мнѣ просить находящагося при немъ валантера и перевозчика а изъ Ар-

мнѣ Маіора С. . . — Предложеніе сіе я принялъ съ радостію, и доброй священникъ потѣ же часъ пошелъ къ сказанному Маіору и ходатайствовалъ за меня сколько могъ, Гнѣ С. далъ священнику честное слово сдѣлать меня щасливымъ, потому болѣе, что люди, знающіе тамошнія мѣста, языкъ и обычаи, какъ онъ говорилъ, дѣйствительно будутъ нужны. — Насказалъ при томъ ему весьма много о важности своего поста, и о наградахъ, какіи можетъ онъ дѣлать по заслугамъ каждого, копорыя будутъ находиться въ его свитѣ, что въ его возможности состоиптъ удостоивать ихъ и къ награжденію чинами или по смерти пенсіонами, кромѣ того, онъ можетъ еще награждать ихъ и изъ собственныхъ доходовъ съ Крымскихъ деревень, (: копорыхъ по повѣркѣ неокказалось :) и что особенно мнѣ, естли я буду вѣренъ и усерденъ, по уваженію къ таковому обо мнѣ ходатайству, положишь онъ пенсіона по 1000 рублей въ годъ, и словомъ, сдѣлаешь со мною то, что всѣ Армянѣ

удивятся; доброй священникъ по простотѣ своего сердца весьма скоро повѣрилъ симъ обѣщаніямъ и прибѣжавъ домой запыхавшись со всею поропливостію и возпоргомъ высказалъ мнѣ будущее мое благополучіе, и въ ту же минуту хотѣлъ меня отвѣсти къ Г. С. Симъ неожиданнымъ извѣстіемъ я приведенъ былъ въ возхищеніе, однако желалъ прежде разчистаться съ Кизлярцомъ за полтора мѣсяца моей работы въ его саду, на что священникъ едва согласился, опасаясь, чтобы между тѣмъ другой не воспользовался моимъ счастіемъ. Кизлярецъ не смотря на то, что я противъ воли оставилъ его садъ, неуважая ни прудовъ, ни моего мученія, ниже моей нищеты, отпказалъ въ удовлетвореніи меня съ грубостію, потому, что я не выжилъ у него срочнаго времени. Священникъ не далъ мнѣ ничего съ нимъ говорить и тащилъ скорѣе къ С. — У него нашли мы многихъ изъ Кизлярскихъ Армянъ, которые приходили къ нему засвидѣльствовать свое почтеніе. Онъ занимался въ

это время пересчитываніемъ ассигнацій своихъ, и повпорялъ сіе нѣсколько разъ, можешь быть для того, чѣмъ показанъ себя челоѡкомъ, гоповымъ разсыпанъ на всѣхъ свои благодѣянія и щедроты, или занятымъ важными расчотами. Потомъ, когда священникъ со всею униженностію представилъ ему меня, то онъ на передъ спросилъ: сколько я хочу жалованья, и вдругъ за симъ избавивъ меня отъ труда ошвѣчалъ, сказалъ: ну, — ты можешь надѣяться получаешь по тысячѣ. — Это привело меня въ такой восторгъ, что всѣ члены мои шрепешали отъ радости и я обѣщаль ему всевозможное усердіе и вѣрность къ службѣ до послѣдней капли крови. — Онъ спросилъ меня, знаю ли я по Фразцузски, или хопя по Нѣмецки, или на другомъ какомъ Европейскомъ языкѣ. Я, чѣмъ избавить его отъ дальнѣйшаго труда, сказалъ ему, что я Персидской уроженецъ, и знаю только Армянскій, Персидскій и Турецкій. Армяне спросили его: что онъ конечно знаешь всѣ тѣ языки;

о кошорыхъ меня спрашивалъ? да, отвѣчалъ онъ, и всѣ только ахнули. Послѣ сего С. рассказывалъ намъ всѣмъ, предъ нимъ предстоящимъ, что онъ, въ какихъ важныхъ о извѣстныхъ дѣлахъ былъ употребляемъ и какіе воздаваемы были ему почести. Всѣ вѣрили его баснямъ безъ малѣйшаго сомнѣнія, и были приведены въ удивленіе его значенипоспѣю, а особливо 2. (*) Священникъ опкланявшисъ ему, поручилъ меня его покровительству и милостямъ и съ чистосердечнымъ умиленіемъ благословивъ, пожелалъ мнѣ счастья, и такимъ образомъ и остался у Г. С. Онъ принялъ къ себѣ еще чепырехъ Армянъ. Одинъ изъ нихъ, какъ я послѣ узналъ, промолчалъ все опцовское имѣніе въ Аспраханъ, другой былъ цирюльникъ Енокъ, не имѣвшій почти во все никакого понятія о своей религіи; претій былъ извѣстный по Кизляру без-

(*) Немалой поводъ подало мнѣ вѣрить всему отъ него мнѣ общанному и то, что я никогда еще не видалъ пудренныхъ головъ, и сочтя потому Г. С. съдымъ, думалъ про себя, неужели такой почтенной пожилой человѣкъ сманетъ меня обманывать?

дѣльникъ; а четвертый великой ябѣдникъ и лжець, хотя всѣ они были большіе охотники наливатьсѣ виномъ, но первый изъ нихъ превосходилъ въ томъ прочихъ своихъ товарищей. С. назначилъ мнѣ должностъ, чтобъ слѣдовать въ походъ въ передъ и по назначенію квартермистра разбивать Колмыцкую его кибизку, или палатку; а потомъ кормить лошадей. Для наученія меня, нѣсколько разъ велѣлъ онъ ее спавить, собирать и укладывать на Арабу, а потомъ заставлялъ меня дѣлать тоже, чтобъ научилсѣ совершенно. — Изъ такого порученія, сколько ни поздравлялъ меня священникъ съ моимъ благополучіемъ, я не могъ предвидѣть онаго, и со дня на день, болѣе спалъ сомнѣваться въ томъ, и наконецъ рѣшился объяснильсѣ о семъ съ самимъ священникомъ, замѣтивъ ему при томъ и о свойствахъ людей, составлявшихъ свиту С. Но онъ успокаивалъ меня тѣмъ, что можеть быть Г. С. дѣлаеть надо мною испытаніе, и потому уговаривалъ потерпѣть и ожидать развязки.

Товарищи мои, будучи праздны, занимались въ продолженіи спраспной недѣли только пьянствомъ, а я не имѣя времени оплучаться опъ кварширы, имѣлъ великую нужду даже въ хлѣбъ. Между тѣмъ Г. С... много и имъ насулилъ всякаго счастья, и они рассказывали о томъ всѣмъ по Кизляру Армянамъ, которые тѣмъ скорѣе всему тому вѣрили, чѣмъ меньше имѣли свѣденія о правилахъ и способахъ человека сего.

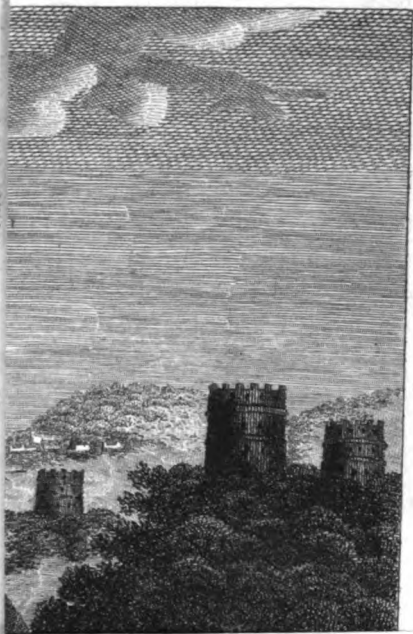
Между тѣмъ Главнокомандующій далъ приказъ войскамъ собраться въ лагерь за рѣкою Терекомъ, куда и я по приказанію Г. С... отправился съ палаткою его, и тамъ приготовилъ ее. Это было въ свѣшное Христово Воскресеніе. Мнѣ не удалось даже сходить въ церковь, и разговѣлся весьма худо. Во вторникъ войска выступили въ походъ далѣе по дорогѣ, ведущей къ Дербенту. На семь пупи встрѣшилось затрудненіе въ переправѣ чрезъ рѣку Койсу. — Но за сіи труды войска наши довольно по веселились въ

городъ Тарху; опѣ куда 1 го Маія пришли къ Дербенту (*) и расположились лагеремъ близъ горы, лежащей прошиву Дербентской крѣпости, гдѣ находились двѣ главныя Персидскія башни, или бапарен. Мѣсто сіе, весьма пріятно и выгодно для лагеря, наконецъ расположились по высотамъ, гдѣ въ старину было кладбище. По роздыхѣ, Главнокомандующій послалъ въ городъ къ Шихъ Алихану объявить ему, чтобъ оный сдалъ безъ кровопролитія, въ сходствіе изданнаго Манифеста, но Ханъ не токмо не согласился на сдачу города, да еще сверхъ того болѣе сталъ оный укрѣплять.— Кромѣ крѣпости, и за городомъ подѣланы были укрѣпленія, называемыя по Персидски Бурджама, что означаетъ бапарен.

Прежде всего, надлежало взять приступомъ бапарен, или Бурджи. Я рѣшился быть всегда близъ сраженій, и хотѣлъ все видѣть; для того почасу оставляя лошадей Г. С... въ полѣ съ прочими, просилъ

(*) При семъ прилагается видъ города Дербента.

надсматривать за ними караульныхъ козаковъ. Для безопасности, я дѣлалъ мои наблюденія изъ шанцовъ, и находилъ чрезвычайное удовольствіе, смотрѣть на летяющія изъ нашего лагеря бомбы, какъ на явленіе новое, и доселѣ мнѣ неизвѣстное. —

Прежде при бытіи съ войсками Графа В. А. Зубова къ Дербенту, находился тамъ за нѣсколько мѣсяцовъ, козацкій Генераль Савельевъ, съ небольшимъ корпусомъ. — Но какъ скоро прибыли многочисленнѣйшія войска, то находившіеся въ Дербентѣ богатые Армяне, домовъ до ста, видя, что Россійскія прокламаціи не останутся тщетными, и городъ рано или поздно будетъ взятъ, для спасенія себя отъ бѣдствій, потчасъ сдѣлали между собою тайной совѣтъ, чѣмъ пособить Россійскимъ войскамъ, взять городъ безъ кровопролитія и для того, склонивъ одного опшважнаго Армянина, спустили его въ ночное время за крѣпость по веревкѣ съ тѣмъ, чѣмъ онъ указалъ, какъ крѣпостныя мѣста, куда бы съ пользою можно

•

было производить огонь, такъ и потъ ключъ, находившійся за крѣпостью, и снабжавшій весь городъ водою, безъ котораго, естли опвесни его въ другую сторону, граждане не могутъ существовать иногда почти дня. — Сей Армянинъ пришелъ въ Россійскій станъ благополучно, и бывъ представленъ къ Графу, объявилъ ему чрезъ перелодчика, причину своего посольства.

По приказанію его, подъ вечеръ 8 го числа, взяли помянутыя внѣшнія бапарей шпурмомъ, какъ пунктъ весьма важный, съ коего было видно все внутрь крѣпости; а 9 го числа опвели ключъ, и стали бомбардировать городъ, и особливо ту его часть, гдѣ былъ Ханскій домъ. — Персіане во все не думали быть побѣжденными, а особливо надѣясь на вспомогательное войско, которое шло къ нимъ изъ Дагиспана. — Но увидѣвъ поперю Бурджей, пришли въ великой страхъ. Противъ сего мѣста припацили они свою чугунную пушку, которая одна только у

нихъ и была, и копорую однимъ удачнымъ съ нашей стороны выстрѣломъ, привели въ недѣйствіе. Въ тотъ же день увидѣли они, что опіяша у нихъ и вода. Таковое спѣшеніе подѣйствовало надъ ними еще болѣе, такъ, что они принялись уже мыслить, объ отвращеніи дальнѣйшаго зла, какого могли ожидать отъ штурмованія города, добровольною его здачею.— Ханъ общимъ совѣтомъ первыхъ своихъ чиновъ, положилъ сдать и переговоры о томъ поручить Армянамъ, въ той увѣренности, что они, какъ Христіане, могутъ окончить дѣло сіе съ лучшею для Персіанъ пользою. И такъ выбравъ для сего Депутатомъ любимца сестры Ханской, перваго изъ Армянскаго общества, Дадашъ Степана, челоѣка почтеннаго и преспарелаго, дали ему полную волю сдѣлать договоръ, какой онъ заблаго признаетъ. Дадашъ Степанъ, пришелъ въ спанъ 10 го числа, былъ представленъ Графу, и получилъ въ отвѣтъ, между прочимъ слѣдующія кондиціи:

1.) Чѣмъ Ханъ, немедленно выслалъ ключи города; опорожнилъ крѣпость отъ своихъ войскъ, и самъ явился въ станъ Россійской.

2.) Чѣмъ всѣ жители города, были обезоружены.

Послѣ сего отвѣта, приходили въ станъ главные чиновники Хана, чѣмъ удословѣриться въ справедливости объявленнаго Дадашемъ положенія. 11 го числа напередъ вынесены были ключи города, а за симъ въ слѣдъ прибылъ и Шахали-Ханъ, окруженный своею свитою. Великодушный побѣдитель вышелъ ему на встрѣчу, принялъ его съ приличнымъ уваженіемъ, и оказалъ величайшую ласку.— Ханъ, сперва исполненный страха пререпалъ; по томъ совершенно таковымъ пріемомъ былъ успокоенъ. Главнокомандующій приказалъ для него разбить богатую и самую лучшую палатку, поставилъ предъ нею гаубицъ - вахшу, и опредѣлилъ ему большое содержаніе. Г. С. приспавленъ былъ къ

нему безоплатно, съ шѣмъ, чѣмъ до-
 славлять ему всякое удовольствіе, а
 между шѣмъ имѣть нужное наблюденіе
 какъ за самимъ Ханомъ, такъ и за всѣми
 къ нему приходящими, и недопускать ни-
 докакого тайнаго съ кѣмъ либо разговора.
 Прочимъ въ его свитѣ находившимся
 также оповѣдены особыя палашки. Въ
 тотъ день сдѣланъ большой парадъ и
 нѣкоторое торжество, а вечеромъ была
 иллюминація. Того же числа вступила
 въ крѣпость небольшая часть нашего
 войска, и по главнымъ мѣстамъ учреж-
 дены пикеты, а прочіе, какъ и Главно-
 командующій, остались въ лагерь. Изъ
 города и въ городъ, никто немогъ войти
 и выйти, какъ по билетамъ дежурнаго
 Полковника Е. И. Миллера Закамельскаго.
 12 го пришли къ Хану, его мать и сестра, и
 просили Графа очень убѣдительно, поща-
 дить Хана, по молодости лѣтъ его и про-
 сивъ, что онъ осмѣлился пропивиться.
 Онъ также принятъ былъ весьма мило-
 сшиво.

Между тѣмъ господинъ мой, сдѣлавшись приспавомъ Хана, сколько казался великъ, особливо по наименованію А. Б. столько на противъ того былъ я несчастливъ: ибо не говоря уже о прочемъ, самое прописаніе мое, состояло только въ чорныхъ сухаряхъ, кои получалъ я и по, съ превеликою трудностію и большими укоризнами со стороны денщика Г. С. Вся моя бѣда происходила отъ того только, что я не разумѣлъ еще Россійскаго языка. Однажды, узнавъ, что вышеупомянутый Дадашъ былъ въ палашкѣ Г. С. зашелъ я любопытствовать что говорятъ, и что дѣлають составляющіе свиту моего господина, и нашелъ, что головы ихъ по обыкновенію были уже довольно наполнены винными парами. Только, что я вступилъ въ палашку, какъ они воѣ принялись меня ругать за то, что я осмѣлился къ нимъ войти. Дадашъ, какъ человѣкъ почтенный и добрый, потчасъ за меня вступился, и говорилъ имъ, что они напрасно мѣня обижаютъ, а потомъ спросилъ меня, изъ какого я мѣста

и какъ нахожусь у Г. С. Я увѣдомилъ его кратко о мѣстѣ моего рожденія, какимъ образомъ поручень Г. С. отъ Священника, и какія сдѣланы были мнѣ при семь обѣщанія; послѣ сего Дадашъ велѣлъ мнѣ придти къ себѣ въ домъ и вышелъ изъ палатки, показавъ явное презрѣнiе къ свирѣ Г. С.— По приказанію его пришедъ на другой день въ домъ Дадаша, пересказалъ ему подробно всѣ мои приключенія. Выслушавъ меня съ полнымъ сердечнымъ участіемъ, онъ изъявилъ величайшее обо мнѣ сожалѣнiе и совѣщивалъ, чтобы я ошоядя отъ С. оспался у него, обѣщавъ по способностямъ моимъ женишь меня на единственной дочери старшаго ихъ Протопопа и сдѣлать Священникомъ, говоря, что по смерти Протопопа я получу себѣ и все его имѣнiе, словомъ: составишь мнѣ все возможное благополучіе, и что онъ обѣщаніе, которое мнѣ дѣлаешь, подтвердитъ письменно и непременно его исполнишь, чему и все общество будетъ радо, по тому болѣе, что они весьма нуждаются

въ Священникахъ, а особливо въ столь
 знающихъ, какъ я. Мнѣ однако казалось
 дѣломъ безсовѣстнымъ, оставивъ Г. С.
 не испросивъ на то его согласія и по
 тому сказалъ я Дадашу, что будучи по-
 ручень ему опѣ Священника, не могу
 опойти опѣ него безъ спроса. Дадашъ
 на сіе согласился и я тогда уже объяс-
 нился съ Г. С. какъ о моихъ нуждахъ и
 обидахъ, кои я претерпѣваю по моей у
 него должности и опѣ свипы его, шакъ
 и о приглашеніи Дадаша. Но Г. С. по-
 качавъ головою и назвавъ меня глупымъ
 и неопытнымъ, спалъ сожалѣть о моей
 простотѣ и говорилъ: неужели ты прель-
 щаешься такимъ состояніемъ, которое не-
 болѣе можешь себѣ доставить, какъ ты-
 сячъ пять, а много десять. — Да-
 дашъ далъ слово сдѣлать себѣ то,
 чѣмъ всѣ удивились, и мнѣ, какъ че-
 ловѣку столь сильному и значительному,
 смѣшно бы было, если бы я несдер-
 жадъ моего слова и недоставилъ себѣ
 того, и если бы отпустилъ тебя
 менѣ нежели съ такимъ то состояніемъ;

словомъ, онъ насулилъ мнѣ сполько разныхъ благополучій, что стыдно мнѣ и писать о томъ. Въ прочемъ объ огромности шаковыхъ обѣщаній можно судить и по тому, что 5 или 10 тысячъ считалъ онъ совершенною бездѣлицею, недостойною даже и вниманія его. За всѣмъ тѣмъ я очень чувствовалъ, сколько должно такимъ словамъ вѣрить, но судя по тому и сильнымъ убѣжденіямъ его не смѣлъ думать того, чтобы они во все были ложны, или бы оспались тщетными и чтобы я чего нибудь отъ него недобился,— и по тому рѣшился спяжать душу мою въ терпѣніи.— Чужою каеаешься до обидъ моихъ, то онъ говорилъ съ нѣкоторою азартностію: да кто здѣсь смѣетъ сказать тебѣ что нибудь? а въ разсужденіи того, что я всегда голоденъ: какъ! онъ вскричалъ, я приказалъ все тебѣ давать! и съ сими словами ушелъ отъ меня съ поропливостію, какъ будто самъ спѣшилъ принести мнѣ что нибудь для обѣда; однако и за тѣмъ положеніе мое не поправилось.

18 го числа Маія по повелѣнію Главнѣ-командующаго, всѣ войска снялись и выступили въ дальнѣйшій походъ чрезъ Дербеншъ по Кубинской дорогѣ къ Шамахъ.— Въ продолженіи 17 ти дней споланки подъ Дербеншомъ, войско очень поправилось и люди весьма были здоровы. Погода была пріятнѣйшая, воздухъ чрезвычайно чистъ и свѣжъ; ключевой воды и травъ было изобильно, а часпю созрѣвали и /фрукты. Провіанта имѣли безъ нужды, словомъ, ни въ чемъ небыло недостатку, всѣ были довольны и веселы, кромѣ одного обстоятельства, которое причинило было нѣсколько хлопотъ, и о копоромъ хочу я упомянуть, чѣмъ опдашь справедливую чesть усердію, вѣрности, и бдишельности Дербеншскихъ Армянъ.

По вступленіи войскъ Россійскихъ въ городъ, когда все уже утихло, самые главные изъ Персіанъ приготавливали шайный ковъ. Они переписались съ ожидаемыми изъ Дагистана войсками и распоряжались, чѣмъ сдѣлали на крѣпость

и лагерь внезапное нападеніе, тогда, какъ все находилось въ безопасности. Беема вѣроятно, что такая тревога причинилабы не малую разспройку, судя по спремительности и дерзости Лезгинскихъ нападеній, но Армяне тогдаже провѣдавъ о семъ намѣреніи Персіанъ, тотчасъ дали знать объ ономъ Главнокомандующему; они даже указали и мѣсто скопища заговорщиковъ и перехватили одно ихъ письмо. Въ слѣдствіе чего 12 ть человекъ изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ взяты были подъ стражу и отпосланы куда слѣдовало. Послѣ того опыскано было еще нѣсколько человекъ такихъ же соумышленниковъ, и спокойствіе восстановлено совершенно. Генераль Савельевъ осмавленъ былъ въ крѣпости съ нѣсколькими тысячами. — Войска шли въ удивительномъ порядкѣ и съ совершенно веселымъ духомъ. Первой привалъ сдѣлали на степи, называемой Рубасы-Чоль подъ деревнѣю Моллахалымъ. — Ханъ Дербентской находился въ войскѣ, онъ имѣлъ впрочемъ полную свободу и всякое

довольство. Свита его каждый день, а особливо по вечерамъ, раздѣляла съ нимъ время, и они всѣ казались оптимѣнно веселы. Во время марша Ханъ удивлялъ все войско своимъ искусствомъ въ верховой ѣздѣ; лошадь была у него также чрезвычайная по своей быстротѣ и виду. По крушизнамъ, едва возходимымъ, она скакала съ необыкновенною легкостію. Ханъ такъ сказать игралъ, и кромѣ удовольствій ничего нечувствовалъ. Нѣкоторые изъ свиты его также имѣли отличныхъ лошадей и кажется ни чѣмъ болѣе не занимались, кромѣ какъ вмѣстѣ съ Ханомъ раздѣляли его удовольствіе; подъ деревнею Моллахалымъ простояли съ недѣлю. Кубинской Ханъ, состоявшій въ зависимости Дербентскаго, какъ его подданный, прибылъ въ станъ Главнокомандующаго съ объявленіемъ добровольнаго его подданства, и привелъ съ собою въ подарокъ Графу отличныхъ лошадей. Главнокомандующій принялъ и отпустилъ его съ совершенною благосклонностію. Можно справедливо сказать, что Ханъ

во все неожиданъ той степени свободы и тѣхъ выгодъ, какими пользовался отъ доброты души и сердца благотворившаго ему Графа. — Мушкурскіе Армяне были при войскахъ въ числѣ вожапыхъ. Они заблаговременно предупредили войско наше, чтобъ недопущать лошадей своихъ и прочей скотъ на паству: ибо по онымъ мѣстамъ на несколько верстъ разстоянія, находяшся ядовитыя травы, которыхъ една только скотъ хвапипъ, пошчасъ заражается и падаетъ; чему мы всѣ были очевидцами. Армія шла берегомъ Каспійскаго моря, которое находилось въ лѣвой рукѣ, а по правую Кавказскія горы; походъ отъ чрезвычайнаго жару продолжался тихо. Въ день неболѣе проходили какъ верстъ 25, по томъ отдыхали день и два. 1 го Іюня войска прибыли къ рѣкѣ Самуръ, выходящей изъ горъ и впадающей въ море. По безмѣрному стремленію воды переправа чрезъ нее была весьма затруднительна, и надѣлала весьма много вреда. Не смотря на всѣ средства предосторожно-

спи и усилія, многія маркизантскія по-
возки съ запасами и другія были опро-
кинуты и унесены въ море. За сею рѣкою
въ лѣвой рукѣ къ морю находится Муш-
куръ, мѣсто, заключающее въ себѣ селе-
ній до десяти. Армяне, въ нихъ живу-
щіе, опасаясь мщенія со стороны Пер-
сіанъ за свое усердіе и услуги, — Россій-
скимъ войскамъ оказанныя, принуждены
были послѣ, такъ какъ и Дербентскіе
Армяне и прочіе, оставивъ дома свои,
прекрасные сады и плодоносныя поля, и
все недвижимое имущество и удалились
въ Россію. Они поселились около Киз-
ляра и по нынѣ сохранили свое названіе.
7 го Іюня остановились подъ деревнею
Еграхъ, гдѣ простояли нѣсколько дней.
Отсюда пройдя нѣсколько верстъ въ пе-
редъ, и потомъ поворомя въ гору, при-
мѣрно верстъ до 5, находится на горѣ
область, или провинція Губа. — На семь
мѣстѣ, гдѣ поворомя къ Губѣ, сдѣланъ
былъ привалъ; по томъ на первомъ маршѣ
приняли въ право къ Шамахъ долиною
же, съ начала весьма обширною и приле-

гающею съ лѣвой руки къ морю, а потомъ окруженною съ обѣихъ сторонъ горами. На семь маршѣ Дербентской Ханъ по обыкновенію играя на своей лошади скакалъ туда и сюда, то по долинѣ, то по крутизнамъ горы и ускокивалъ на довольное разстояніе. Господинъ мой С. считая себя дядькою и опекуномъ столь знаменитой особы, возхищался ловкостію и проворствомъ Хана, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сачимъ собою. — На конецъ, недоходя еще до сказаннаго поворота къ Шамахъ, когда поравнялись пропивъ одной Персидской деревни, столпившей на горѣ весьма высоко, шакъ, что едва можно было ее видѣть, Ханъ вдругъ пустилъ лошадь прямо къ деревнѣ. Съ начала неподозрѣвая его намѣренія, смолчали только на его удалство и легкость лошади, скакавшей по совершенной крутизнѣ на подобіе зайца; но потомъ увидѣли, что игрушка обращается въ настоящее бѣгство; послали въ погоню козаковъ; но какъ лошади ихъ не привыкли по горамъ бѣгать, то Ханъ между

Часть 2.

9

тѣмъ въ виду ихъ добрался до деревни, и тамъ скрылся. — Прочіе изъ его свиты, кои надѣялись на своихъ лошадей, послѣдовали примѣру его и ускакали подѣ предлогомъ обыкновеннаго ристанія, тѣмъ свободнѣе, что вниманіе всѣхъ обращено было на одного Хана.

Господинъ С. по видимому весьма худо удовлетворилъ сдѣланной ему довѣренности. Занимаясь шолько своею величавостию и оскорбляя ея даже своихъ товарищей, природныхъ Русскихъ Офицеровъ, — онъ, такъ сказать, былъ обвороженъ мнимымъ уваженіемъ къ нему хитраго Хана и свиты его, и шолько прельщался названіемъ А. Б. Персіанами ему присвоеннаго, что даже допустилъ Хана сдѣлать предварительное къ бѣгству разпоряженіе, и когда уже оно приведено было въ дѣйствіе, то позже всѣхъ могъ онъ сіе примѣнить. Что Ханъ не въ одну минушу и не на томъ самомъ мѣстѣ вздумалъ удалиться, то вѣроятность сего видна изъ слѣдующаго: когда козакѣ

окружили деревню и опыскивали въ ней Хана, но вдругъ съ трехъ сторонъ по шрое поскакали въ разныя стороны. — Козаки не знали, куда бросится, ибо ни лошади Ханской, ни того плашья, въ которое онъ одѣвался находись въ войскѣ, ни на комъ небыло примѣшно. На конецъ бросились преслѣдовать на удачу. Козаки сдѣлали больше, нежели по справедливости можно было опъ нихъ пребовать, судя по отличной быспротѣ Персидскихъ лошадей: они поймали и привели двѣ паршіи, т. е. шесть человекъ, но третью ей недоспгали и даже слѣдовъ немогли узнать, и въ сей то щасливой паршіи находился Ханъ.

Господина С. потчасъ приказано было арестовать, опечатать его имущество и приставить къ нему караулъ, съ тѣмъ, чпобъ кромѣ Русскаго языка ни на какомъ другомъ ни съ кѣмъ неговорилъ, а о томъ, что будешь говорить, каждодневно рапортовать дежурному Полковнику. — Лошадей его также опобрали, а

я остался свободнымъ. — Въ сей день войску надлежало бы войти на гору и дойти до источника Гуртъ - Булага, (: что значилъ волчій источникъ :) но Главнокомандующій далъ повелѣніе остановиться и отыскивать Хана, — однако же всѣ поиски остались тщетны.

Господинъ С. до сего случая на маршѣ, когда случалось проходить мимо, или близко селеній, посылалъ пьяныхъ своихъ Рыцарей къ жителямъ съ повелѣніями дать для него все нужное, какъ то: вина, пшена, хлѣбовъ и прочихъ, съѣстныхъ припасовъ и фуража для лошадей, объявляя при таковыхъ случаяхъ, что онъ такой-то знаменитой человекъ и главное то, что Ханъ, какъ говорилъ онъ, находится у него въ полной власпи.— Армяне и Персіане въ самомъ дѣлѣ считавшіе его за такового, какимъ онъ себя выдавалъ, несли къ нему всячину.— Рыцари его при семъ забывали и себя, и какъ посланники напередъ были угощаемы до безпамятства и пущь свой продолжали

въ полномъ удовольствіи и изобиліи, будучи безъ просыпу всегда пьяны.

Въ такомъ состояніи, по крайней мѣрѣ могли они считатьъ себя не во все лишенными того счастья, какое обѣщаль имъ С. а я бѣдный человѣкъ не зная себѣ покоя, едва неумиралъ съ голода. — Какъ скоро С. заарештовали: (* то они поспѣхъ его оставили и разбрелись въ разныя стороны. Я же на противъ того видя его опѣ всѣхъ оставленнымъ, забылъ всѣ мои огорченія, нужды и спѣшенія, и по Христіанскому ученію что за зло должно плашиться добромъ, рѣшился не-

(* По общему голосу обвиненіе С. сколько мнѣ было извѣстно, состояло въ томъ, *Первое*: что онъ худо наблюдалъ за поведеніемъ Хана и не только не старался проныкать въ намѣренія, но даже и дѣйствія его оставалъ по видимому безъ примѣчанія. *Второе*: что зная свойство Персіанъ, ни самъ непринималъ ошорожныхъ мѣръ, ниже предвѣрилъ о томъ начальство, и допускалъ Хана поступать съ лишкомъ свободно. *Третье* что онъ какъ всѣмъ примѣчено, занимался только пируешваніи и чрезъ то допустилъ себя быть обольщеннымъ мнимомъ веселостію Хана, и что вообще упустилъ свою обязанность. Впрочемъ много еще и крѣкъ того говорено было.

оставить его до тѣхъ поръ, пока онъ неосвободится, или некончится его дѣло. — Пришедъ къ нему при переводчикѣ объявилъ ему мое сожалѣніе объ его несчастіи и готовность къ его услугамъ, объяснивъ при томъ ему все, что даетъ мнѣ справедливое право быть имъ недовольнымъ, и что я забываю то единственно для его несчастія.

Господинъ С. будучи удивленъ и пронужъ моимъ поступкомъ, изъявлялъ сожалѣніе, что до сего времени не зналъ меня хорошо; разкаивался въ дурныхъ со мною поступкахъ и на послѣдокъ стараясь увѣрить меня, оповѣчалъ словами Царя Давида: что еслии онъ забудетъ добродушное усердіе мое, то да будетъ забвенна десница его, и прильпнетъ языкъ къ гортани его, еслии не помянетъ меня въ началѣ веселія своего; и что онъ, когда освободится отъ своей бѣды, тогда раздѣлитъ со мною послѣдній кусокъ хлѣба, если не въ состояніи будетъ сдѣлать мнѣ что нибудь больше. Имя

мое, купленное въ Кизлярѣ, было уже изношено до пла; Г. С. далъ мнѣ овчинный шулупъ, взятый у его деньщика. Можетъ быть онъ нашелъ бы около себя что нибудь и другое, но одѣлъ меня въ шубу, какъ можно думать, по тому расчету, что я по погдашней жаркой погодѣ не всегда буду носить его. — Простоявъ на мѣстѣ для поисковъ надъ Ханомъ двое сутокъ, подъ конецъ шрепьяго или чепвертаго дня пришли на гору и остановились у Гуршъ-Булага, что было около половины Юня, да много также надсмапривали спрого, я немогъ ничего писать и даже говоришь много съ С. кромѣ необходимыхъ нуждъ да и то чрезъ переводчика. Онъ выдавалъ мнѣ на расходы для него, меня и одного находившагося еще при немъ мальчика, по одному рублю на недѣлю; однако и пристоль рѣдкой умѣренности, рука его дрожала, въ это время спала мнѣ весьма уже примѣшно природная и съ характеромъ его сопряженная скупись. — Сей суммы было бы во все не-

достаточно, но я каждый день ходилъ по Армянамъ, слѣдовавшимъ за Армією и почти въ милоспыню испрашивалъ хлѣба, вина, сыра, пшена и прочаго; а сверхъ того, многіе чиновники Арміи заставляли меня пригошлять для нихъ плавъ за что всегда мнѣ платили. — Такимъ образомъ доставлялъ я безъ бедное пропитаніе себѣ и Г. С. съ его мальчикомъ.

Многіе Штабъ и Оверъ - Офицеры, недовольные его поведеніемъ, а особливо другіе два переводчика, видя безкорыстное мое усердіе и добрые поступки съ Г. С. кои я оказывалъ не смотря на всѣ понесенныя отъ него угнѣтенія и нужды, безпрестанно совѣщивали мнѣ, чтобы я подумалъ о собственной моей безопасности и пользѣ, говоря при томъ, что я потеряю себя, еслии еще далѣе останусь у него; нѣкоторые же изъ нихъ предлагали мнѣ пойти къ нимъ во услуженіе и давали по 20 руб. на мѣсяцъ жалованья, болѣе какъ я полагаю для того, чтобы мною опинать у Г. С. по-

слѣдную для него помощь, которой по-
чишали его недостойнымъ. Они даже
предсказывали мнѣ, что Г. С. за все мое
усердіе заялапишь мнѣ самою черною не-
благодарностію. — Но я рѣшительно оп-
вѣчалъ, что нежелаю никакой плашы и
неожидано отъ С. никакой благодарности;
что я неоставляю его и по тому, что онъ
оставленъ всѣми и даже своими соопчи-
чами, и что плашы за мои поскупки я
ожидаю отъ одного Бога, которой пове-
лѣваетъ служишь и врагамъ своимъ и
благословляетъ кленущихъ насъ; друзей же
своихъ и язычники умѣютъ любить и
дѣлать добро тѣмъ, отъ кого сами ви-
дѣли добро. —

На стоянкѣ у Гуртѣ-Булаха пріѣхалъ
къ Главнокомандующему отъ Грузинскаго
Царя Ираклія посланникомъ одинъ бога-
тый Армянинъ, Сигнахской уроженецъ.
Предмѣтъ посольства его былъ, какъ я
слышалъ, тотъ, что Царь Ираклій имѣя
намѣреніе идти на Ганджу противу Пер-
сіанъ, ошмстивъ имъ разореніе своего

Государства и смерть подданныхъ его, просилъ у Графа помощи. — Узнавъ о прїѣздѣ сего посланника, я любопытствовалъ его видѣть, и не болѣе, какъ дни чрезъ чепыре встрѣтился съ нимъ у развода. — Я со всемъ его не зналъ, и кажется никогда не видалъ въ бытность мою въ Сигнахѣ, но онъ при первомъ на меня взглядѣ потчасъ подошелъ ко мнѣ съ радостнымъ видомъ и сказалъ: а! Другъ мой! ты здѣсь? — По томъ спросилъ: какимъ образомъ, попался я въ Россійскую Армію, и у кого нахожусь въ такой ужасной бѣдѣ, какъ онъ меня видѣлъ. — Я пересказалъ ему коротко только послѣднія мои происшествія въ Кизлярѣ и что нахожусь въ услуженіи у Г. С. Онъ зная уже исторію его подробно, изъявилъ мнѣ сожалѣніе, что я попался въ такія худыя руки; — по томъ уведомилъ, сколь много сожалѣлъ обо мнѣ Докторъ и всѣ вообще Сигнахскіе жители, что я ихъ оставилъ, а послѣдніе полагали, что я удалился изъ города тайно. — Я также, продолжалъ онъ,

весьма былъ огорченъ своимъ уходомъ. Мы всѣ надѣялись, что ты непременно будешь у насъ Священникомъ. Докторъ сердечно желалъ сдѣлать тебя своимъ сыномъ, выдать за тебя свою дочь и съ нею все свое имѣніе. — Чемъ тебѣ терпѣть здѣсь такое бѣдствіе и жить у человека, отъ котораго ты терпѣлъ и терпишь много нужды, а сверхъ того какъ говорятъ, для него собираешь милосердію, и кормишь его, согласишься лучше возвратиться въ Сигнахъ; — я исправлю всѣ твои нужды и уплату долги, какіе бы на тебѣ ни были. — Общество наше приметъ тебя съ радостію, и непомно заплащивъ за всѣ издержки, но сверхъ того наградитъ тебя въ шрое и болѣе. Ты будешь сдѣланъ потчасъ старшимъ Священникомъ надъ всѣми. Съ тѣхъ поръ, какъ ты замѣнилъ ихъ ошибку, они живутъ между собою несогласно и причиняють чрезъ то обществу много неудовольствій. Мы видѣли твое знаніе въ Церковномъ служеніи и были увѣрены, что ты совершенно исправишь всѣ без-

порядки и подашь другимъ примѣръ своимъ поведеніемъ, которое доказаль въ бытность свою у Доктора; а особливо сострадательность и благодушіе твое, оказанное прошву Ериванскаго выходца; о чемъ послѣ тебя рассказываль намъ Матеося, утвердилъ всѣхъ тамъ въ той мысли, что въ тебѣ имѣли бы мы лучшаго и примѣрнаго Священника.— Естли ты согласишься ѣхать въ Сигнахъ, я объявлю здѣсь мое обязательство отъ лица всего шамошняго Общества, для чего имянно я тебя сюда отсправилъ и сей часъ сдѣлаю все, что для тебя нужно.— Оспаваясь же у настоящаго своего господина, ты неможешь ничего надѣяться добраго; его вина, какъ всѣмъ извѣстно, столько велика, что погибѣль его, кажется неизбѣжною, и я опасаюсь, что естли ты отъ него неопстанешь, то непослѣдовало бы чего худаго и съ тобою; а для того совѣтую удалиться заблаговременно, чтобъ послѣдняя твоя, какъ говоритъ Священное писаніе, не было горше первыхъ. Унась же ты

будешь жить спокойно, въ полномъ удовольствіи и совершенномъ уваженіи. — Я отвѣчалъ ему на сіе: милостивѣйшій господинъ мой! до сихъ поръ тѣло мое опъ самага младенческаго терпѣнъ всѣ испытанія, какъ и вы нѣсколько уже знаете; я привыкъ переносить мое несчастіе и мои нужды;— терплю все и надѣюсь, что рано или поздно, Богъ призритъ на меня съ милосердіемъ, помилуешь и избавишь меня опъ золь моихъ. — Я чувствую въ полной мѣрѣ то счастье, которое вы не по достоинству моему, но по одному только ко мнѣ милосердію предлагаете; но я далъ предъ Богомъ въ сердцѣ моемъ слово, чтобъ неоставишь несчастнаго моего господина; онъ оставленъ всѣми и мое къ нему усердіе естъ единственною шеперь для него опрадою. Если же я измѣню моему слову, то умножу болѣзнь его и горесъ.— Я поступаю такъ по слову Евангельскому, и нежелаю другаго счастья, кромѣ того, которое обѣщаетъ оно въ будущемъ вѣкѣ.— Богатство и удовольствіе, которое конечно могу я

получить у васъ, для меня есть излишность и ничего мнѣ не прибавить, кромѣ суебъ и безпечности. — Если Богу угодно будетъ надѣлать меня онымъ, то я ничего теперь еще не терплю; но если оставлю несчастнаго, тогда потеряю все и спасая отъ нужды шло мое, погублю душу. Но какъ вы расположены мнѣ сдѣлать благополучіе, то я прошу васъ всеуниженнѣйше обождасть до тѣхъ поръ, какъ Г. С. освободится на волю. Можетъ быть Богъ избавитъ его отъ сей бѣды, которую онъ навлекъ на себя, тогда и буду свободенъ отъ моего обѣщанія, и могу оставить его, будучи спокоенъ въ моей совѣсти. За тѣмъ я просилъ его, чтобъ онъ для лучшаго моего удословленія, по прибытіи обратно въ свое мѣсто, прислалъ ко мнѣ отъ всего общества бумагу о томъ, къ чему онъ меня приглашаетъ, и чтобъ онъ изъ состраданія къ моему хозяину, не говорилъ никому объ нашемъ разговорѣ, что конечно будетъ ему прискорбно, и такъ сказать приложимъ раны къ ранамъ его. —

Въ заключеніе увѣрялъ его, что я съ радостію исполню приказаніе общеслѣва, и непремѣнно отправлюсь къ нимъ тогда же часъ, какъ скоро буду свободенъ. Упращивая его пощадить моего хозяина я сполько былъ разпроганъ его положеніемъ, или лучше сказать собственною моею чувствительностію, что даже плакалъ. — Посланникъ хопя чрезвычайно былъ недоволенъ моимъ отвѣтомъ, однако обѣщавъ сдѣлать все по моему, и только подтверждавъ, чтобъ я его не обманулъ. При прощаніи нашемъ смотря на то, что я былъ босикомъ, подарилъ мнѣ на покупку обуви два рубли Грузинскими серебряными деньгами. Состояніе мое между тѣмъ день отъ дня становилось тяжгоспнѣе. — Каждое утро, до восхода солнечнаго, ходилъ я отъ лагеря, такъ какъ на версту, къ одному ключу и тамъ обремененный моею горестію молился Богу. Однажды находясь въ такомъ трудѣ, и проливая обильныя слезы, остановилъ глаза мои на возходящее солнце. Оно было еще на самомъ восходѣ и

весь горизонтъ покрытъ былъ какъ бы кровавыми облаками. Отъ слезъ ли, или отъ разспроеннаго моего положеніи, показалось мнѣ въ тѣхъ облакахъ нѣскольکو человѣческихъ головъ, а надъ солнцемъ бѣгающіе люди въ задъ и въ передъ. Явленіе сіе въ такой привело меня страхъ и трепѣтъ, что я бросился лицомъ на землю и лишился памяти. — Въ такомъ положеніи пробылъ я болѣе часа, какъ наши калмыки, пришедшіе на сіе мѣсто пониъ верблюдовъ, меня разтолкали. Я увидѣлъ тогда солнце довольно уже высоко и не знаю въ безчувспенности ли, или во снѣ, по время находился. — Приключеніе сіе, какъ и вообще горестъ мою, я спарался сколько возможно скрывать отъ Г. С., опасаясь, чтобъ неусугубилъ его страданія.

Войска на Гурпъ - Булахъ простояли около полутора мѣсяца. Трава была почти вся выправлена, такъ, что лошадей надлежало бы отгонять верстъ до 12 и болѣе, — но такая отдаленность со

спороны Горскихъ хищниковъ была опасна; почему въ послѣднихъ числахъ Іюля мѣсяца выступили опѣ Гурпѣ-Булага къ обширной долинѣ Персеиду у старой Шамахи, стоящей на самой подошвы Кавказскихъ горъ. Въ Гурпѣ-Булагѣ воздухъ былъ очень пріятный и здоровый; но въ Персеидѣ нашли сухой и палій. — Походъ съ Гурпѣ-Булага былъ весьма затруднителенъ; ибо къ Персеиду надлежало спускаться по каменистой крутизнѣ. Жители старой Шамахи, по причинѣ частыхъ набѣговъ опѣ Горскихъ разбойниковъ, принуждены были оснавя свои дома, переселитса на другое мѣсто, которое называется новая Шамаха, или Ах-су, по имени шамошней рѣки, что значитъ бѣлая вода. Опѣ старой Шамахи опѣ 15 до 20 верстъ на вершинѣ горы есть крѣпкое и неприступное мѣсто Фитѣ-Даги, къ коему на нѣкоторое разстояніе идетъ только одна весьма узкая дорожка. — Въ опасное время, при случающихся тамъ безпокойствахъ, жители новой Шамахи и всей шамошней

Области, собирающіяся туда.— При наше-
 ствіи Ага - Магометъ - Хана на Грузію,
 Шамахинской Ханъ незахопѣлъ подклю-
 нился подъ его иго, и со всѣмъ наро-
 домъ удалился на Фитъ-Даго. Гористыя
 мѣста здѣсь покрыты были пажитями и
 составляли пріятное зрѣлище. Въ слѣдъ
 за войскомъ прибыли сюда изъ Россіи
 Архіепископъ Армянскій и находившійся
 въ Цесербургѣ посланникомъ Царя Ирак-
 лія К. Ч. Главнокомандующій, для пользы
 службы, принялъ ихъ съ уваженіемъ и
 обласкалъ сколько возможно. — Епископъ
 посланъ былъ къ Шамахинскому Мустафѣ
 Хану съ тѣмъ, чтобъ онъ пріѣхалъ въ
 Россійской станъ, не такъ какъ къ
 непріятелямъ, но для изъявленія друж-
 бы. Они съѣхались въ деревнѣ Сагіанъ,
 стоящей на горѣ въ нѣсколькихъ вер-
 стахъ отъ Персеида. Въ тамошнемъ Ар-
 мянскомъ Монастырѣ Епископъ далъ прися-
 гу Хану въ томъ, что онъ будетъ принятъ
 у насъ какъ другъ и свободно возвратится
 въ свое мѣсто. По прибытіи Хана, Глав-
 нокомандующій принялъ его съ прилич-

нымъ ему уваженіемъ и увѣрилъ, что Россійскія войска во всѣй его Области поступать будутъ пріятельски. Ханъ съ своей стороны говорилъ между прочимъ, что онъ ожидалъ, и будио бы желалъ прихода Россіянъ, и просилъ Графа оказывать ему свое покровительство и защиту противу Шаха, котораго онъ почитаетъ своимъ непріятелемъ. По отъѣздѣ Хана, Епископъ и К. — Ч. вздумалъ просить Графа о прощеніи Г. С. Они хотѣли чрезъ то прославить свое имя и избавить націю отъ того безчестія, что одинъ изъ ихъ земляковъ будетъ вѣчно несчастливъ. — Какъ бы то ни было, однако Епископъ и посланникъ, сколько много ни надѣялись на благосклонность къ нимъ великодушнаго Графа; но вмѣстѣ съ тѣмъ знали и важность проступка Г. С. противу присяги и Государства, и потому не прежде приступили къ ходатайству, какъ напередъ чрезъ письма убѣдили Шамахинскаго Хана, войти въ общее съ ними посредство. Ханъ на сіе согласился и съ своей сто

•

роны писалъ о томъ къ Графу убѣдительно-ное письмо. Графъ желая сдѣлать имъ удовлетвореніе, единственно для того, что они могутъ оказать какую нибудь услугу, приказалъ представить предъ себя С. и въ присутствіи хадатаевъ и прочихъ чиновъ арміи, перечислалъ ему всѣ его поступки, укорилъ невѣрностію къ службѣ, нарушеніемъ присяги, и сколь тяжкому подлежишь онъ осужденію; потомъ даровалъ ему прощеніе и приказалъ возвратить ему саблю и все его имущество. Какъ скоро Г. С. освободился, то вмѣсто того, чтобы прославлять милосердіе Графа и помыслилъ о исправленіи своихъ поступковъ, онъ принялся за прежнее ремесло. Тѣмъ Армянамъ, которые еще его не знали, — нѣкоторымъ Персіанамъ и другимъ просіякамъ, говорилъ и хвасталъ что его не нашли виноватымъ и проч: Я понималъ тогда уже по русски многое что говорятъ, и часнію могъ отвѣчать. Прислушиваясь иногда къ разговорамъ въ корпусѣ, а болѣе всего по случаю за арештованія Г. С. я имѣлъ уже

настоящее объ немъ понятіе и удивлялся какъ его необыкновенной спраспти къ хвастовству, такъ и тому, что онъ во все не чувствовалъ ни Божіаго къ нему милосердія, ни Графскаго благодѣанія. Впрошчемъ будучи радъ его свободѣ, я почиалъ уже и себя свободнымъ воспользоваться первымъ благопріимнымъ случаемъ въ мою пользу; а между тѣмъ положилъ со всевозможнымъ вниманіемъ наблюдать за его поведеніемъ, и такъ сказалъ ходитъ по слѣдамъ его. По самохвальству его, многіе бѣдные Армяне приходили къ нему съ разными прозьбами, какъ къ человѣку сильному, и онъ всякому обѣщаль сдѣлать удовлетвореніе. Люди сіи почти всегда толкались у нашей палатки, въ ожиданіи милостей Г. С.; однажды они просили меня напомнить ему о своихъ нуждахъ, я зналъ уже, что мой господинъ ихъ обманываетъ, но рѣшился полюбопытствовать объ его опвѣстѣ и за то удостоился изрядныхъ опъ него ругательствъ, что вмѣшиваюсь не въ свое дѣло.

Послѣ сего С. услышавъ, что Графъ хочеть послать къ Ганджинскому и Шушинскому Ханамъ съ предложеніемъ вступить въ подданство Россіи, не упустилъ употребить сей случай въ свою пользу, упросивъ Архіепископа ходатайствовать у Графа, чѣмъ оное посольство поручено было ему; за что обѣщаль Епископу прославить его между шамошними Армянами, и непременно довести ихъ до того, что они придуть къ нему на поклонъ. Архіепископъ охотно на сіе согласился. Ходатайство его было принято и С. посланъ къ обѣмъ Ханамъ; такъ какъ и въ самомъ дѣлѣ онъ могъ выполнить сіе порученіе по принаровкѣ къ свойству Персіанъ, лучшимъ образомъ; а при томъ Главнокомандующій имѣлъ весьма убѣдительную причину надѣяться, что С. задарованное ему прощеніе къ заслуженію же важной вины своей не оставитъ въ семъ случаѣ употребить съ истиннымъ усердіемъ всѣхъ своихъ способностей.

По опшѣздѣ его, я бывъ оставленъ имъ по его обыкновенію безъ всякаго пропитанія, вскорѣ получилъ съ однимъ Тифлисскимъ жителемъ письма отъ *помянушаго Сигнахскаго Армянина, бывшаго посланникомъ отъ Царя Ираклія и отъ Докшора Машеоса. Первый писалъ ко мнѣ, что онъ въ разсужденіи моего съ нимъ положенія, распорядилъ все по моему желанію, и убѣждалъ скорѣе пріѣзжать въ Сигнахъ; а Докшоръ Машеосъ изъясняя въ чувствительныхъ выраженіяхъ свою ко мнѣ любовь и сожалѣніе о настоящемъ моемъ положеніи, между прочимъ писалъ, что какъ, по дошедшему до нихъ слуху, пошъ Маіоръ, у котораго я живу, оказался въ важномъ преступленіи, то для меня предосудительно и даже опасно находиться при такомъ человѣкѣ; по чему и совѣпывалъ, чтобы я скорѣе пріѣзжалъ къ нимъ, что онъ приметъ меня какъ роднаго сына и чтобы я на исправленіе нуждъ своихъ для опшѣзда занялъ бы на щотъ его;

сколько будетъ мнѣ нужно; а сверхъ того, еслии есть на мнѣ долги, по какіе бы они ни были, онъ заплашишь все, и сіе письмо предъявилъ бы я для документа. — Въ самомъ дѣлѣ Машеосъ былъ сколько извѣстный человѣкъ, что я легко бы могъ у Грузинскихъ, или Тифлисскихъ Армянъ, по предъявленіи письма его, достать денегъ, сколько бы ни понадобилось. — Я ничего не могъ предпринять за опшѣздомъ С., ниже опшѣчашъ на сіи письма по слѣдующему произшествію, случившемуся на тѣхъ же дняхъ.

Ханъ Нуралій, человѣкъ молодой лѣтъ 20, произходящій, какъ онъ называлъ себя, отъ крови законныхъ Государей Персіи, по неудовольствіямъ бѣжалъ опшуда въ Россію и находился въ Кизлярѣ Главнокомандующій, какъ человѣкъ чувствительной, принялъ участіе въ его судьбѣ и взялъ съ собою. Ханъ сей пользовался всѣми возможными милостями Графа, называлъ его всегда опцомъ и

казался преданнымъ ему со всею сыновнею горячностію. — Онъ имѣлъ довольно большую свиту и весьма достаточное содержаніе; а сверхъ того какъ, было извѣстно, Графъ хотѣлъ сдѣлать его гдѣ нибудь Ханомъ. Онъ всякой день веселился за вечернимъ столомъ съ своею компанією и утѣшался съ одними песенниками, копорые имѣли весьма пріятный голосъ, и по большой часи пѣли одну любовную Персидскую пѣсню, которая сколько понравилась у насъ въ Арміи что почти всѣ ее выпвердили и пѣли. — Днемъ ничемъ другимъ незанимался какъ игрою, или ристаніемъ на лошадихъ по своему обыкновенію; — словомъ жилъ въ полномъ удовольствіи, особливо со времени побѣга Дербенскаго Хана, кошораго имѣніе все ошдано было также ему. — Графъ да и всѣ совершенно увѣрены были въ его преданности и по благодѣлніямъ ему оказываемымъ имѣли право ожидать отъ него такого разположенія. — Надобно ошдаться справедливостъ, что Персіане

признашеляны и благодѣтельны, но только въ своемъ мѣстѣ, когда они повелѣвають сами, несостоятъ подѣ чужою власнію и живутъ подѣ своимъ закономъ;— въ противномъ же случаѣ, никогда нельзя положитьсь постоянно на ихъ вѣрность. — Подобно тому и Нуралій Ханъ, несмотря на всѣ благодѣланія, выбиралъ только удобнѣйшій случай, чтобы насмѣянное благосостояніе свое промѣнять на неизвѣстное; впрочемъ планъ его думать надобно былъ, по его мнѣнію, самый блистательнѣйшій: ибо онъ замышлялъ покушиться на жизнь своего благодѣтеля и гибель всего войска.— По ихъ заключеніи когда Главнокомандующій будетъ убитъ, тогда уже и все побѣждено. — Нуралій Ханъ пользуясь оптимъною довѣренностію и благоразположеніемъ Графа, тѣмъ свободнѣе могъ располагать своимъ замысломъ и приспособлять его къ выполненію, а какъ ему ни въ чемъ небыло отказываемо, что составляло его удовольствіе, то онъ забралъ въ

свиту свою человекъ до ста Персіанъ, подъ предлогомъ верблютниковъ, конюшихъ и прочихъ служащихъ. — Мустафа, Ханъ Шамахинскій, пріѣзжалъ въ корпусъ не одинъ разъ и съ нимъ видался. — Нуралій сверхъ того нерѣдко посылалъ изъ своей свиты въ Шамаху для закупки нѣкоторыхъ потребностей и посредствомъ сего, или какимъ другимъ способомъ, сдѣлалъ съ Мустафою заговоръ, который вскорѣ бы приведенъ былъ въ дѣйствіе, естлибъ нечаянный случай не обнаружилъ онаго.

Нѣкоторые говорили, что будто бы схваченъ былъ одинъ изъ его свиты, посланный съ письмомъ къ Шамахинскому Хану; но достовернѣе то, что когда Нуралій, съ своею свитою занимался бѣганіемъ на лошадяхъ, тогда упала съ него шапка. Одинъ изъ приставленныхъ къ нему для надзиранія чиновниковъ, изъ переkreщенныхъ Горцовъ, который былъ при немъ и за переводчика, замѣшилъ при

семь выпавшее изъ шапки, завернутое по Персидскому манеру письмо, и осторожно оное скрылъ.— Нуралій можешь быть въ шоть день ненашелъ удобнаго случая переслать его, а возвращаясь въ лагерь и во все о томъ забылъ. Письмо потчасъ представлено было къ Графу и переведено. Нуралій писалъ къ Муспафъ уже въ послѣдній разъ и назначалъ день и часъ, когда онъ долженъ былъ напасъ нечаянно на лагерь и прямо наставку Главнокомандующаго; онъ же въ то время съ своими храбрыми людьми будешь въ готовності, нападешь съ нимъ вмѣстѣ и когда такимъ образомъ убьютъ Главнокомандующаго, тогда все будешь побѣждено. — По приказанію Графа палатку Нуралія Хана окружили ночью и безъ всякаго почти шума обложили его оковами, и отправили куда приказано. Свища его также вся была захвачена; у всѣхъ нашли въ готовності потребное оружіе, которое имѣшь было имъ возпрещено, и которое они приготовили тайно,—по сему

самому приняшы были всѣ мѣры оспорожности. Письма доставленныя ко мнѣ изъ Сигнага также разпечатанныя и я немогъ иначе отвѣчать на нихъ, какъ только словесно шоу, кто ихъ доставилъ, опасаясь, чтобъ не навлечь на себя какого либо сомнѣнія. Шамахинской Ханъ узнавши о участи своего соумышленника, потчасъ убѣжалъ и оставилъ свой городъ.

Между тѣмъ войско находилось въ трудномъ положеніи. Отъ чрезвычайныхъ жаровъ и употребленій плодовъ, появились въ ономъ болѣзни, и сего несчастія ничѣмъ другимъ отвратить было не можно, кромѣ запрещенія привозить фрукты, для чего поставлены были вездѣ караулы. Лошади, верблюды и быки большою частію попадали отъ недоспатка въ фуражъ; ибо трава, была почти вся или выправлена, или выгорѣла, а на послѣдокъ сдѣдалась и вредною по сѣрному свойству земли; при шомъ же наступила

ненасливая погода и дожди. По сему Графъ далъ повелѣніе немедленно выступить къ Шамахъ, копорая хопя недалѣе была какъ верстъ на 15, однако переходъ сей за недоспапкомъ лошадей, верблюдовъ и воловъ, для перевозки пажесшей, былъ очень запруднишелень.

Дядя Муспафы Хана, Гассимъ Ханъ, человекъ престарѣлой, по опасности ошъ своего племянника, жилъ у Шакинскаго Хана. Узнавши о бѣгствѣ Муспафы, прибылъ въ Шамаху и заступилъ его мѣсто.— Сей престарелый Ханъ вышелъ на вспрѣтеніе войску, и съ предложеніемъ подданства своего Россіи, самъ ввелъ Главнокомандующаго въ крѣпость. Графъ весьма былъ доволенъ поступкомъ сего Хана и шупъ же торжественно поздравилъ его дѣйствительнымъ владѣтелемъ Шамахи; копорый съ своей стороны въ собраніи всего войска далъ присягу въ вѣрности подданства. Ему поднесены

(* При семъ предлагается точный видъ церемоніаль.

74

75

были въ даръ на большомъ серебряномъ блюдѣ золотые и серебряные деньги равно другіе знашныя подарки. Сія церемонія сопровождается была пушечною и ружейною пальбою. — По тамошнему обыкновенію дѣши во весь день кричали провозглашеніе Гасимъ-Хана владѣтелемъ, а вечеромъ какъ лагерь, шакъ и городъ были иллюминированы.

Отсюда Главнокомандующій отправилъ часть войска къ Ганджѣ подѣ Начальствомъ Генерала Булгакова въ помощь Царю Ираклію, который, какъ выше сказано, желалъ отмстить бѣдствіе своего опечесива и впервые пошелъ противу Ганджинскаго Хана, который былъ пушеуказателемъ Шаховымъ войскамъ и съ своими войсками находился всегда въ передѣ. Архіепископъ и посланникъ Ираклія отправились съ тѣми же войсками. По выходѣ ихъ возвратился и мой господинъ изъ своего Посольства съ нѣкоторыми данными ему шамъ въ подарокъ вещами для которыхъ собственно онъ и

ѣздилъ. Во первыхъ я объяснилъ ему о претерпѣнныхъ мною трудностяхъ и нуждахъ, ибо онъ при отъѣздѣ своемъ не оставилъ мнѣ на пропитаніе ни копейки; а по томъ о приглашеніи Грузинскаго Посланника и Доктора, и даже показалъ ко мнѣ ихъ письма, не смотря на то, сколько много написано было въ нихъ на щепъ его непріятнаго. — Мушкурскіе Армяне подтвердили ему какъ то, что письма сіи дѣйствительно справедливы, такъ и то, что Сигнагскій Армянинъ еще во время его ареста, приглашалъ меня ѣхать съ нимъ, съ обѣщаніемъ знатныхъ наградъ; о чемъ было молчано по собственному моему великодушію, чтобъ при его несчастіи не причинялъ ему новаго огорченія. — Г. С. принявъ на себя всегда готовый у него на шаковые случаи видъ, далъ мнѣ почувствовать, что я опить впалъ въ заблужденіе и спалъ жалѣлъ обо мнѣ. По томъ вновь наговорилъ мнѣ множество нелѣпыхъ обѣщаній и убѣдительнымъ тономъ, изъясляющимъ истинное и совершенное во

мнѣ участіе и расположеніе ко всему для меня доброму, совѣтоваль и даже просилъ меня потерпѣть только до возвращенія въ Россію. Сими послѣдними словами, онъ болѣе всего могъ меня обезоружить, заспавишь откажась отъ путешествія въ Сигнахъ и оспаться при немъ.

Бойска перпѣлм въ Шамахъ, или Ахсу, такъ же немалую нужду, отъ того, что по глинистому здѣсь свойству земли отъ выпадавшихъ часто дождей сдѣлалось такъ вязко что невозможно было ходить; а болѣе всего, что въ продовольствіи имѣли большой недостатокъ. Посему Главнокомандующій рѣшился для препровожденія зимняго времени искать лучшаго мѣста и на сей конецъ далъ повелѣніе выступить къ Муганочолу, т. е. Муганской степи, прослотивъ въ Ахсу около трехъ недѣль, что было уже въ Сенплярѣ мѣсяцѣ — При выходѣ войскъ Гасимъ Ханъ подтвердилъ присягу свою въ вѣрности и Графъ не имѣлъ никакой

Часть 2.

11

причины сомнѣваться, чтобъ облагодѣ-
тельствованный имъ старикъ нарушилъ
оную тогда, когда единственно отъ
Графа ожидалъ усироенія своего благо-
получія.

Мугана - Чоль отъ новой Шамахи
лежитъ въ лѣвой къ юго-воспоку. Походъ
намъ продолжался прои сутки.— На нѣко-
торое отъ Шамахи распольнїе сблизились
мы съ рѣкою Куръ, впадающею въ Каспій-
ское море; на семь походъ войско пре-
терпѣло отъ глинистаго грунѣа новое
затрудненїе. Но съ другой спороны
много имѣло отплады и вмѣстѣ съ тѣмъ
пользы отъ гранатъ во множествѣ ра-
стущихъ по берегу Кура; коими оно
пользовалось съ совершеннымъ изобилїемъ
на дорогѣ, также въ виду войска, бѣгали
стадами олени, но по слабости лошадей
неимѣли никакой возможности за ними
гонапсья.

Войско остановилось и поставило
лагерь при рѣкѣ Куръ, на весьма про-

спранный и пріятной луговой долинь; ко-
зацкія же полки, подъ командою Гене-
рала Плашова, перешли на другую спо-
рону рѣки, на Мугана - Чолъ, куда и всѣ
лошади и другой скотъ были переправ-
лены. — Войско, любимому Предводителю
своему построило, можно сказать, въ
короткое время двуэтажный деревянный
домъ, каковаго не было и у чашныхъ вла-
дѣтелей Персидскихъ.

Муганская степь есть единственная
и обширнѣйшая изъ всѣхъ степей Пер-
сіи; — но могла быть полезна для арміи
только въ то время, въ которое на нее
пришли: она по всему ея пространству,
какъ и лагерное мѣсто, покрыта лучшею
и полезною травою по тому, что сели-
щенное свойство земляной подошвы сооб-
щаетъ ей нѣкоторую соленость, кото-
рая для скота полезна и выпадающій
снѣгъ пошчасъ растворяла; но съ весны
до наступленія осенняго времени, про-
странство степи сей есть жилище, или
такъ сказать, царство безчисленнаго

множества змѣй и другихъ многоразличныхъ вредныхъ и ядовитыхъ пресмыкающихся гадовъ. Воздухъ дѣлается тогда тяжелый, горькій и со всеѣмъ неудобный къ дыханію, такъ, что и въ нѣкоторомъ отъ нее разстояніи нельзя сносить онаго; шумъ же и свистъ шипящихъ змѣй бываетъ слышимъ пробѣжающими изъ далека; словомъ, что въ продолженіе весны и лѣта, ни человекъ, ни животное какое либо, ни скотъ, ни звѣрь, къ сему мѣсту приближиться не можетъ. Войско для зимованья построило землянки. При семъ случаѣ и здѣсь выкапывали множество змѣй; нѣкоторые изъ сихъ ядовитыхъ животныхъ были въ окружности около 12 вершковъ. Въ слѣдъ за войскомъ доставленъ былъ на плоскодонныхъ судахъ, называемыхъ Кираджи, провіантъ и вино, также и военные снаряды, а рѣка Куръ снабжала армію во множествѣ рыбою: осетрами, севрюгою и красною рыбою (: Газель-Балыкъ :), у которой вся внутренность наполнена вкуснымъ жиромъ, употребляемымъ по всей Персіи въ пищу

и для освѣщенія. Ловлею занимались больше козаки, а частію и маркипаншы. — Въ лагерь многіе, по Персидскому манеру, жаркую рыбу подправляли еще толчеными Грецкими орѣхами съ сокомъ кислыхъ гранатъ, каковое кушанье называется на Персидски Фисень - Жанъ, въ которое употребляютъ также и лимонный сокъ. Пшена сарачинскаго навезено было во множествѣ, изъ котораго дѣлали плавъ, и вмѣсто масла употребляли при томъ помянутый жиръ *Газель - Балыка*. Нельзя лучшей желать спонки, какова была на семь мѣсѣ. Войско, будучи довольно уже изнурено, здѣсь, такъ сказать, ожило, и при совершенной безопасности, имѣло полное изобиліе, удовольствіе и веселіе.

Тальшинскій Ханъ, Саліанской Суданъ, нѣкоторые изъ знатныхъ Персіанъ Гилянской провинціи, и нѣсколько изъ такихъ, кои бывъ родственники какихъ нибудь владѣтелей, по обычаю Персовъ, сперва укрывались отъ нихъ по другимъ

мѣстамъ; потомъ узнавъ о благодѣтельности и щедрости Графа, пришли съ объявленіемъ своего усердія и подданства, и многіе даже гошovy были сражались противу своихъ единовѣрцовъ вмѣстѣ съ Россійскими войсками, зная, что въ продолженіе зимы неприсутствію ни къ какому дѣйствію, и что до весны, весьма много еще найдется способныхъ случаевъ первымъ вмѣсто усердія и услугъ поступить по непріятельски, а послѣднимъ бѣжать и пристать къ сторонѣ своихъ единовѣрцовъ къ противодѣйствію Россіанамъ.— Несмотря на сіе, Главнокомандующій принималъ ихъ съ обыкновеннымъ своимъ великодушіемъ и благосклонностію, и давалъ каждому приличныя подарки и награды, ожидая, что хотя нѣкоторые изъ нихъ останутся вѣрными и могутъ оказать какую нибудь пользу. Вскорѣ послѣ сего прибылъ въ Армію изъ Петербурга находившійся подъ покровительствомъ Россійскаго двора прежній владѣлецъ Гиланской Области, или провинціи Мур-

паза - Гули - Ханъ , бѣжавшій изъ сво-
его владѣнія въ Россію для спасенія
себя отъ тиранства роднаго его
брапа Ага Магомешъ Хана Персидскаго ,
который убивъ мать сего Хана , грозилъ
и его сваришь въ котлѣ.— въ Армію при-
сланъ онъ изъ Петербурга съ тѣмъ ,
чтобъ возвращено было ему его владѣніе.
Въ слѣдствіе сего Главнокомандующій
послалъ въ разныя мѣста Персіи прокла-
маціи, что съ наступленіемъ весны, Рос-
сійскія войска начнутъ военныя дѣйствія.
Сверхъ того употреблены были многіе
шпіоны изъ Армянъ и частію надежныхъ
Персіанъ развѣдать тайно о расположе-
ніи и состояніи Персовъ. — Впрочемъ и
безъ того извѣстно , что Россійская ар-
мія безъ всякаго препяшствія могла итти
внупръ Персіи, куда только угодно, лишь
бы судя по состоянію и количеству Рос-
сійскихъ войскъ , небыло недостатка
въ продовольствіи онаго. Неговоря о
частныхъ владѣтеляхъ, самъ Шахъ , ко-
торый и небылъ въ готовности, немогъ
выставити такихъ силъ , которыя бы

въ состояніи были пропироводѣйствовать Россійскому воинству, тѣмъ болѣе, что они неимѣють или покрайней мѣрѣ неимѣли въ то время Аршиллеріи и спрашатся дѣйствія ея. Одно завоеваніе Дербента, который есть ключъ Персіи и называется у Персіанъ желѣзными воротами, привело ихъ въ препещь. (*) Но полученное извѣстіе о кончинѣ Государыни Императрицы Екатерины впопья, остановило дальнѣйшія военныя дѣйствія. Между тѣмъ происходила въ войскахъ со всею церемоніею присяга на вѣрность подданства вступившему на Престолъ Государю Императору Павлу 1. А 6 го числа Генваря 1797 сдѣлана была на рѣкѣ Курѣ Іорданѣ, и день крещенія празднованъ самымъ торжественнымъ образомъ; все войско стояло въ парадѣ, а по окончаніи водоосвященія производима

(*) Поеліку Персіанъ вѣрютъ древнимъ своимъ преданіямъ, что когда вооруженные Христіанѣ войдутъ въ желѣзные врата, то тогда воспослѣдуетъ всеконечн я гибель Мусульманскому роду, по сему богашые жители все свое имѣніе распродаютъ отправлялись далѣе къ Шаму и. е. къ Дамаску.

была чрезвычайная пальба такъ, что Персіане и Армяне, не слыжавшіе такихъ громовъ, объятые были страхомъ и удивленіемъ.

Послѣ сего, въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ, находившіяся въ станѣ Саліанской Султанъ, Талишскій Ханъ и многіе другіе, подъ разными предлогами, одинъ послѣ другаго, возвратились въ свои мѣста и разнесли слухи, что Россійскія войска скоро оставяшъ Персію. — По сему поводу Персіане предались своевольствамъ и начали по дорогамъ провозить грабежи и убійства. Старикъ, Шамахинскій Ханъ Гасимъ, забывъ всѣ благодѣянія Графа, также взбунтовался и занялся разбоями. Ожидая, что по выступленіи Россійскихъ войскъ, племянникъ его возвратится на свое мѣсто, а онъ долженъ будетъ опять бѣжать, то посредствомъ насилій, собиралъ съ богатыхъ Шамахинскихъ жителей, своихъ подданныхъ контрибуцію, а просто сказать, грабилъ ихъ, дабы заготовить деньги.

Прежде, нежели армія выступила съ Мугана - Чола, со мною произошли слѣдующія приключенія. Саліанскій Султанъ, при отъѣздѣ своемъ общалъ Г. С. подаривъ мальчика и дѣвку изъ Грузинскихъ плѣнныхъ, за услугу его, оказанную ему въ полученіи отъ Графа подарковъ. Г. С. для полученія мальчика и дѣвки отправилъ меня съ однимъ козакомъ въ кибиткѣ, выпросивъ для пропуска нашего билесть. Сверхъ того поручилъ мнѣ развѣдать въ Саліанѣ, какъ думаютъ и что говорятъ Персіане о нашей арміи. По необыкновенной скупости своей недавъ намъ на дорогу ни одной копѣйки, сказалъ, что вездѣ будутъ давать намъ все, какъ скоро объявимъ, что мы служители А. Б. На дорогѣ увидѣли мы нѣсколько убитыхъ Персіанъ и сами ежеминутно подвержены были опасности отъ набѣговъ Персіанъ, или Горскихъ разбойниковъ.

Саліанъ стоить ниже къ Каспійскому морю. Мы ѣхали около берега Куры; двѣ

ночи укрывались въ лѣсу, и гдѣ должно переправиться въ Саліанъ, пріѣхали на шрешій день. Персіанинъ, переправившій насъ на другую сторону рѣки, требовалъ за перевозъ; но мы неимѣя чѣмъ ему заплатить, сказывали что посланы опѣ А. Б. къ ихъ Султану, — но Персіанинъ самымъ усерднымъ образомъ ругалъ и А. Б. и насъ. Султанъ также небылъ расположенъ оказати уваженіе къ посольству Г. С. Онъ недопустилъ насъ къ себѣ подъ предлогомъ занятій свадебными дѣлами своей дочери, которую выдавалъ за Талишинскаго Хана; однакоже сдѣлалъ съ нами по крайней мѣрѣ шу милость, что чрезъ своего чиновника приказалъ отвести намъ кварширу у одного Персіанина, изъ роду Саліанъ-лу (*), съ тѣмъ чтобы намъ, равно и для продовольствія лошадей, давано было все пошребное. Сей Персіанинъ по своей бѣдности весьма не доволенъ былъ нашимъ къ нему прибытіемъ, и въ продолженіи слишкомъ

(*) У Персіанъ есть нѣсколько главныхъ родовъ, живущихъ собственными названіями.

трехъ недѣль нашего тамъ пребыванія, въ ожиданіи отъ Султана отвѣта, ругаль насъ безпрестанно и безпокойство и хлопоты составляли главную для него непріятность нашего постоя. Козакъ только примѣчалъ, неразумья Персидскаго языка, а я сколько понималъ силу брани, что надлежало имѣть всю оспороженоспѣ чтобы небыть убитыми. Я переносилъ все съ терпѣніемъ и совѣшывалъ товарищу моему сколько можно ласкаться къ Персіанину, не смотря на его брани. — Чтобы менѣе быть у него на глазахъ, мы цѣлыя дни проводили на рыбной ловлѣ, производимой посредствомъ закола. Курь въ семь мѣстъ споль изобилень осетрами, бѣлугою, севрюгою и прочею рыбою, что подобнаго лова кажется нельзя найти въ цѣломъ свѣтѣ, ибо рыбу изъ рѣки вынимаютъ какъ изъ садка. Кромѣ собственнаго продовольствія тамошнихъ мѣстъ, нагружается множество приходящихъ отъ Каспійскаго моря судовъ, и за всѣмъ тѣмъ, изобиліемъ ловимой рыбы, простирается до того, что изъ нее вы-

нимають на послѣдокъ одну только икру, а мясо бросаютъ опять въ воду. Въ прогулкахъ моихъ я не пропускалъ прислушиваться къ разговорамъ Персіанъ объ нашей арміи; — и что она пройдетъ назадъ, было на языкѣ у всѣхъ.

Домы въ Саліанъ большею часпію изъ камыша, вымазанные глиною, а нѣкошорыя складены изъ необожженного кирпича. Здѣсь удивлялся я Талишскимъ коровамъ, они самага большаго роста, какъ Голландскіе, и на шеѣ имѣютъ горбъ въ пол-аршина, какъ у верблюдовъ на спинѣ. Мнѣ сказывали, что въ самомъ Талишѣ у коровъ горбъ сей еще больше даже до аршина. Такой породы коровъ кромѣ Талиша нѣтъ нигдѣ, что приписываютъ дѣйствию тамошняго климата. Саліанъ хотя отъ Талиша недалеко, но какъ говорили мнѣ, по привозѣ шуда Талишскихъ коровъ, горбъ у нихъ уменьшается. Въ прочемъ извѣстно, что многіе той породы коровъ вывозили въ Астрахань и въ другія мѣста; но тамъ

горбъ ихъ мало по малу пропадалъ, а въ приплодъ и во все онаго небыло.

Хозяинъ кормилъ насъ на мѣсто хлѣба жареною рыбою въ маслѣ Газель-Болыка. — Не видя здѣсь никогда хлѣба, я спросилъ однажды хозяина, для чего онъ не даетъ намъ хлѣба, но онъ отвѣчалъ, что по всей Салианской области ни кто его не употребляетъ и не знаетъ. Желая удостовѣриться въ сей новости, я спрашивалъ тамъ многихъ престарѣлыхъ Персіанъ; но они всѣ даже съ клятвою увѣряли меня, что хотя они и видятъ у другихъ народовъ хлѣбъ въ употребленіи, но ни они, ни ихъ опцы и дѣды никогда его неѣдали; что главнѣйшій пища ихъ состоитъ изъ пшена; а хлѣбъ у нихъ въ употребленіи до того, что когда надобно бываетъ унять дитя, или малолѣшняго, отъ чего нибудь, то первая для нихъ угроза состоитъ въ томъ, что имъ дадутъ хлѣба.

Такимъ образомъ любопытствуя въ Саліане о всемъ, что мнѣ встречалось, я между тѣмъ примѣчалъ, что за мной присматривали, и на послѣдокъ очень прилѣжно по слѣдамъ моимъ ходилъ какой то Персіанинъ повсюду. — Султанъ къ себѣ недопускалъ и не давалъ никакого оповѣща; я, и козакъ явно почти видѣли, что намъ предстоитъ опасность. Въ исходѣ второй недѣли поста, будучи на рѣкѣ, увидѣлъ я въ недалекомъ отъ Саліана разстояніи многія Армянскія селенія, пришедшія на судахъ изъ Гилинской обласпи, съ острова Анзали, гдѣ стоялъ небольшой Россійскій корпусъ. По причинѣ оказываемыхъ ими усердія и услугъ, они при отбытіи онаго корпуса, ожидали со стороны Персіанъ мщенія и смерти, и для того шли въ Мугана-Чоль къ Главной Арміи, чтобъ съ онымъ дойти до Баки, а отъ туда отправится въ Россію. — Я рѣшился неупуская далѣе времени, адресоваться къ находившемуся въ Саліанѣ одному Россійскому Кавалерійскому Маіору В. . ну, который по сдѣланному съ Султа-

номъ переговору посланъ былъ туда отъ Графа въ родѣ Консула, по предмету доставленія въ Армію по рѣкѣ Куру провіанта, и по закупкѣ здѣсь рыбы Россійскими купцами, прїѣзжающими изъ Аспрахани. Я пошелъ къ нему съ козакомъ поздно вечеромъ, чѣмъ бытъ примѣченными. Въ Нѣкоторомъ разстояніи отъ его кварширы, мы увидѣли нѣсколько чело­вѣкъ Персіанъ и по тому заключили, что они кого нибудь караулятъ. Опасность наша слишкомъ была очевидна, но Г. В. въ то­тъ вечеръ будучи занятъ своими удовольствіями, не допустилъ насъ до себя, несмотря на всѣ представленія о неизбежной нашей гибели. — Находившійся при немъ въ услуженіи Россіанинъ изъ Аспраханскихъ жителей сказалъ мнѣ по Персидски, что В. по любовной интригѣ находишься и самъ почти въ неизбежной опасности, но нимало объ ней не беспокоится. — Мы принуждены были ожидать до другаго вечера. — Перешептываніе хозяина нашего съ своими домашними, явно открывало намъ, что погибель

наша весьма близка, но Г. В. недопустилъ насъ и на другой вечеръ по той же причинѣ; въ третій вечеръ слуга его сказалъ намъ тоже, что ни какъ не можно доложити объ насъ и оплагалъ до слѣдующихъ сутокъ, но я рѣшительно настоялъ, чпюбъ Консулъ къ намъ вышелъ; а козакъ вышедъ изъ терпѣнія и забывъ всякое уваженіе, началъ шумъ кричать на щетъ Консула все, что только опчаяніе могло ему внушити, и такимъ образомъ Г. консулъ не могъ отъ насъ отдѣлаться. Онъ позвалъ къ себѣ меня одного; я пересказавъ ему наше положеніе просилъ, чшобы онъ постарался спасти хотя одного козака, которому по своей одеждѣ и незнанію Персидскаго языка совсемъ не возможно избѣгнущъ предстоющей опасности. — Г. В. столько былъ неперпѣливъ, что въ продолженіе моего разговора не дослушивая словъ моихъ, нѣсколько разъ выходилъ въ другую комнату, гдѣ, по видимому, находился предметъ пріятнѣйшаго для него занятія, чѣмъ жизнь двухъ человѣковъ и исполненіе

своей должности; а въ заключеніе сказалъ только то: хорошо, я постараюсь, спуйай домой — и съ шѣмъ меня оставилъ. Изъ сего отвѣта уразумѣлъ я, что онъ вовсе не помышлялъ о средствахъ къ нашему и собственному спасенію, и что оппюдь не должно полагать на него надежды. — Съ величайшимъ спрахомъ пришли мы съ козакомъ на свою квартиру другою дорогою, и послѣднія двѣ ночи не смѣли заснуть, опасаясь бытъ убитыми во снѣ. — я писалъ о семъ неоднократно къ С. съ надежными людьми; но онъ отвѣчалъ мнѣ только то, чтобъ я спарался скорѣе взять дѣвку и мальчика, и говорилъ бы о себѣ, что я слуга А: Б: Не находя никакого средства къ своему избавленію, я рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. — Въ слѣдующій день утромъ вышелъ по обыкновенію съ квартиры, и возвращаясь назадъ весьма скоро, съ поропливостію объявилъ хозяину, что получилъ отъ своего господина письмо къ Султану и просилъ его къ нему меня проводить, сказавъ при

почъ, что армія наша идетъ къ Салі-
яну. — Въстѣ сія была очень грозна и
меня шопъ же часъ проводили къ Сул-
тану. Показывая ему одно Арминское
письмо, писанное ко мнѣ отъ С. ко-
торое будто бы получилъ сей часъ на
рѣкѣ, сказалъ, что Г. С. свидѣтель-
ствуетъ ему свое почтеніе и проситъ
приготовить у себя для него кварширу,
и что войски уже выступаютъ въ Са-
ліанъ. Султанъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ
приготовитъ все нужное, и приказалъ,
чтобъ я какъ можно скорѣе отправился
назадъ: ибо Г. С. можетъ понадобится и
повозка и я самъ. Опасаясь, чтобъ меня
не перехитрили: то дабы удалить всякое
подозрѣніе, я вызывался, что С. можетъ
обойтись и безъ меня, и что я, если онъ
прикажетъ, буду дожидаться его здѣсь. Но
Султанъ спрусилъ въ самомъ дѣлѣ и боясь
обнаружить свое неблагонамѣреніе отпра-
вилъ насъ въ шопъ же часъ. — Переправясь
черезъ рѣку, мы погоняли лошадей безъ по-
щады, не разбирая дороги, и споль были по-
спѣшны, что къ вечеру пріѣхали въ кор-

✱

лусь. Я пересказалъ С. о первомъ приѣмѣ Султана, о нашихъ страхахъ и о Г. В. но С. швердилъ свое, что конечно я не говорилъ объ его имени, и что по тому единственно получили мы сполько затрудненій и опасности. Я принужденъ былъ на сіе сказать уже ему откровенно, какъ мало знаютъ и уважаютъ А. Б. и въ самомъ началѣ объяснилъ подлинникомъ брань перевозчика.

Г. С. нашелъ я въ это время очень скучнымъ отъ того, что прибытки его за отъѣздомъ бывшихъ въ спанѣ имениныхъ Персіанъ, пресѣклись; а при томъ, къ сугубой горести его, проѣхалъ къ нему изъ Астрахани пресшарѣлый братъ его, человекъ очень почтенный, который по слуху oznachnosni своего брата, имъ воспитаннаго, думалъ получить отъ него какое нибудь пособіе. — Но бѣдный старикъ ошибся самымъ жалкимъ образомъ. — Онъ, какъ въ Астрахани всѣмъ извѣстно, былъ богатый человекъ, но оскудѣлъ по милости своихъ

прикащиковъ. Господинъ мой меньшій его бращъ, съ своей стороны по силѣ возможности также содѣйствовалъ къ его разоренію когда Г. С. пришелъ въ совершенный возрастъ, то бращъ послалъ его въ Догистанскій городъ Андрея, купить тамъ марены и шелку, отправивъ съ нимъ 8000 рублей. Г. С. оставаясь въ Кизлярѣ, въ продолженіи 6 мѣсяцовъ оныя деньги прожилъ въ свое удовольствіе, а потомъ не смѣя возвратиться къ бращу, вступилъ въ службу; и по счастію на конецъ добился до чиновъ. — Старикъ не выдавши его много лѣтъ, усердно желалъ имѣть удовольствіе съ нимъ видѣться, и между прочимъ привезши съ собою въ корпусъ нѣсколько пшюковъ курипельнаго шабаку и осязальное домашнее серебро, надѣялся при помощи своего брата сдѣлать оборотъ и сколько нибудь поправить худыя свои обстоятельства, но С. отказалъ ему и въ кускѣ хлѣба, за то, что былъ имъ воспитанъ какъ опцомъ и за то, что лишилъ его знатнаго капитала,

естьли полагаешь въ щепъ и прибыль, какую могъ онъ получить отъ оборота 8000 руб. — Но сего еще недовольно: старикъ ходилъ въ старой худой одеждѣ, и когда С. сталъ указывать на бѣдность его, то онъ говорилъ всѣмъ, ято отъ него будто бы опредѣлено брату изъ его доходовъ ежегодной пенсіи по 1000 руб. въ годъ; но что братъ его пьяница и вообще дурнаго поведенія, такъ, что какіи бы ни были дѣланы ему пособія, но въ лучшемъ положеніи увидѣть его не лзя. Таковое безчестное хвасовство причинило спарику жестокія огорченія: ибо не зная настоящаго дѣла многіе надъ нимъ издѣвались и укорили худымъ поведеніемъ. Онъ столько былъ пронутъ поступкомъ неблагодарнаго своего брата, что проклиная часъ его рожденія, съ глубочайшею горестію объяснялъ мнѣ свое несчастіе и оскорбленіе, говоря, что онъ доселѣ все переносилъ великодушно, но злодѣйство брата убиваетъ его совершенно. Можетъ быть сіе обстоятельство въ продолженіи времени дошло бы между ими до важ-

ной исторіи, естли бы не наступилъ
 вскорѣ походъ къ Баку. Г. С. послалъ
 меня съ воимъ деньщикомъ отвезти на-
 передъ въ Баку на повозкѣ нѣкоторое
 его имущество, между копорымъ была,
 всякая всячина, набранная имъ кое-гдѣ.
 Я просилъ у него на дорогу или денегъ,
 или припасу; но онъ по безмѣрной своей
 скупости не далъ ни чего, и опять посы-
 лалъ было меня съ однимъ своимъ име-
 немъ А: Б: но я напомнилъ ему,
 сколь много шерпѣлъ уже я сраму и
 голоду отъ его имени безъ денегъ, за ка-
 ковое справедливое представленіе онъ
 едва меня не прибилъ, запрещая впредь
 предъ нимъ не опивчаться, и въ заключеніе
 сказалъ, что я буду получаю пищу отъ
 деньщика, копорому онъ также ничего
 не далъ. Первый день дороги прошли мы
 благополучно и ночевали въ одномъ Ка-
 раванъ-сараѣ, гдѣ остановилось еще че-
 ловѣкъ восемь проѣзжающихъ торговыхъ
 людей; Персіанъ и Армянъ. Товарищъ мой на-
 чалъ ужинаю свой хлѣбъ; я пришелъ было
 къ нему; но онъ объявилъ мнѣ, что подѣ-

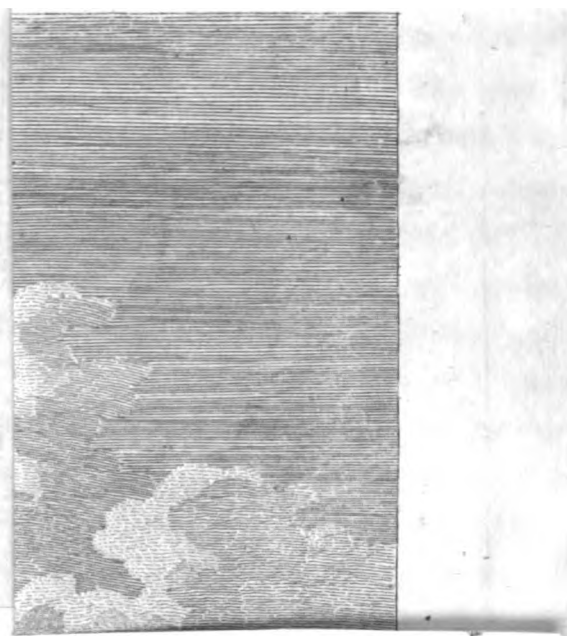
лишь со мной не можешь по тому, что ему самому будетъ недоспающе; что хлѣбъ даётся ему казенной, такъ какъ и самъ онъ принадлежишь Государю, и для него одного принимаешь всѣ трудности, не требуя больше ничего, что его судьба и солдатское званіе ему опредѣлили, и потому не можешь никакъ отнимать у него того, что дано ему Государемъ; Г. же Маіоръ отправляя меня, долженъ былъ дать мнѣ на пропитаніе изъ своего кармана, а не на щепъ солдатскаго казеннаго куска, чтобы и его уморить съ голода, — приводя къ тому и другіе неоспоримые резоны. Видя, что у бѣднаго деньщика въ самомъ дѣлѣ было больше ума, нежели хлѣба, я призналъ доказательства его справедливыми. — На другой вечеръ остановились мы въ двух-этажномъ большомъ караван сараѣ, выстроеномъ для проѣзжающаго купечества со всѣми потребностями, и такимъ образомъ что въ немъ при случаѣ нападенія отъ разбойниковъ можно защищаться, какъ въ

крѣпости. — (*) Здѣсь также нашли мы нѣсколько человѣкъ проѣзжающихъ, у которыхъ, для памяти усопшихъ родственниковъ ихъ, выпросилъ хлѣба и сыра, которыми подѣлился съ моимъ товарищемъ, который доѣдалъ уже послѣдній кусокъ своего провіанта. На утро отъ сего мѣсна проѣхали мы не болѣе двухъ верстъ, какъ наступила глинистая вязкая дорога. — Лошади наши отъ недостатка въ кормѣ были тощи и при шрудности дороги, едва могли перескучать, а на конецъ одна изъ нихъ пала. Глина прилипла такъ къ колесамъ, что чрезъ нѣсколько оборотовъ совсемъ ихъ покрывала. Намъ надлежало на каждомъ почти шагу ее очищать и пособлять лошадямъ тянуть. Было уже за полдень, какъ мы выбились изъ силъ, до того что оба плакали. Тяжелый нефтяный запахъ,

(*) Вообще въ Азіи существуетъ благодѣтельное для чело-вѣчества обыкновеніе, что богатые люди на проѣзжихъ дорогахъ строятъ для путешественниковъ подобныя каравансарай, или вырываютъ колодцы, или дѣлаютъ мосты, смотря по мѣсту, гдѣ сіе необходимо нужно.

отъ грунта земли произходящій, морской вѣтеръ и дождь, все усугубляло наше мученіе. Къ щастію наѣхали на насъ купцы Персіане, и по убедительной просьбѣ моей, помогли лошадямъ допащитъ повозку нашу до того мѣста, гдѣ дорога набучена камышемъ и хворостомъ, и рассказали какъ найти для ночлега деревню, чрезъ которую должны мы ѣхать. Судить о трудности сей дороги можно по тому, что грязь до набученной дороги хотя не болѣе проспирается какъ на чепыре версты, но мы провели путь почти цѣлый день. — Въ деревню пришли мы къ вечеру и тамъ кое-гдѣ бѣднымъ лошадямъ набрали сѣна, смѣшаннаго съ камышомъ. Жили сѣ деревни, по случаю похода войскъ, всѣ разбѣжались, и мы ночевали въ ней одни. Чпобъ дать лошадямъ собраться съ силами, простояли путь еще сущи. Мѣсто здѣсь гористое и для проѣзжающихъ въ зимнее время очень опасное; ибо при наносѣ снѣга, проѣзжающіе по незнанію дороги попадаютъ въ глубокія ямы и погребаются

подъ снѣгомъ; шаковыхъ несчастныхъ видѣлъ я шуть въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько человѣкъ. Отъ деревни надлежало подниматься въ гору, примѣрно верстъ до 5, а послѣ того спустишься уже прямо къ Баку. Не смотря на сіе малое разстояніе, довольно пологость горы, и на наши пособія, лошади едва доплелись до вершины предъ вечеромъ. Ославя товарища моего на горѣ, пошелъ я въ Баку (*) опыскавъ домъ одного извѣстнаго Армянина, который С. знавалъ въ Аспрахани, но за смертію его адресовали къ его вдовѣ и зятю. Они охотно согласились принять пожизпки С. и я шопъ же часъ возвратился къ товарищу и привелъ его съ собою въ домъ. У вдовы былъ малолѣтній сынъ, который вечеромъ читалъ азбуку; чшобъ помочь себѣ въ голодныхъ обстоятельствахъ, я не упустилъ при семъ случаѣ показать мою ученость и усердіе, поправляя его ошибки. Хозяйка и ея зять весьма были мною довольны и съ честію приглашали за свой столъ; по моей милости и шова-

(*) При семъ предлагается видъ города Баки.

рищъ былъ накормленъ хорошо. Я пробылъ у нихъ съ недѣлю, и прилѣжно занимался ученіемъ ея сына, толковалъ также о законѣ и былъ за сіе усердно угощаемъ.

Между тѣмъ въ Бакѣ извѣстились, что войско наше уже съ Куры рѣки выступило въ походъ къ Бакѣ, и мы поспѣшили забрать остальной его обозъ и отпра- виться шуда, и такъ отблагодаря хозяевъ за хлѣбъ за соль, по скорѣе собрались въ путь.— Лошади по недоспадку тамъ въ кормѣ, не имѣли достапочнаго доволь- ствія какъ мы, поправились весьма не много, и по тому не могли иначе идти, какъ только пихимъ шагомъ. Трудная дорога и всходъ на гору, пошчасъ ихъ упомяли; я и поварищъ мой ожидали, что намъ на вязкомъ мѣстѣ опять до- ведется мучиться, или и совсемъ придти въ корпусъ безъ лошадей. Но къ щасію съ горы увидѣли подъ деревцею, въ ко- торой мы ночевали, наше войско.— Г. С. былъ испуганъ, что мы привели только двухъ лошадей и съ безпокойствомъ спро- силъ о трепшѣй. Я описалъ подробно всѣ

наши мученія, чѣмъ тѣмъ болѣе доказать ему причину потери лошади, не забыть также сказать, что и я могъ бы умереть по его милости съ голода, если бы не встрѣчались на дорогѣ добрые люди. — Онъ, чѣмъ увернувшись отъ всякаго на послѣднюю ступень ошвѣта, былъ столь неблагодаренъ за тяжкіе труды наши, что началъ меня ругать, для чего мы не ворожились назадъ. Будучи выведенъ его безсовѣстностію изъ терпѣнія, осмѣлился я сказать ему прямо, что онъ судитъ безъ всякой справедливости: видишь ли господинъ, говорилъ я ему, указывая на лошадей, что въ нихъ нѣтъ и двухъ фунтовъ мяса, посмотри имъ въ глаза, какъ они упали глубоко, чуть дышатъ и не могутъ держать головъ; какъ же могли мы по такой дорогѣ съ повозкою ворожиться назадъ, когда они едва до ползи уже самое малое разстояніе? — Тогда привелось бы бросить на дорогѣ твои пожилки. — Бросить пожилки! это привело въ чрезвычайное возмущеніе всѣ душевныя его способности; онъ какъ бы

лишившись вовсе разсудка, съ азартно-
 стію кричалъ несвязныя слова и такую
 безпощадность, что я и деньщикъ почти его
 рыхнувшись, а особливо, какъ онъ съ
 своей повозки, на копорой ѣхалъ, началъ
 самъ перекладывать на тѣхъ же лошадей,
 чемоданы и еще кой какую рухлядь. — Я
 принужденъ былъ остановить его и
 опаль указавъ на лошадей, что они не
 пропустятъ и съ мѣста, если положишь
 на нихъ хоть одинъ фунтъ. — Посмо-
 трѣвъ съ примѣтною досадою на лошадей,
 будто хотѣлъ сказать имъ, для чего они
 не терпятъ голода, устаютъ и намѣрены
 издохнуть подобно прочимъ, не желая дож-
 дашься того, чтобы онъ по крайней мѣрѣ
 могъ ихъ продать. Эту мысль можно
 было читать на его лицѣ безъ ошибки. —
 Увѣрившись въ справедливости моихъ до-
 казательствъ, выбралъ пожитки свои
 назадъ, повозку также взялъ съ собою и
 съ кропосію сказалъ мнѣ, чтобы я ло-
 шадъ и вель до Баки подъ уздечку, а тамъ
 постарается онъ продать ихъ. День-
 щикъ помнилъ хорошо свои преимуще-

ства и поѣхалъ съ нимъ, отказавшись рѣшительно принимать еще столько мученія для Г. С. и его почти издохшихъ лошадей. Многіе офицеры смѣясь надъ нимъ, спрашивали, что онъ конечно сихъ лошадей по своей милости желаетъ опвесити обратно въ опечесство, и доставитъ имъ удовольствіе увидѣться съ своими родными и прочее. — Но лошади со всемъ не имѣли силъ продолжатъ обратное въ Баку путешествіе. — Я почти ихъ тащилъ, или набравши подъ пазуху камышу, онымъ манилъ ихъ впередъ. Многіе изъ войска смѣясь на меня и на лошадей, спрашивали, кому мы принадлежимъ; а другіе говорили: видно ты ведешь лошадей въ Баку въ госпинцы воронамъ; брось дуракъ: они скорѣе сами сюда прилепятъ. Господинъ мой при опѣздѣ запретилъ мнѣ опвѣчать на подобные вопросы; но какъ я при множествѣ народа не былъ расположенъ къ скучному молчанію и желалъ съ прочими самъ на щепъ его повеселиться, то всякому опвѣчалъ крича: Г. С. которому я при-

надлежу, такъ какъ и сіи лошади; онъ никому не велѣлъ мнѣ отвѣчать и объ немъ сказывать! Подлинно ты никому не сказываешь о своемъ секретѣ, отвѣчали мнѣ. Между пѣмъ кони мои не пройдя и половины дороги на гору, совершенно спали, а день приходилъ къ вечеру. Одна изъ нихъ соскучилась; незахопѣла идти далѣе на гору и легла, а чрезъ нѣсколько времени и со всемъ издохла. — Опасаясь, по свойству Г. С. подвергнуться какомулибо подозрѣнію, я обрѣзала у ней уши и хвостъ, чпобъ представилъ ихъ въ доказательство дѣйствительной потери. — Другая также не двигалась съ мѣста, и я принужденъ былъ ночевать на горѣ подъ открытымъ небомъ и проливнымъ во всю ночь дождемъ. Съ разсвѣтомъ дня, коекакъ допавилъ я сію послѣднюю одранъ до вершины, гдѣ надлежало уже спускаться съ горы, но и сія не разсудила болѣе служить Г. С. повалилась и поппчасъ издохла. Съ сею я сдѣлалъ поже, что и съ первую. — Но пришедъ къ дому, гдѣ я

долженъ былъ приотпять; признаки сіи скрылъ я при себѣ въ шомъ предположеніи, чтобѣ напередъ узнать, какъ примешь меня хозяинъ безъ лошадокъ его и что будешь говорить? Только что вошелъ я въ комнаты, то прежде всего услышалъ голосъ Г. С.; онъ по обыкновенію своему, или прямѣе по натурѣ своей, кричалъ только о себѣ и рассказывалъ хозяевамъ свои анекдоты, которыхъ не было, не смотря на то, что день только еще наспуналъ и что хозяевамъ со всѣмъ было невремя слушать его хвастовства, я не прежде велѣлъ о себѣ ему доложить, какъ около дома собралось нѣсколько изъ Армянъ Бакинскихъ и ожидалъ его на улицѣ. Г. С. услыша ошъ меня, что я пожаловалъ къ нему одинъ, началъ меня при людяхъ ругать, говоря, что я конечно лошадей продалъ. Я молчалъ, ожидая что будешь дальше; потомъ онъ оборотился къ Армянамъ, говорилъ: представьте, эшотъ бездѣльникъ лишилъ меня двухъ прекрасныхъ лошадей, которыхъ купилъ

я въ Персіи; одна была такая-то: заплачена 500, а другая такая-то 800. р. — Простяки въ томъ ему повѣрили, и весьма легко согласились съ нимъ вышеизъясненномъ подозрѣніи на меня. Тогда я попросилъ своего господина остановиться и при всѣхъ принесъ къ нему хвосты и уши, говорилъ: вотъ это тѣ самые хвосты и уши, которые были у вашихъ лошадей; всѣ люди видѣли, какъ онѣ издохли, одна почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ хотѣли вы положить на нихъ новую кладь, а другая на верьху горы; а тѣхъ лошадей, какихъ вы покупали въ Персіи, я вовсе не видалъ и не знаю. — Тупъ Г. С. крикнулъ на меня, какъ я смѣю ему опивѣчать? и наплевавъ мнѣ въ глаза, ушелъ въ покои же; обнаруживъ его хвастовство, вошелъ за нимъ. Я принявъ намѣреніе здѣсь непремѣнно отъ него отстать и потому рѣшился идти противъ его, въ случаѣ нужды передъ хозяевами дома обнаруживая его во всемъ, чѣшобъ нешераясь сво-

его преимуществъ, чувствуя себя гораздо для нихъ полезнѣйшимъ нежели онъ.

Хозяйка дома по прежнему не оставляла меня своею милостию, и за обращеніе мое съ ее сыномъ кормила меня тѣмъ, что только у нихъ случилось, а Г. С. хотя имѣлъ пушъ свою кварширу, но пировалъ по разнымъ домамъ у шамошнихъ Армянъ и по нѣскольку сушокъ со всѣмъ не приходилъ домой. По всегдашней привычкѣ своей онъ и тамъ не оставилъ каждому обѣщать кучу всякаго благополучія и за то угощаемъ былъ самымъ усерднѣйшимъ образомъ. Судя по простотѣ ихъ и невѣденію весьма немудрено, что ему вѣрили во всемъ, что онъ ни говорилъ. — Я хотя со стороны пропитанія весьма былъ здѣсь доволенъ, но какъ приобращалъ оное всегда и вездѣ самъ собою, то здѣсь рѣшился недавать Г. С. покоя и требовать отъ него все что должно. — Но чтобы дѣйствовать не безъ пользы, то всегда приставалъ къ нему при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, и по

•

большей части опыскивалъ его въ гос-
 тяхъ, и особенно при тѣхъ, предъ ко-
 торыми онъ опи сывалъ свое высокомочіе.
 Представляя нужды мои чшо я бось,
 нагъ и всегда голодень, шребовалъ, чшобъ
 онъ, или бы отпустилъ меня, или дер-
 жалъ шакъ какъ должно; но онъ въ оп-
 вѣшъ шолько посылалъ меня къ деньщику,
 кошорой при каждомъ разѣ говорилъ мнѣ
 одно и шже, чшо выше описано, и я на-
 конецъ вознамѣрился шаковыя опвѣшъ
 его сообщить Г. С. при народѣ. И шакъ
 въ одномъ домѣ, между многими госпѣми,
 напередъ высмотря всѣхъ къ нему ува-
 женіе и довольно послушавъ самохваль-
 ства его, осмѣлился приступить къ нему
 съ моими шребованіями. Онъ, чшобы смѣ-
 шашъ меня, съ великимъ гнѣвомъ закри-
 чалъ: я тысячу разъ тебѣ сказывалъ,
 чшобъ ты шребовалъ опъ деньщика, онъ
 получаетъ лишній паекъ и ему все опъ
 меня приказано. — Но я неперяя духа и
 показывая, чшо крикъ его со всемъ меня
 непугаетъ, спокойно опвѣчалъ ему, чшо
 я сшолько же разъ по его приказанію

требовалъ отъ его деньщика хлѣба, однакоже онъ говоритъ, что у него для меня нѣтъ лишняго пайка, и что господинъ мой не имѣетъ права отънимать отъ него то, что жалуется ему Государь за его службу, и прочее. Г. С. и шутъ отдѣлался отъ меня бранью, увѣряя всѣхъ, что я глупъ и безполковъ, и съ тѣмъ меня выгналъ. Не смотря на сіе, для препровожденія времени и для занятія, я продолжалъ мои требованія, при всякомъ удобномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что въ бакъ дороговизна дошла до того, что за одно лицо платили по 20 коп. а по сему можно судить и о прочемъ. Г. С. имѣя довольно со мною хлопотъ по сему предмету за всѣмъ тѣмъ не вздумалъ однако ни одного раза, чтобы дать мнѣ хотя одну копѣйку. — На послѣдокъ я довелъ его до того, что онъ между шамошными жителями потерялъ весьма много уваженіе и довѣренности, и весьма уже не многіе слушали и вѣрили хвастовству его; ибо онъ въ иныхъ случаяхъ сколько уже пе-

ресаливаль, что даже обнаруживаль самъ себя.

Между тѣмъ я будучи совершенно празденъ, днемъ обыкновенно ходилъ по городу и все любопытствовалъ, а чтобы по дурной погодѣ менѣе имѣть труда въ обзорѣннѣ окрестныхъ мѣстъ, то ходилъ на самую большую крѣпостную башню, видимую въ Ландшафтѣ въ правой руки, называемую Кызъ-Галаси, что значить двѣичья крѣпость и на башню Минаре, принадлежащую мечети; — вечерами же занимался обученіемъ сына хозяйки. Г. С. чтобы освободиться отъ меня, приказалъ мнѣ взять верховую его лошадь и отвести на степь, и тамъ искалъ съ нею шравы гдѣ лучше, съ тѣмъ, чтобы не приходилъ и на квартиру, не сказавъ впрочемъ ни слова о томъ, чѣмъ мнѣ питаюсь. Не столько изъ слѣпаго повиновенія, сколько для любопытства, что изъ сего выйдетъ, я принялъ сіе порученіе безпрекословно, съ тѣмъ однакоже, чтобы въ исполненіи его располагать

себя смотря по обстоятельству. — Лошадь сія, отъ одного Армянина ему подаренная, въ самомъ дѣлѣ была очень хороша, а только отъ скупости его была весьма зачорена. Сожалѣніе къ сей живописной заставило меня прудиться съ нею ходить и искать ей хорошей правы; для себя уже собственно у проѣзжающихъ выпрашивалъ милостыню, а къ ночи несмотря на суровость запрещенія, возвращался спокойно на кварширу. Спустя нѣсколько дней, въ половицѣ спрасиной недѣли, будучи въ полѣ, увидѣлъ я Персіанъ человекъ до 15 верхами, которые на вопросъ мой сказали мнѣ, что они ѣдутъ осматрѣвъ горящую землю. Съ ними былъ Мурпаза Кулиханъ, для котораго собственно и предпринята была сія прогулка. — Радуюсь такому драгоценному для меня случаю увидѣть новыя чудеса, я поспѣлъ съѣзъ на свою лошадь и поѣхалъ съ ними. Хотя разстояніе отъ города до онаго мѣста было по крайней мѣрѣ верстъ до 20, но ночью всегда было видимо большое зарево. Горющая

земля, находится на одномъ изъ тамошнихъ холмовъ близъ нѣкоторой деревни, противъ острова называемаго Авшаранъ, который по каменистой и проспанной оплечью, въ семь мѣсцъ норѣдко бываетъ гибельнымъ для мореплавателей, ибо они въ ночное время обманываясь выходящимъ изъ земли огнемъ стремились къ нему, и претерпевали крушеніе. Дорогою гдѣ только встрѣчали мы лужи, вездѣ поверхъ воды видѣлъ я нефть, которая въ окрестностяхъ Баки добывается по всюду и составляетъ главную сего города промышленность. Огнестое мѣсто, или горящая земля, обнесена каменною стѣною, въ окружности по крайней мѣрѣ и безъ ошибки, сажень до сна. Персіане, жители здѣшней деревни, Муртазъ Кулихану, какъ брату главнаго повелителя Персіи, показывали здѣсь все съ усердіемъ и подобострастіемъ. Во внутренности стѣны, выстроенной въ древности огне-поклонниками, находящаяся комнаша, родъ келій, въ которыя пересылаются жители оной деревни на зимнее время и

живуть въ нихъ до весны. — По срединѣ
 cadaго покоя, или кельи, выкопана яма,
 въ которую для печенія хлѣба и варенія
 кушанья ставится круглый глиняный со-
 судъ, называемый пониръ, на подобіе ка-
 душки безъ дна. Когда нужно печь хлѣбы,
 или варить кушанье, то на днѣ ямы раз-
 рывши не много поверхность земли, при-
 жигають ее огнемъ, ошъ чего дѣлается
 довольно большое пламя. Когда пониръ
 накалился, тогда приготовленное шесто
 не большими колобами, налепляютъ во
 кругъ его, и такимъ образомъ выпека-
 ются хлѣбы весьма скоро; — а когда ну-
 жно приготавливать кушанье, то произ-
 веи огонь, на пониръ ставятъ коспрюли;
 когда же огонь болѣе ненуженъ, тогда
 бросають на него нѣсколько земли и
 тѣмъ его пошушаютъ. Въ поподкѣ по-
 коевъ сдѣлано отверстіе, родъ душника,
 который сообщаетъ свѣтъ и служитъ
 вмѣсто прубы, когда разводится огонь.
 Тоже собствено мѣсто, которое всегда
 горитъ, не болѣе въ окружности, какъ
 чешыре сажени, или одна сажень въ по-

перечникъ. Земля вообще глинистая бѣлая; огонь выходитъ изъ нее, какъ бы выдуваемый въпрочь и видѣнь только въ своей поверхности, нимаю неизмѣня видя земли. Впрочемъ окруженное стѣною мѣсто все имѣетъ вообще горящее свойство, и въ немъ производится огонь и тушится такимъ же образомъ какъ сказано выше. Сверхъ того, какъ глиняное мѣсто имѣетъ всегда щели, или прещины, то въ сія узенькія отверстія безпрестанно выходитъ горячаго свойства воздухъ. — Персіане рассказывали намъ, что еспыли въ комнахъ закрытъ душникъ и запереть двери въ то время, когда произведенъ огонь, то въ ту же минуту ее взорветъ, подобно пороховой силѣ и для сего въ угодность Муртазы Кулихана показали примѣръ: въ срединѣ ограды находится нарочно выкопанный колодезь, глубины сажень до 7, на днѣ котораго примѣшно было нѣсколько воды;—поверхность его выложена дикимъ камнемъ и имѣетъ отверстіе не съ большимъ въ аршинъ, которое покрывъ пло-

жно войлоками, прибили ихъ для крѣпости гвоздями, а попомъ положи на средину камень, по крайней мѣрѣ въ пудъ, и просунувъ подъ войлоки зажженную лучину бросили въ колодезь. — Вдругъ на днѣ колодезя сдѣлался грохотъ на подобіе отдаленнаго грома, продолжавшійся минушы съ двѣ, а попомъ взорвало войлоки и бросило камень за ограду. — По приказанію ихъ мы спояли отъ колодезя въ нужномъ для безопасности разстояніи. Сверхъ того указавъ намъ на Индѣйцовъ, случившихся тамъ на сей разъ и поклонившихся съ благоговѣніемъ предъ горящимъ мѣстомъ, рассказали намъ, что они пріѣзжаютъ сюда брать по мнѣнію ихъ сей священной огонь, который содержится въ воздухѣ, выходящемъ изъ упомянутыхъ щелей и копорымъ они наполняя шузлуки (: кожаные мѣшки :) и отвозящъ его по своимъ мѣстамъ. Тамъ проколовъ шузлукъ самымъ тонкимъ орудіемъ, къ сдѣланной дырочкѣ приспавляютъ огонь, отъ чего выходящій воздухъ, до того невидимый, зажигается и выхо-

дигнѣ уже огнемъ, доколѣ не испощится, и въ семь заключаешся одно изъ важнѣйшихъ ихъ жертвоприношеній. Для доказательства сего взяли они тузлукъ, завязанный крѣпко съ одного конца, другимъ приспавили къ одному изъ отверстій, или щели. Какъ скоро тузлукъ наполнился воздухомъ, тогда завязавъ и другой конецъ, пропкнули его иглою и подожгли. Послѣ чего во все изъ непрямнаго отверстія, началъ выходить стремительно самый тонкій огонь и продолжался до тѣхъ поръ, пока не опустѣлъ тузлукъ.

Воздухъ, смѣшанной съ нефтяными и сѣрными частицами, столько здѣсь тяжель, что въ продолженіи 3 часовъ производимыхъ опытовъ, мы едва могли оный сносить. Жители сказывали, что свѣжій человекъ не болѣе можетъ пребыть у нихъ двухъ сутокъ, а если болѣе, то долженъ лишиться жизни.

Мурпаза Кули-Ханъ возвратился съ своею свитою въ городъ, а я оспался на

полѣ, чтобѣ дождаться сумерковъ, а между тѣмъ дать лошади отдохнуть и пощипать травы, и какъ обыкновенно дѣлалъ, прїѣхалъ на кварширу уже ночью.

Я на сей разъ очень былъ благодаренъ Г. С. что доставилъ мнѣ случай видѣть такую рѣдкость. Когда же въ домѣ всѣ успокоились, я занялся представлениемъ себѣ всего того, что относилось къ пребыванію моему у Г. С. Обѣщанія его доселѣ не слыханныхъ мною благодѣяній, сдѣланныя первоначально въ Кизлярѣ и толико обольстившія меня и добродушнаго Кизлярскаго Священника, повторенныя еще въ Дербентѣ, когда Дадашъ Стефанъ предлагалъ мнѣ всевозможное для меня счастье; въ Гуртѣ-Булагѣ, когда былъ онъ заарестованъ, и гдѣ для него отказался я Иракліеву послу, Сигнахскому Арминину, отъ Священства, отъ женитьбы на дочери перваго тамошняго Гражданина Докпора Матеоса, отъ богатаго приданаго, дохода и общаго отъ нихъ ко мнѣ уваженія, и послѣднія въ Персага-

тѣ, когда получилъ отъ Маттеоса пригла-
сительныя письма и имѣлъ всѣ возможно-
сти послѣдовать за предшоявшимъ мнѣ
вѣрнымъ счастьемъ; по томъ приводилъ
на память мое къ нему усердіе, вѣрность,
самыя тяжкіе труды, всѣ нужды, спѣс-
ненія, и смѣю сказать необыкновенное
терпѣніе въ перенесеніи собственнo отъ
него всего того, что только можетъ на-
зваться шоготнѣйшимъ въ жизни, и на
послѣдокъ невниманіе, и можно сказать,
сверхъ еспеспвенная нечувствительность
его ко всему оному. Благосклонные чипа-
тели мои кажется могутъ быть увѣре-
ны, что съ нѣкотораго времени не слѣ-
пая и безумная надежда управляла моими
послупками и заставляла столько тер-
пѣть, — но главнѣйшее сего основаніе
было священное ученіе, что въ терпѣніи
должно спяжать душу свою и что терпѣ-
ніемъ челоѣкъ побѣждаетъ все. — Я при-
знаюсь что по простотѣ моей и природ-
ному разположенію сердца, я только не
умѣлъ полагать оному мѣру, то есть,
чтобъ научаться изъ прошедшаго и су-

дѣть по настоящему о будущемъ. Наконецъ обращаясь къ послѣднему положенію моему, я видѣлъ ясно, что Г. С. обременя меня новыми трудами какъ и прежде, позабылся о томъ, что я терплю, и особенно по тогдашнему холодному времени, самыя мучительныя изнуренія, не имѣя ни обуви, ни одежды, не получая отъ него ничего на пропитаніе, и что я можешь быть умираю съ голоду. — Сіи соображенія и разсужденія открыли мнѣ, что я удовлетворилъ въ полной мѣрѣ возлагаемому на челоука терпѣнію; что ожидаешь отъ Г. С. чего нибудь добраго есть совершенное безуміе, въ которомъ я кажешься неоправдался бы и предъ самимъ Богомъ, не смотря на невинную простоту сердца моего, и что оставаясь далѣе въ недѣлительности и не вниманіи къ собственнй пользѣ слѣпотаствующимъ, будешь значить собственное произволеніе къ полученію себѣ зла, очевидно предстоящаго. И такъ не оплагая въ даль, рѣшился на ушро же его оставить. Вступленіе мое началъ съ уговора и обѣщаній

сдѣланныхъ имъ первоначально въ Кизлярѣ и повпоренныхъ нѣсколько разъ, потомъ напомнилъ ему о моей службѣ, трудахъ, бѣдствіяхъ, пожертвованіяхъ для него моимъ благополучіемъ тогда, какъ онъ былъ оставленъ всѣми; наконецъ поведѣніе его противу меня, что онъ вмѣсто записаніи въ службу, употребилъ меня на собственныя услуги, что я опять перваго до послѣдняго дня бытности моей у него, не получилъ отъ него ни одного куска хлѣба, износилъ свое собственное платье и обувь; остаюсь нагъ, босъ, и не имѣю на него болѣе ни какой надежды, и для того прошу его отпустить меня; надеюсь съ помощію Божіею найти себѣ пристанище прежде, нежели Россійскія войска со всѣмъ отсюда выйдутъ. — Г. С. слушалъ меня казалось со вниманіемъ, но какъ говоренное мною было ему извѣстно, то въ самомъ дѣлѣ занимался онъ придумываніемъ, какъ обойтись со мною чѣпобы меня удержалъ, и по видимому не нашелъ ничего лучшаго, какъ прибѣг-

нунѣ къ обыкновенной своей уловкѣ. Онъ измѣнивъ свое лицо, старался по прежнему меня увѣрить, что я ошибаюсь, думая такъ худо о будущемъ моемъ блаженствѣ, которое онъ доставитъ мнѣ по прїѣздѣ въ Россію, и между тѣмъ требовалъ моего терпѣнія. Но чѣмъ болѣе смягчалъ онъ тонъ свой и чѣмъ болѣе казался благоразположеннымъ, тѣмъ менѣе имѣлъ я терпѣнія его слушать, удивляясь его лицемерію и хладнокровному безсовѣстію, съ какимъ онъ хотѣлъ увѣрить меня въ противномъ, что я ощущалъ всѣмъ моимъ тѣломъ и душою. — Нѣтъ, господинъ мой! отвѣчалъ я, немогу болѣе имѣть вѣры къ твоимъ словамъ и полагаться на обѣщанія, которыя никогда небудутъ исполнены. — Какъ ты можешь думать и говоришь мнѣ, что буди я неисполню, или немогу исполнить моихъ обѣщаній, возразилъ мнѣ Г. С. съ сердцемъ, обижаясь моимъ заключеніемъ, какъ бы несправедливымъ. Лъ отвѣпъ по чему не могу болѣе ему вѣрить, я повпорилъ ему шоже, что за всю мою

службу никогда не видалъ отъ него ничего кромѣ бѣдствій, голода, наготы и ругательствъ, присовокупя въ заключеніе, что я съ давняго уже времени примѣчаю за каждымъ его шагомъ и не могу ошибаться въ его свойствахъ, которыя столько же знаю хорошо, какъ и то, что у меня нѣтъ теперь никакой одежды, кромѣ висящихъ лоскутковъ худого тулупа, что хожу босикомъ и умираю съ голода на стени, смотря за его лошадыю, которой онъ также жалѣетъ купить корма; и на послѣдокъ указывая на брата его, который по предварительному отъ меня извѣщенію, находясь при семъ разговорѣ, слушалъ насъ, я въ безмолвіи, сказала: да и что можешь ты господинъ мой сдѣлать добраго чужому человѣку, когда сему спарику, родному своему брату, который, какъ онъ говоритъ, воспиталъ тебя отъ младенчества до совершенныхъ лѣтъ, какъ своего сына, и у котораго ты промоталъ препорученной имъ тебѣ капишалъ и за всѣ его благодѣянія отказалъ ему нынѣ даже въ кускъ хлѣба, и сверхъ того, обезчестилъ предъ

всею армією, разказывая что даешъ ему
 по 1000 руб. на годъ пенсіона, и что онъ
 пьяница, негодной и разпутной человѣкъ.
 Сіи послѣднія слова, и то, что неможеть
 болѣе продолжати надо мною безчеловѣч-
 ныхъ своихъ обмановъ, взбѣсили его
 до крайности. Осыпая меня ругашель-
 ствами, кричалъ, поди, чортъ съ шо-
 бою, куда хочешь, шы мнѣ болѣе не-
 надобенъ. Нѣтъ, господинъ мой! Я не-
 могу ошойши ошь тебя безъ ничего. Ты
 видишь, что у меня нѣтъ никакой одежды
 и обуви. Холодное время и тяжелой
 морской вѣтеръ, пробивають даже мою
 внутренность, и я безъ нужной помощи
 могу скоро погибнуть. Я прошу изъ
 всѣхъ твоихъ обѣщаній за мою службу и
 горести, и за то, что кромѣ одного ху-
 даго твоего шулупа, я насиль все свое, и
 неполучалъ ни одной копѣйки жалованья,
 сдѣлашь мнѣ одну милость, купишь мнѣ
 какое нибудь платье и дашь нѣсколько
 денегъ, чтобъ я могъ имѣть пропитаніе,
 пока сыщу себѣ какое нибудь пристанище.
 Нѣтъ тебѣ ничего, пощолъ вонъ, и не

•

смѣй никогда сюда приходи, кричалъ мнѣ на то, Г. С. по нѣмъ вошелъ къ хозяевамъ и претовалъ, чтобъ меня, какъ негодя приказали вышолкапъ изъ дома. — Они несмѣли его огорчить, онъ былъ въ мундирѣ, а я въ рубищѣ, и такъ хозяйской слуга вывелъ меня, шепнувъ, чтобъ я подождать его въ назначенномъ мѣстѣ, куда, спустя полчаса, пришелъ ко мнѣ хозяйкинъ сынъ, принесъ кое чего для моего обѣда, и сказалъ, чтобъ я вечеромъ пришелъ пихонько ночевать въ ихъ конюшню. Цѣлый день шатался я по улицамъ, заходилъ въ церкви, и обливался горчайшими слезами, молился Богу, чтобъ помочь мнѣ въ бѣдственномъ и ужасномъ моемъ положеніи и далъ бы мнѣ мѣсто, гдѣ могъ бы я приклонить бѣдную мою голову. Въ утѣшеніе себя и для укрѣпленія въ терпѣніи, приводилъ на память бѣдствія великихъ людей, о коихъ только читалъ и слышалъ, въ томъ числѣ припомнилъ и о Царѣ Иракліѣ, въ какомъ положеніи видѣлъ я его въ Ананурѣ — и наконецъ то что мы незнаемъ, могущее

случится съ нами завтра; счастливой поверженъ будетъ въ бѣдствіе, а бѣдству-
ющій обрететъ счастье; можешь быть
и меня завтра же ожидаетъ какое нибудь
благополучіе, которое подобно нечаян-
нымъ образомъ встрѣчалось уже мнѣ не
одинъ разъ, и что гдѣ нѣтъ способа,
тамъ должно употреблять терпѣніе.
Когда стало темно, то по приглашенію
хозяйскаго сына пришелъ я въ конюшню.
Ночь была столь холодна, что я немогъ
согрѣться и заснулъ ни на одну мину-
ту; нѣсколько часовъ показались мнѣ годомъ.
Утромъ рано пришелъ ко мнѣ хозяйкинъ
сынъ и принесъ пищу. Не смотря на
мое состояніе, я занимался съ нимъ
ученьемъ, пока солнышко взошло довольно
высоко, и тогда вышелъ со двора, — съ
надлежащею осторожностію, чтобы не
видалъ Г. С. День былъ также холоденъ,
шло мое большею частію было обнажено,
ноги также, и морской вѣтръ дѣйство-
валъ на меня жестоко. Проходя улицами,
въ одномъ мѣстѣ случилось мнѣ въ первый
разъ видѣть здѣсь нужду и бѣдность

города, что дрова и навозъ, употребленный для топки печей, продавали въсомъ. По томъ въ другомъ мѣстѣ услышалъ я въ нѣкоторомъ домѣ обыкновенную Персидскую музыку; люди безпрестанно то входили туда, то выходили. Я полюбопыщивовалъ о семъ узнать и мнѣ сказали, что оный домъ называется Зор-Хана, что значить: сильной домъ. Вошедъ къ нему, увидѣлъ я, что всякой входящій по произволѣнію своему бралъ въ обѣ руки гири различной тяжести, и игралъ ими подъ тактъ музыки до совершенной усталости. — Причина шаковому роду забавъ, какъ меня увѣдомили, во первыхъ та, что посредствомъ оныхъ укрѣпляются жилы и очищается кровь; а другая, что всякой испытывая силу свою, находить удовольствіе показывать ее предъ другими. — Пробывъ въ семъ домѣ около часа, и вышедъ изъ тепла, я тѣмъ сильнѣйшему подверженъ былъ дѣйствию холодного воздуха и вѣтра. — Въ ногахъ чувствовалъ несстерпимой ломъ и всю внутренность мою, такъ сказать, пере-

домило. Выбившись совершенно изъ силъ, рѣшился идти къ Г. С.: просишь, чтобы онъ хотя далъ мнѣ забытую у него однимъ Персіаниномъ обыкновенную войлочную епанчу, — по счастью я засталъ его въ квартирѣ, и со всеможною убедительностію представляя ему крайность мою, споль ясно видимую, просилъ, чтобы далъ мнѣ эту епанчу, упомянувъ имянно, которую оставилъ такой-то Персіанинъ. Г. С. далъ мнѣ замѣтить самымъ чувствительнымъ образомъ, сколь непріятно ему напоминаніе о способѣ пріобрѣтенія сей ничего незначущей вещи, и съ неисповождомъ осыпая меня всѣми ругательствами, забывши необходимое и должное уваженіе къ хозяевамъ, кричалъ на меня: что ты далъ мнѣ, или оставилъ у меня, что приходишь ко мнѣ съ притребованіями? развѣ я обязался тебѣ все давать (: хотя никогда ничего не давалъ:); я приказалъ тебѣ выгнать и запретилъ сюда приходишь и прочее и прочее, а въ заключеніе началъ толкать вонъ. Я неодохнувъ еще отъ спрдаданія минув-

шей ночи, и спрашась слѣдующей, рѣ-
 шился неоптсавать ошъ Г. С. и
 упавъ ему въ ноги, безпрестанно
 умолялъ его для самаго Бога сжалиться
 надомною, удовлетворишь единственную
 мою просьбу, что я чрезъ два, или при
 дни возвращу ему ту епанчу, только бы
 нацель себя мѣсто. Г. С. видя что онъ
 нибранью, ни побоями ошъ меня неопдѣ-
 лаешся, принужденъ былъ выпасишь
 епанчу, и подавая мнѣ дрожащими руками,
 усугубилъ свои ругательства, обременялъ
 меня и весь мой родъ живыхъ и мертвыхъ
 проклятіемъ, и именно желалъ, что бы
 съ сею епанчею погибли вмѣстѣ шѣло и
 дуца моя. — На конецъ строго подтвр-
 дилъ чтобъ я непременно принесъ ее
 обратно чрезъ при дни, въ прошивномъ
 же случаѣ, онъ скажетъ здѣшнему На-
 чальству и прикажеть, чтобъ меня вы-
 гнать вонъ изъ города или бросишь въ
 море. — Я обѣщаль всѣ и шоропился ошъ
 него уйти, боясь, чтобъ онъ нераздумаль
 и неопнялъ епанчу обратно. — Такимъ
 образомъ кончилась моя съ нимъ исторія,

За сіе приоброєненіе, могущее заіцщати
меня отъ холода я благодариль Бога
отъ всей души и впредь ввѣриль себя
его промыслу, ни о чемъ болѣе не-
забоюсь. Оіпкланявшись Г. С. сошелъ
съ двора, а съ наступленіемъ ночи воз-
вратился на показанной ночлегъ. Заку-
шавшись въ свою епанчу, (*) шу ночь
спаль я спокойно и по милости вдовы
былъ сыщъ.

На слѣдующій день, выпедъ со двора,
думаль пойпи за городъ въ лагерь по-
смопрѣшь шамъ большаго парада, о ко-
поромъ говорили уже нѣсколько дней. —
Идучи весьма скоро и будучи погружень
въ размышленіе о моемъ положеніи, о
скоромъ выспупленіи войскъ и о помъ,
къ кому бы мнѣ пристать и какія упо-
шребить средства, чѣтобъ неостаться въ
Бакъ и попастъ въ Россію, вспрѣшился

(*) Остатки поманушой епанчи и до сихъ поръ у меня со-
храняется со щчаніемъ въ хрустальной банкѣ, какъ
вѣщъ драгоцѣннѣйшая въ памяти живущихъ моихъ стра-
даній.

я съ однимъ пожилыхъ лѣтъ человѣкомъ, копорый оспанови меня и смошря съ нѣ-копорымъ вниманіемъ, спросилъ по Персидскѣ: куда я шороплюсь и что за чело-вѣки. Сей вопросъ раскрылъ въ душѣ моеѣ всю горестѣ, всѣ чувствованія пре-шерптѣваемаго мною бѣдствія, и я обли-ваясь слезами, отвѣчалъ ему корошкѣ что я самой несчастной Армянинъ и бѣднѣй-шій изъ всѣхъ сущихъ на земли, хожу шуда и сюда, чтобы какъ нибудь про-веспи день до ночи, прошу и ожидаю Божіей помощи. — Онъ спросилъ меня, хочу ли я пойши въ услуженіе къ одному Россійскому Маіору, челошкѣ очень до-брому, копорый былъ въ ошдѣльномъ не-большомъ корпусѣ Графа Апраксина, оп-правляещъ должность Казначей и нахо-дился шеперь въ Бакѣ, и что онъ самъ будучи купцомъ, служилъ въ ономъ кор-пусѣ переводчикомъ, знаешъ Г. Маіора за челошкѣ весьма добраго и надѣешся, что ештели я буду хорошо себя веспи и усердно ему служишъ, шо онъ меня не-осшавишъ и сдѣлаешъ мнѣ добро. Я

бросился ему въ ноги, не омотря на грязь, и просилъ для Бога, для памяни родителей его, сдѣлать мнѣ сіе благодѣяніе, и что я всѣми силами буду спарашься служить сему господину. Ну, шакъ пойдемъ шеперь же со мною, сказалъ онъ, я тебя сей часъ къ нему ошведу, — и шакимъ образомъ ворошился я назадъ.

Дорогою разсказалъ я ему въ короткихъ словахъ, какъ я попался къ Г. С. и какъ ему служилъ; описалъ поступки его со мною, всѣ обманы и съ чѣмъ онъ него оощель. — Пришедъ въ кварширу Г. Маіора, Армянинъ, мой благодѣтель, сказалъ ему напередъ, что привелъ ему слугу, своего земляка. Г. Б. какъ звали сего почтеннаго Маіора, вышедъ изъ своей комнашы, и взглянувъ на меня испугался. Епанча соспавляла единственное одѣяніе, а на ногахъ были одни лоскушки кожи. — Кого ты ко мнѣ привелъ и откуда взялъ ешу чорную полунагую жившину спросилъ онъ Армянина. — Это несчастной, но по видимому очень хоро-

ный человекъ; служивый у Г. С. опъ-
чалъ онъ.— А! у С. сказалъ Г. В. и улы-
баясь спрашивалъ меня самаго, какъ я по-
знакомился съ Г. С. и долго ли съ нимъ
жилъ. — Я хопя понималъ все, о чемъ
меня спрашивали, но не на все еще умѣлъ
опъвѣчать, и по тому болѣе объяснялся съ
помощію Армянскаго, и пересказалъ ему мою
исторію. — Г. В. изъявивъ искренное со-
жалѣніе о бѣдствіяхъ моихъ, сказавъ: мы
всѣ давно знаемъ Г. С. точно такимъ
человѣкомъ, какъ ты его описываешь,
Сколько ты терпѣлъ у него зла, я по-
стараюсь на прошиву того сколько сдѣ-
лать тебѣ добра. По тому безъ всякаго
моего требованія самъ опредѣлилъ мнѣ жа-
лованье по 8 руб. серебромъ на мѣсяць,
и пребоваъ, чшобъ, я только служилъ
ему также усердно и вѣрно, какъ и Г.
С. — Я общалъ ему опъ всего сердца и
сколько доспанепъ силъ моихъ Г. В. пош-
часъ приказалъ своему деньщику снять
съ меня мою одежду и опдаъ мнѣ по-
ходное его плашье. Я запрепеталъ опъ
радости увидѣвъ двѣ куршки алаго и двое

шароваровъ синяго толкаго сукна, коротенькіе сапоги съ серебряными шпорами и маленькую каску съ перомъ. Я обмылъ грязь, меня покрывавшую, разчесалъ волосы, ~~печесанные~~ почши во все время службы моей у Г. С. и одѣвшись въ назначенное мнѣ платье, не узнавалъ самъ себя. Мысли мои оживились и я живо чувствовалъ, что изъ состоянія смерти перешелъ въ состояніе жизни. — Въ новомъ моемъ одѣяніи предсталъ я Г. Б. съ лицомъ веселымъ. Замѣшивъ, сколь велика была моя радость и восхищеніе онъ очень былъ доволенъ, что получилъ случай доставить погибавшему челоѣку спасеніе, и смотря на меня, сказалъ: я дарю тебѣ обѣ пары, и если ты прослужишь мнѣ усердно, хопъ одинъ мѣсяць, то и еще награжду тебя:— Будучи разпроганъ доброшою чувствительной души его, благорилъ его и Армянина, какъ виновника моего благополучія, съ радостными слезами. Г. Б. послѣ сего назначилъ мнѣ должность камердинера и сверхъ того, чпобъ варишь для него кофе.

и пригошовлять трубку. Первыя свободныя минушы посвящилъ я на принесеніе Господу Богу душевной моеи благодарности за спасеніе меня. Душа моя исполнена была чистѣйшей радости и благоговѣйнаго умиленія, что онъ взыскалъ меня такъ скоро и оправдалъ вѣру мою на его промыслъ и милосердіе. Азъ! усну и спашъ и возстану, яко Господь заснувши мя, говорилъ я въ утѣшеніе себѣ, а теперь восклицаю въ день скорби моеи воззвахъ къ нему и услышалъ мя ошъ горы святыя своеи.

Въ продолженіи 8 дней до выѣзда изъ Баки, когда я былъ посылаемъ ошъ Г. Б. по разнымъ надобностямъ и ходилъ по городу, многіе смотря на меня удивлялись и невѣрили, чтобъ я въ такомъ нарядѣ былъ потъ самый, который прежде ходилъ почти обнаженнымъ и просилъ милостыню. Меня оспанавливали и спрашивали, что я точно ли потъ самой, который жилъ у Г. С. подтверждая сіе и увѣдомляя что нахожусь у Г.

Б. рассказывалъ имъ о милосердіи и чловѣколюбіи новаго моего господина. Судя по наряду моему, нѣкоторыя изъ Армянъ заключали, что я даже получилъ офицерской чинъ. На послѣдокъ дни въ два, счастливая перемена со мною, сдѣлалась извѣстною всѣмъ Бакинскимъ Армянамъ, которые изъ того приняли весьма непріятныя на счетъ С. мысли. Я же съ моей стороны, какъ въ самый первый день, такъ и въ послѣдующіе, когда только выходилъ со двора, нарочно проходилъ мимо его квартиры и оспана-вливаясь пропивъ оконъ его разговаривалъ съ проходящими такъ, чтобъ онъ меня замѣшилъ, а нѣсколько разъ вспрѣчался съ нимъ на улицѣ. Армянъ и многіе изъ офицеровъ послѣ сего укоряли его худыми и несправедливыми со мною поступками, указывали на благодушельность Г. Б.; укоризны сіи были столько же для него жестоки сколько справедливы. Но онъ на сѣмъ неосмановилъ и вмѣсто того чтобъ предохранить себя впредь отъ дальнѣйшаго обремененія совѣсти своѣй

спюль черными дѣлами, рѣшился употребить всѣ средства чѣюбъ какъ нибудь лишить меня настоящаго щастія, и для того въ одинъ день послѣ обѣда, безъ сомнѣнїя узнавъ чѣюбъ меня небыло дома, пришелъ къ Г. Б. — подѣ видомъ его посѣщенїя, думая на вѣрное чѣюбъ Г. Б. будетъ у него обо мнѣ спрашивать. Онъ въ семъ неошибся и ожидаемый вопросъ послѣдовалъ тотъ часъ послѣ первыхъ обыкновенныхъ привѣтствій. — Почему вы Г. С. такъ держали и оппустили бывшаго вашего слугу? — Отвѣвъ началъ возклицанїемъ: Ахъ! вы незнаете, чѣюбъ эпомъ негодѣй мнѣ спюить; я еще въ Ериванѣ малолѣпнаго отдалъ его въ Араратское большое училище; (: гдѣ онъ ни когда небылъ;) за ученїе и воспитанїе его платилъ нѣсколько лѣвъ; онъ обязанъ мнѣ всѣмъ, чѣюбъ только знаешь; а сверхъ того бѣднымъ его родителямъ далъ 300 руб. серебромъ для поправленїя ихъ состоянїя, за чѣюбъ они отдали его мнѣ въ полную властвъ, какъ подданнаго и поручили моему покровительству. Но онъ забывъ всѣ мои

благодѣяніи, вмѣсто благодарности, безпрестанно дѣлалъ мнѣ самые несносные огорченія, такъ что я поперявши терпѣніе, принужденъ былъ его опъ себя прогнать. — Это такой мерзавецъ, что я не видалъ ему подобнаго, и сожалею, что вы приняли его къ себѣ. Увѣряю васъ, Г. Б. что онъ и съ вами будетъ дѣлать тоже, что дѣлалъ со мною. — Какъ Г. Б. такъ и прочимъ офицерамъ у него на шопъ разъ случившимся было весьма примѣшно, что С. за шѣмъ шолько и приходилъ: ибо проговоря столь нелѣпую и злобную клевету, спалъ опкланиваться. Г. Б. просилъ его, чпобъ подождать моего прихода и при мнѣ повпоришь бы свои слова, что онъ желаетъ непременно увѣрипсь въ томъ съ лица на лицо и нехочетъ держать у себя столь худаго челоуѣка; но Г. С. опговорился недосугомъ и спѣшилъ выдти. Тогда Г. Б. и прочіе въ слѣдъ ему кричали: шеперь знаемъ Г. С. чего шобъ хотѣлось; знаемъ, что шы обманщикъ и злой челоуѣкъ и прочее. Я возвращаясь, по выходѣ Г. С. неболѣе какъ

чрезъ четверть часа, и услышалъ отъ гостей Г. Б. всѣ новости, которыя пересказали они мнѣ съ хохотомъ и различными насмѣшками на счетъ Г. С. Выслушавъ сіе, я немогъ не пожалѣть о Г. С. какъ о моемъ ближнемъ, видя до какой степени доходитъ злость и мщеніе людей: ибо здѣсь Г. С. хотѣлъ лишить меня даже того, что я получилъ, такъ сказать, изъ рукъ самаго Бога.

Читатели можетъ быть подумаютъ, что я въ разсужденіи Г. С. многое здѣсь прибавилъ; но я смѣю на противъ увѣришь и клянусь совѣстію Христіанина, что въ описаніи поступковъ его со мною, я объяснился съ крайнею и всевозможною умѣренностію. Справедливость сего подтверждаю всѣ, какъ Россійскіе чиновники съ нимъ служившіе, непокмо въ Арміи но и въ другихъ должностяхъ прежде и послѣ похода, такъ и многіе изъ Армянъ люди почтенные, которые только его знаютъ. Дай Богъ и я истинно желаю ему отъ всего сердца, чтобы сіе умереннѣйшее опи-

саніе поступковъ его , обнаруживающихъ душевныя его качества, послужили ему вмѣсто зеркала, въ которомъ онъ увидѣвъ себя могъ бы обратитъ вниманіе на несчастное состояніе души своей и убѣдился тою неоприцаемою и священною истинною, что за предѣлами здѣшней жизни ожидаетъ насъ строгій судъ, на которомъ кѣизобличенію нашему увидимъ изочтенными не токмо дѣла, но и всякой праздною глаголь нашъ. Буде же сіе не вдѣлаешь въ немъ никакой лучшей перемены, такъ по крайней мѣрѣ пусть это послужитъ мѣрою осторожности для другихъ, кои Г. С. еще не знаютъ, и слѣдовательно, особливо при опличномъ мастерствѣ его притворяясь, могутъ обмануться въ немъ иногда самымъ горестнымъ образомъ.

Между тѣмъ Главнокомандующій получилъ повелѣніе возвратитъ Армію въ предѣлы Россіи, и въ слѣдствіе сего стали приготавливаться къ походу. При Арміи остались только полковыя орудія,

•

а главная артиллерія была уже погружена на суда и отправлена моремъ. Главнокомандующій при семъ случаѣ, въ виду безчисленнаго множества зрителей, самъ спрашивалъ почти у каждого солдата: неимѣюшь ли они на него какого недовольствія? Но въ отвѣтъ всѣ солдаты въ одинъ голосъ кричали ему, что они почитаютъ его своимъ опцомъ, что во вѣкъ забудутъ любви его къ нимъ и будутъ благословлять имя его и пр. и пр. Начальникъ сей и въ самомъ дѣлѣ, разсказавши съ войсками какъ нѣжнѣйшій отецъ съ своими дѣтьми, и сія сцена тронула всѣхъ до глубины души. Небыло почти ни одного, который бы не плакалъ. Со всѣхъ сторонъ солдаты рыдая кричали: прощай отецъ нашъ и осыпали Графа всѣми благословеніями отъ чистаго сердца, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ безпрерывно; по помъ въ честь его выпрѣлили по нѣскольку патроновъ. Великодушной, чувствительной Графъ, — по совершенной добротѣ души и несравненной нѣжности сердца своего един-

спивенный, былъ споль разстроганъ любовію и привязанностію къ нему войска, что немогъ также удержаться отъ слезъ, которые можетъ быть противъ воли его падали обильно на благодарную грудь его.

Отъ фронта Графъ прямо поѣхалъ къ морю, и отправился съ своею супругою на яхтѣ. Войско пошло берегомъ подорогъ Алше - Агачъ называемой, (что значить шесть деревъ) мимо Гурпъ-Булаха чрезъ Кубу на Дербентъ. Г. Б. изъ пожилковъ своихъ оставилъ при себѣ только самое нужное, а прочее послалъ съ деньщикомъ при войскѣ въ общемъ обозѣ. Сами же мы на 24 пушечномъ фрегатѣ отправились моремъ. На другой день Г. Б., по согласію съ начальникомъ фрегата, съ которымъ онъ такъ какъ и прочіе чиновники имѣли споль вмѣстѣ, опредѣлилъ мнѣ имѣть пищу въ артели мапросовъ въ равной съ ними часпи, заплативъ слѣдующіе за сіе деньги. — Не привыкши къ мореплаванію, я пошчасъ началъ въ здоровѣ разспроиваться, ибо

кромѣ одного хлѣба, да и то весьма мало, немогъ ничего ѣсть упоиребляя до сего времени всегда чистую и пріятную ключевую воду, хотя впрочемъ часпо случалось быть голоднымъ, немогъ также пить корабельной воды по тому, что будучи налипа въ винныя бочки, имѣла для меня вкусъ отвратительной. На 4 й день нашего по морю плаванія, Г. Б. принимая крайнее мое изнеможеніе, оказалъ ко мнѣ совершенно опечетское состраданіе и чувствительную заботливость. Онъ упросилъ Капитана, чтобъ мнѣ давали кушанье отъ ихъ стола, которымъ я и пользовался. — Днемъ было довольно весело; всякой занимался по своему, но ночь для всѣхъ была тягостною и опасною. — Г. Капитанъ для шутки указавъ на одного мапраса изъ Молдаванъ, сказалъ всѣмъ, что благополучнаго вѣтра надобно ожидать по его губамъ, которые предъ тѣмъ всегда синѣютъ. По сему многіе сядясь около Молдавана, безпрестанно смотрѣли ему на губы, что довольно составляло смѣшную сцену. Однако, хотя

сказанная Капитаномъ причѣша подала поводъ къ шуткамъ и смѣху, но вышла справедлива, и на первой разъ удивила всѣхъ, когда мажорсы закричали: у Молдавана посинѣли губы, и бросились поднимать паруса. Всѣ бросились смотрѣть на Молдавана, у котораго точно по словамъ Капитана губы посинѣли очень примѣтно, и въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько минутъ началъ дуть попутной вѣтръ. — Послѣ сего губы Молдавана для всѣхъ служили возвѣщающимъ знакомъ. Между тѣмъ морской воздухъ и качка столько меня утомили, что я совершенно сдѣлался боленъ, немогъ употреблять никакой пищи и лишился почти всѣхъ силъ. На 6, или 7й день нашего-плаванія сдѣлалась буря съ громомъ, я лежалъ почти безъ памяти на кормѣ въ углу. Волны безпрестанно меня обливали, но я весьма мало сіе чувствовалъ. На послѣдокъ одинъ человекъ подошелъ ко мнѣ и поднимая меня сказалъ: вспань другъ и молись Богу, мы погибаемъ; ежели еще четверть часа продолжишся буря, фрегатъ или разобьется

о камни, или потонешь. Несмотря на всю мою слабость и получувственное состояніе, слова сія сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе и будто разбудили мои силы. Вставъ, увидѣлъ я первый еще разъ неизбѣжную смерть въ великихъ ея ужасахъ. Время было почти около 4 или 5 часа по полудни, но представляло весьма темныя сумерки. Фрегатъ нашъ стоялъ на высокой горѣ, но повергался въ бѣздну, и часто сильными порывами ужасной бури склонялся на бокъ такъ, что мачты касались водѣ. Каждое мгновеніе мы ожидали, что фрегатъ или покроется висящими надъ нимъ горами, или погрузится въ бѣздно. Еще до меня пробовали бросать якорь, но опустивъ канатъ слишкомъ на 40 сажень, не достали дна, и фрегатъ пущенъ былъ на волю Божию. Матросы и весь экипажъ совершенно отчаялись. Всѣ прощались другъ съ другомъ, исповѣдывались и всякой предварительно искалъ средства къ спасенію. Одни взлезли на мачты, другіе приготавливали доску и кто что могъ найсти.

Между шѣмъ всѣ усердно молились Господу Богу объ ошпущеніи грѣховъ своихъ и о спасеніи и призывали въ помощь великаго угодника Его свѣшпшела Николая. — Въ таковыхъ то случаяхъ испытуешь всесильный Богъ вѣру рабовъ своихъ.

Послѣ сего буря продолжалась еще болѣе получаса съ равною жестокостію; Капитанъ фрегата, хотя первый возвѣспилъ опасностъ и чувствоваль ее, какъ и всѣ прочіе, но повелѣваль и дѣйствоваль съ неупомимостію. На послѣдокъ примѣшили, что вѣтръ началъ ослабѣвать; вдругъ вскрикнули всѣ, слава Богу! слава Богу! и можно сказаць что мы въ одно мгновеніе ошъ смерти перешли къ жизни, всѣ предались живѣйшей радости, со слезами благодарили Господа Бога за спасеніе и другъ друга обнимали. Не прошло часа, какъ буря совершенно утихла, тучи разсѣялись, воздухъ очистился и остальную часъ дня провели въ веселіи. Между шѣмъ одни смотрѣли, не увидѣли ли какой нибудь пшпцы, какъ признакъ

близкаго разспоянія опъ земли, другіе пробовали воду, а Капитанъ фрегата смотрѣлъ въ подзорную трубку, но кромѣ неба и воды, ни чего не было примѣпно. Машросы сидя въ круговенькахъ, рассказывали о приключеніяхъ, на семь свирѣпомъ морѣ случившихся; что въ такомъ-то мѣстѣ разбился такой-то корабль, тамъ-то пощонуло такое-то судно, или прибило его къ такому то мѣсту, гдѣ непріятелями или хищниками были всѣ побиты и ограблены, и словомъ рассказами своими умножили только собственной и другихъ страхъ. — По утишеніи бури всякой считалъ себя вновь рожденными или воскресшимъ изъ мертвыхъ; но безвѣтріе и опасность дождашься подобнаго штурма, наводила на всѣхъ уныніе. Предъ наступленіемъ же слѣдующей ночи подулъ попутный вѣтръ. Капитанъ съ веселымъ лицомъ возвѣстилъ всѣмъ, что естъли погода не переменится, то къ утру надѣется доставить насъ въ опечество. — Вѣтръ сдѣлался въ скорѣ сильной; фрегатъ нашъ лешѣлъ быстрѣе ши-

цы, разсѣкая пенящіяся волны, и посред-
ствомъ шума ихъ казалось, давалъ радо-
стной голось, что онъ оканчиваетъ опас-
ное съ нами плаваніе. Никто во всю ночь
не смыкалъ глазъ ни на одну секунду; всѣ
съ непрерывнѣмъ ожидали разсвѣта, чтобъ
увидѣть, какіе либо признаки приближе-
нія нашего къ землѣ. Предъ разсвѣтомъ
начали пробовать воду и по вкусу ея за-
ключили, что мы уже не далеко отъ прѣ-
сной воды; по томъ только что начало
разсвѣтать, — какая радость!... увидѣли
въ воздухѣ летающихъ ппичекъ, по
томъ бѣлую воду и наконецъ усмотрѣ-
ли въ подозрную трубку островъ, это
былъ одинъ изъ тѣхъ острововъ, на ко-
торыхъ устроены Аспраханскія рыб-
ныя ловли. — Но недоѣзжая еще до него,
увидѣли носящіяся льдины; часовые на
маякѣ, стоявшіе отъ острова неbolѣе
какъ въ полуверстѣ и рыбаки совѣтова-
ли, чтобъ фрегатъ по тяжести его гру-
за и по малости того мѣста остано-
вить, и далѣе нейти, сказавъ, что ва-
нѣсколько дней погибъ въ льдинахъ одинъ

купеческій корабль, шедшій изъ Гиланы съ грузомъ и со всемъ Екипажемъ. Они также увѣдомили насъ, что Графъ проѣхалъ за пять сушокъ прежде насъ, а два другіе судна, съ нашимъ фрегатомъ отправившіеся, за двои сушки. — Здѣсь военные чиновники нашли легкіе суда прямо до Аспрахани и отправились на другіе же сушки. — Г. Б. со всѣми прочими офицерами отправились къ оспрову Седлисту, отстоящему отъ Аспрахани, какъ сказывали въ 95 верстахъ, и доѣхали туда въ двои сушки, а въ шрестьи прибыли уже въ Аспраханъ.

Тутъ великодушный господинъ мой замѣтивъ, что здоровье мое находилось въ худомъ состояніи, просилъ хозяина дома, чтобы приказалъ своимъ людямъ имѣть за мною смотрѣніе и доставлять мнѣ все нужное, и я чрезъ нѣсколько дней, при хорошей пищѣ, совершенномъ покоѣ и благопріятной погодѣ, выздоровѣлъ. Будучи еще въ Персіи, слыхалъ я что въ Аспраханѣ есть въ одной Ар-

мянской церкви такіе часы, копорые бьютъ сами собою. — Это казалось мнѣ неимовѣрнымъ. При первомъ со двора выходѣ, пошелъ я искать сію церковь, и ходя довольное время около церквей, однакоже не слыша, чѣмъ на копорой нибудь изъ нихъ били часы, усумнился въ справедливости мнѣ говореннаго; — но на послѣдокъ проходя мимо Соборной Армянской церкви, увидѣлъ на колокольнѣ изображеніе часовъ, и вскорѣ къ великому удивленію моему услыхалъ ихъ бой. — Съ изумленіемъ загнувши голову, смотрѣлъ я на нихъ около получаса. — Одинъ изъ проходящихъ мимо меня, тамошній Армянинъ спросилъ меня по русски, что я такъ прилѣжно смотрю на колокольню. Сказавъ ему причину моего любопытства по Армянски, спросилъ его, гдѣ живешь одинъ изъ тамошнихъ Армянъ, такой-то, бывшій въ Персіи въ Россійскомъ корпусѣ съ однимъ Аспраханскимъ купцомъ. — Армянинъ смѣясь на меня говорилъ: а! это твоя знакомой? пойдемъ, я тебя провожу и пройдя со мною нѣсколько улицъ,

указалъ изъ дали одинъ домъ, сказавъ, воптъ здѣсь онъ живетъ. Сей злой насмѣшникъ указалъ на домъ городской пюрмы. Подойдя къ сему дому и видя въ окошкахъ желѣзныя решетки и нѣсколько человѣвъ въ одномъ мѣстѣ, сперва удивился; однако неоставилъ спросить и о моемъ знакомомъ, который потчасъ ко мнѣ явился къ решеткѣ. Онъ увѣдомилъ меня въ первыхъ словахъ, что сидитъ въ пюрмѣ; по томъ безъ всякаго смущенія и съ твердою увѣришельностію говорилъ мнѣ, что онъ совершенно невиненъ, и естли приметь наказаніе, то это напрасно, и что тѣ, которые его до сего довели, будутъ за то отвѣчать Богу. Я замѣшилъ, что сей невинный изъ числа тѣхъ, кои чѣмъ болѣе виноваты, тѣмъ болѣе стараются не казаться таковыми; и сдѣлавъ ему въ нѣсколькихъ словахъ нужное наставленіе, чтобъ онъ, естли не подѣлу, то по смиренію души, признавалъ себя виновнымъ предъ Богомъ и просилъ его о помилованіи и прочее, поторопился его оставить, опасаясь, чтобъ неподвергнуться чрезъ

разговоръ съ нимъ какому либо непріятному приключенію. — Опнуда прошель я къ рынку, гдѣ увидя вареныя раки, заключилъ и увѣрилъ себя, что эшо какія нибудь красивые корки. Надобно знашь что хопя и еспь у насъ раки, но они не въ употребленіи, слѣдовательно ихъ не варяшь, а по шому и я никогда не видалъ ихъ такъ красными, а всегда чорными. По шомъ пришелъ я на торговую площадь, гдѣ шогда при спеченіи народа чипался какой-шо указъ. Увидѣвъ здѣсь между прочимъ книжныя лавки, шопчасъ поспѣшилъ домой узнашь, какъ должно спросить шу книжку, по копорой должно учипшься Руской грамотѣ, и взявъ съ собою денегъ, въ шужъ минушу возвратился на площадь, возошелъ въ лавку, и безъ всякаго шорга заплашилъ 20 к. — Я имѣлъ чрезвычайное желаніе учипшься по Русски еще въ Арміи, но негдѣ было до стать азбуки. Я шолько обрадовался моей покупкѣ, что не помнилъ самаго себя, и думалъ, что я все уже имѣю. Пришедъ домой, я просилъ очень убѣдительно-

но людей нашего хозяина, чтобы меня учить, и общалъ за то имъ платилъ изъ моихъ порціонныхъ денегъ. Они охотно на сіе согласились и я сдѣлавши по моей должности то, что опъ меня требовалось, сидѣлъ за азбукою безпресшанно и ни куда не выходилъ со двора. — Учившіе меня удивлялись моему прилѣжанію, и тѣмъ болѣе, что я по моему состоянію платилъ имъ очень щедро; одному давалъ деньги, а другому покупалъ вино, и словомъ нещадилъ ничего. Таковое рвеніе подало однажды поводъ къ довольно продолжительному разговору съ господиномъ дома, который узнавъ объ ономъ и желая позабавиться на мой счетъ, нарочно призывалъ меня къ себѣ въ небытность Г. Б. и говорилъ для чего я сижу все дома, и любопытствую видѣть и знать городъ, что для меня, какъ чловѣка чужестраннаго и не свѣдущаго, необходимо; учишься же и сидѣть безпрестанно за азбукой, нѣтъ для меня никакой пользы, да и напрасно буду шерашь

въ помѣ мои труды и время, по тому, что мнѣ уже слишкомъ 20 лѣтъ опѣ роду. — Я прежде всего спросилъ его, позволишь ли онѣ мнѣ опвѣчать ему, а получивъ опѣ него на то позволеніе говорилъ: „ я началъ учиться не по щопу лѣтъ моихъ, но по убѣжденію разсудка, показывающаго мнѣ видимую и совершенно необходимую въ помѣ нужду для моего щасшія; еспѣли же я буду шатаваться по городу и шеряшь время шокмо для пущаго любопытства и лѣноспи, то потерю чрезъ то мою пользу, какую безъ сомнѣнія принесешь мнѣ то, еспѣли я при помощи Божіей успѣю выучиться русской грамотѣ. Сверхъ того я читалъ, слыхалъ и самъ много разъ видѣлъ, что праздные люди шепокмо бесполезны для себя, но и вредны для другихъ; не терпя никакихъ трудовъ, они предаются всякимъ разпуществамъ, и нерѣдко злодѣйствамъ.— Тягопашъ собою общества, дѣлая разные безпокойства; похищающъ у другихъ то, что нажито трудами ихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ и не рѣдко цѣлой жизни,

и самый языкъ ихъ не иное что, какъ орудіе зла, смущеній и клеветы, и словомъ, что жизнь праздныхъ исполнена безчестія, а по кончинѣ, нерѣдко преслѣдуешь ихъ проклятіе. Я же напрошивъ того желаю и стараюсь посредствомъ ученія приобрѣтать благоразуміе, быть добрымъ человѣкомъ, полезнымъ для другихъ, заслужить честное имя, и по смерти оставить по себѣ добрую память. При семъ на щотъ нерадивыхъ и незнающихъ грамотѣ, привелъ ему приличный текстъ изъ Евангелія. И такъ осмѣливаюсь спросить васъ, милоспивѣйшій господинъ, продолжалъ я, чему теперь присовѣтуете мнѣ слѣдовать. А! ты видно уже много читалъ, что такъ разсуждаешь и знаешь священное писаніе; конечно ты христіанинъ? Сей мучительный вопросъ былъ для меня нѣсколько чувствительнень и подаль мнѣ смѣлость, опивѣчать на то вопросомъ же! Кто сударь по священному писанію первый исповѣдалъ, что Христосъ есть сынъ Божій? Авгаръ - Армянской Царь, продолжалъ я. — Мы имѣли и имѣемъ

также Епископовъ, Архіепископовъ и Пап-
ріарховъ; и хотя нѣсколько время Армян-
ская нація была погружена во мракъ идо-
лопоклонства, но Великій Григорій паки
просвѣтилъ насъ вѣрою Христіанскою,
чему прошло уже болѣе полторы тысячи
лѣтъ; и въ религіи нашей ничѣмъ не раз-
нимся отъ васъ, и сохраняемъ ее твердо,
не смотря на всѣ преплиствія и мученія
претерпѣваемыя отъ невѣрныхъ, во вла-
сти которыхъ теперь находимся. — Цар-
ство Армянское было нѣкогда въ силѣ и
славѣ, и имѣло также великихъ людей;
и пало только что въ 14-мъ вѣкѣ. — Ко-
гда ты хвасшаешь, что Христіанинъ, по
покажи, есть ли у тебя крестъ?— Нѣтъ,
Милостивый Государь! я снаружи не имѣю
знака, но вѣрую и исповѣдую духомъ;
крестъ Спасителя нашего ношу въ серд-
цѣ моемъ; сохраню въ немъ печать его
до моей смерти, и пойду на гласъ Госпо-
да моего, отзывающагося въ душѣ моей:
„гдѣ Я, туда придутъ и исповѣдующіе ме-
ня. Сіи послѣднія слова сказавъ твердымъ
голосомъ и боясь, чпобъ сей господинъ не

приказалъ наказать мою дерзость, подѣ предлогомъ, не пришелъ ли мой Господинъ потчасъ отъ него вышелъ и спрятался въ чуланъ, гдѣ пробылъ часа съ два: когда Г. Б. пришелъ домой, то хозяинъ дома розсказалъ ему о моемъ съ нимъ разговорѣ, и оба смѣялись надъ тѣмъ жаромъ, съ какимъ я защищалъ мое ученіе и христіанство.— Однако я на другой же день купилъ себѣ золошой крестъ, заплативъ за него 3 рубля.

Мы пробыли въ Аспрахани слишкомъ двѣ недѣли; Г. Б. крайне поропился оштуда выѣхать, тѣмъ болѣе, что было дано повелѣніе, чѣтобъ возвращающіеся изъ Персидскаго похода Штабъ и Оберъ-Офицеры явились къ полкамъ, къ назначенному сроку, не оспанавливаясь нигдѣ. Ростовскій Драгунскій полкъ, къ копорому Господинъ мой принадлежалъ, разположенъ былъ на Кавказской линіи въ Спавропольской крѣпости, куда онъ и спѣшилъ всячески выѣхать; но прежде надобно было достать мнѣ паспортъ.

Онъ спросилъ у меня, какъ зовуть меня по отечеству, и фамиліи и бранился за тяжелое слово Аспавац-Ашуръ, что значить Богданъ, имя моего отца, а пришедъ въ Правленіе и совсемъ оное позабылъ и написалъ мнѣ Отечество, своимъ именемъ, Ивановымъ. Мнѣ надлежало бы получитьъ паспортъ изъ Арминскаго Магистрата, но члены онаго оказали къ тому крайнее неразположеніе, за то Г. Б. наговоривши имъ со всемъ жаромъ вспыльчиваго человѣка, множество драгунскихъ привѣтствій, взялъ паспортъ отъ Губернскаго Правленія.— Я съ своей стороны также имъ замѣнилъ, что они конечно забыли, что сами ничто иное, какъ бѣглые Персидскіе подданные, какимъ они величали меня, и можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ пришли въ Россію такими же нищими какъ и я, или еще и хуже.

Изъ Астрахани выѣхали мы въ послѣднихъ числахъ Маія и проѣзжая мимо Кизляра, надобно было заѣхать въ городъ,

но насъ не пустили, показавъ на то объявленное повелѣніе; по чему и принуждены были остановиться въ ближайшей деревнѣ Каргалинка; откуда Г. Б. для исправленія нѣкопрыхъ надобностей посылалъ въ городъ козака. Отъ Аспрахани до Кизляра терпѣли мы самое мучительное безпокойство отъ комаровъ. Отъ нихъ потерялъ я на сей дорогѣ шапку, которую уронивъ, не могъ ошойпи нѣсколькихъ сажень по тому, что никакъ нельзя было открыть лица: ибо комары пучами лезушъ въ ноздри, глаза и уши, а по щому принужденъ былъ оставить мою шапку, можетъ быть не далѣе 10 или 20 сажень отъ повозки. Мы пріѣхали сюда въ самый семикъ и пробыли до Воскресенья. Хороводы, пѣсни и вѣнки, доставляли мнѣ большое утѣшеніе, которое окончилось великою печалію о томъ, что у меня во время сна, сняли купленный мною въ Аспрахани крестъ. Г. Б. также былъ очень прискорбенъ отъ того, что предписанный срокъ явкъ къ полку давно уже прошелъ. Отъ сего мѣста до Алек-

сандровска ѣхали мы съ великимъ спрахомъ, по тому болѣе, что предъ нами за 6 часовъ горскіе хищники разбили проѣзжающихъ и увлекли въ плѣнъ.— Въ Александровскѣ Г. Б. къ великому прискорбію узналъ, что полкъ изъ Ставрополя вышелъ въ Торжокъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣшей, и хопя всѣхъ ихъ нашелъ здоровыми и радовался сему какъ добрый супругъ и отецъ, — но совсемъ тѣмъ разстройство очень его огорчало, ибо онъ былъ человѣкъ недоспашочный. Надлежало ѣхать въ Торжокъ со всемъ семействомъ. Къ счастью полковый обозъ пришелъ въ Ставрополь въ такое время. Г. Б. изъ имущества оставилъ при себѣ только что было необходимо и удобно взять въ дорогу, а прочее все распродалъ. Между тѣмъ каждый день послѣ обѣда для прогулки ходилъ онъ со всемъ семействомъ и гостями въ Булгакову дачу, гдѣ въ одномъ пріятномъ мѣстѣ выпекались источники и здѣсь проводили время до вечера. Г. Б. сколько ни былъ огорченъ своими обстоятельствомъ, но чтобы не

печалишь своего семейства, имѣлъ духъ припворяться совершенно веселымъ. Въ числѣ гостей былъ тамошній докторъ изъ Нѣмцовъ. Онъ вздумалъ по смѣяться надо мною, сказавъ, что я конечно изъ Хоя, выговоривъ названіе сего города неправильнымъ образомъ. Такая неприличная шушка его и общій смѣхъ меня раздражили. Я попросилъ позволенія, чѣмъ ему отвѣчать съ полною свободою, не такъ какъ слугѣ, но какъ равному ему. Докторъ согласился на сіе по тому болѣе, что согласились всѣ, при-молвивъ что есѣли я скажу что нибудь и грубое, то онъ приметъ это безъ обиды, по тому что будетъ говорить дуракъ. Я началъ съ того, что прежде надлежало бы ему дойти до источника значенія сего слова, и кто творецъ онаго, что слово сіе сущесѣвуетъ нѣсколько тысячъ лѣтъ и будетъ сущесѣвовать до скончанія міра, что праведный Ной сошедши съ горы Арарата, первое мѣсто, гдѣ посадилъ виноградное дерево, назвалъ Эаркъ-Уры что значить *первопосаженное древо*.

По томъ поселился на другомъ, и назвалъ оное Нахичеваномъ, что значить *новое селеніе*; по томъ построилъ Майраншъ, гдѣ погребена его жена, вѣпорая машь челоѳъческаго рода, и сіе сложное слово Май-раншъ значить:— *мать тамъ*, а на послѣдокъ по размноженіи семейства своего расселилъ сыновъ и внучатъ своихъ по другимъ мѣстамъ и каждому далъ особое приличное названіе, въ томъ числѣ и городъ Хой, каковое названіе даѣтся коноводному, или старшему барану, водящему стадо, и какъ въ тѣ времена, такъ и нынѣ, означаетъ собственную силу и власть; что таковыя названія вообще тамошнихъ мѣстъ, даваны были самимъ Ноемъ и тѣмъ языкомъ, коимъ говорилъ общій нашъ праоцъ, и коимъ говоримъ мы Армяне, какъ потомки его и непремѣнные жители Араратской страны, впрочемъ онъ по своему языку, разсудку и просвѣщенію, можетъ теперь смѣяться какъ хочеть; но я знаю, что честные люди таковыхъ насмѣшекъ всегда избѣгаютъ а потому я прошу его ошъ

нихъ меня избавишь и не накладываешь на мои плеча сего тяжелаго бремени, ибо я и безъ того занятъ довольно моею должностію и не за тѣмъ тушь нахожусь, чтобы слушать его насмѣшки, и ему на нихъ отвѣчать; если же слова мои ему непріятны, то онъ самъ въ шомъ виновать, позволивъ мнѣ говорить ему все. Мои хозяева и протіе госпи хлопая въ ладоши со смѣхомъ кричали мнѣ: правда, — правда, — а я рѣшился лучше отъ нихъ уйти и пошелъ домой.

Послѣ сего чрезъ два дни Г. Б. съ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ Ставрополя. Какъ человѣку военному и походному, ему скучны были тяжелые семейственныя сборы, сколько по хлопотливости, а болѣе того по издержкамъ, кои по состоянію его довольно были для него тягостны. — Деньщикъ, крѣпостный его мужикъ и я искренне раздѣляли съ нимъ неудовольствіе его. Въ обозѣ нашемъ была карепа, въ которой ѣхалъ Г. Б. съ своею женою и дѣтьми и компаніонкою;

фура съ пожипками, и повозка, въ которой сидѣла крѣпостная баба съ шремя дѣльми. — Опъ Спаврополя до Черкеска я, деньщикъ и мужикъ прешерпѣли много безпокойства; днемъ помиль ужасный зной; а ночь должно было посмѣнно караулишь: одному при обозѣ, другому при лошадяхъ, а прешему бышь 'при Господинѣ; не дремашь и бышь гошову на первый вопросъ. Сверхъ того вообще всѣ подвержены были спраху опъ набѣговъ Горцовъ; Цыгане, шашавшіеся шамъ во множествѣ большими партіями, неменѣе были опасны. Они могли напасъ, ограбишь и даже умертвишь. Однако благодаря Бога мы имѣли одно только приключеніе на канунѣ пріѣзда въ Черкасскъ, которое было вмѣстѣ и огорчительно и смѣшно. Мы обыкновенно осшановлялись на ночь на сшепи; лошади между тѣмъ опдыхали и щипали праву, и въ послѣднюю ночь я находился при нихъ караульнымъ. Я не спалъ нѣсколько сушокъ сряду, и при безмѣрной усталости нельзя было не задремашь; но только что сомкнулъ глаза,

какъ услышалъ небольшой топотъ, и увидѣлъ, что Цыгане, споявшіе отъ насъ недалеко, увели у меня одну лошадь. Забывая собственную опасность и что для одной, оставляю на расхищеніе двѣнадцать, крича по Персидски *Харай*, тоже что по Руски караулъ, побѣждалъ за Цыганами, съ шѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ замѣтить палатку, къ которой пристануль, — но исполнивъ мое намѣреніе, тотчасъ увидѣлъ неосторожность свою, что со мной можетъ послѣдовать худо, и что прочія лошади между шѣмъ могутъ быть всѣ уведены, бросился опрометью назадъ, и щипалъ себя очень щастливымъ, что неслучилось ни того, ни другаго. На утро лишь только Г. Б. вышелъ изъ кареты, я отпрапортовалъ ему о семъ похищеніи. — Онъ огорчась до крайности, тотчасъ пошелъ со мною къ палаткамъ сихъ все-свѣшныхъ мошенниковъ, и осыпая ихъ ругательствами и угрозами, укорялъ гнусностію образа ихъ жизни, что они служатъ омерзеньемъ всему человѣческому роду и имѣлъ даже шерпѣніе принять на

себя съ лишкомъ напрасный трудъ: совѣ-
 шовать имъ, чѣмъ они спарались ис-
 правиться и не подвергать дѣлѣй своихъ
 такому же жребію, какой несутъ сами,
 не зная того, что жребій ихъ кажется
 имъ весьма пріятенъ, и лучшимъ всѣхъ на
 свѣтѣ жребіевъ, и что они не пожелаютъ
 жиць ни въ какихъ черпogaхъ, лишь бы
 имѣть свободу скипаться по всему свѣту,
 и что обманъ есць собсѣвенно принадле-
 жащее имъ ремесло. — Цыгане съ начала
 запырались, по шомъ окруживъ насъ, че-
 ловѣкъ до 50, всѣ пропянули руки и
 каждый кричалъ, вошъ смопри мою руку,
 я не украмъ. Г. Б. приходилъ еще въ
 большее огорченіе опъ сей наглой на-
 смѣшки, а я вѣрно бы до сыта насмѣял-
 ся, есцьли бы не видѣлъ того, что мы въ
 такой необузданной толпѣ недалеко опъ
 опасности. Г. Б. принужденъ былъ по-
 казашъ имъ на саблю и угрожалъ, что
 есцьли не опдадутъ лошади, то они не-
 успѣютъ никуда укрышъся, и что ихъ
 переловятъ; болѣе же всего подѣйство-
 вала надъ нимъ спрогосшъ Правитель-

ства, какъ скоро оная поставлена имъ была въ виду. Тогда старшіе закричали. Вчерась сударь поймали у насъ одну лошадь. Посмотрите, естѣли она ваша, то извольте взятьъ, и хопъ всѣхъ пересмотрите лошадей. Г. Б.— смотрѣлъ и пойманную и другихъ, но не могъ узнать и хопѣлъ идти прочь; но я подошедъ къ показываемой лошади, примѣшилъ, что шерсть ея нарочно вымарана, грива и хвостъ окрашены и что она надута и пошому казалась жирною. Воропя Г. Б. я увѣрилъ его, что эта точно наша лошадь, и показалъ ему Цыганской обманъ. Онъ опять принялся ругать ихъ и охотно бы побилъ, естѣли бы могъ сладить со всею толпою. Взявъ нашу лошадь, воропились къ своему обозу, а Цыгане провожая насъ со смѣхомъ, кричали: чпожъ Господинъ, вы смотрѣли намъ на руки и лошадь нашлась, пожалуйста на водку. Къ вечеру того дня пріѣхали мы къ Дону и переправились въ городъ. До сего мѣста я исправлялъ должность форейтнера, деньщикъ кучера, а мужикъ сидѣлъ на фурѣ.—

Не зная вовсе, что на время водополюя и большой послѣ того грязи, въ Черкасскѣ есть высокая деревянная мостовая, и по которой изъ прехъ вспрѣпившихся дорогъ надлежало ѣхать, спрашивалъ деньщика, а тотъ тоже не зналъ, и такъ я не попалъ на мостовую, а на грязь и остановилъ карету. Тутъ Г. Б. при всемъ своемъ великодушїи и милоспивомъ ко мнѣ разположенїи весьма порядочно наказалъ меня калмыцкою нагайкою, хотя я нимало не былъ виноватъ въ томъ, и что ему самому надлежало намъ говорить, еслили зналъ дорогу. Деньщику и мужику досталось равномѣрно, хотя послѣдній, какъ ѣхавшїй съзади и еще менѣе былъ виноватъ. Послѣ сего за неспособностїю моею быть фореѣперомъ, онъ перемѣспилъ меня въ должностъ фурмана, гдѣ надлежало мнѣ сидѣть на высоконагроможденныхъ сундукахъ и управлять премо сильными лошадыми. Проѣхавъ Черкасскъ и Аксай ночевали мы въ полѣ. Проѣзжая Нахичеванъ населлемый Армянами, Г. Б. опасался, чтобы я здѣсь отъ него

не ошспаль, и для того въ немъ не оспановился. Послѣ сего чрезъ двои сутки надобно было переправляясь намъ чрезъ глубокой овграгъ. Каретныя колеса опор-мозили, но моя сильная пройка не допустила сего сдѣлать и спустилась въ ов-рагъ. Г. Б. кричалъ только мнѣ, чтобъ я крѣпче держалъ лошадей. Взглянувъ въ глубину оврага, и сидя въ такомъ положеніи, что самому надлежалодержаться, чтобъ не свалился, я увидѣлъ тотчасъ, что на семь мѣстѣ невозможно оспаться мнѣ цѣлу; — недолго держалъ лошадей и принужденъ былъ опустя вожжи, при-жаться крѣпче къ сундукамъ, чтобъ только не упасъ подъ колеса. Тройка моя понеслась, и прежде всего задѣвъ карету изломала на запяшкахъ ручки, по-томъ спали переднія колеса, и я самъ не-оспался бы живъ, естли бы они сбѣжавъ на ровное мѣсто, не оспановились. — Тупъ Г. Б. опять меня побилъ и довольно крѣпко. По прїѣздѣ въ Острогорскъ видя, что онъ не можетъ скоро поспѣть къ своему мѣсту, принужденъ былъ семей-

ство свое оставивъ и взявъ меня съ собою поѣхалъ на почтовыхъ. Въ туль проѣзжая чрезъ рынокъ, купилъ я около 10 фуншовъ крыжовнику, считая его за послѣдній виноградъ, и заплаця 15 копѣекъ удивился, что въ Россіи виноградъ такъ дешево продается; но только что взялъ въ ротъ первую ягоду, то узналъ свою ошибку по дикому незнакомому мнѣ вкусу и шопчасъ выбросилъ всѣ ягоды шамъ же; всѣ видѣвшіе удивились моему поступку, а другіе величали меня сумасшедшимъ. — Приѣхавъ на первую перемѣну лошадей, въ одной разкольниковской деревнѣ со мною приключилось тоже, что въ Наурѣ. Когда мужики мазали колеса, я имѣлъ неоспорожность на вопросъ ихъ сказать имъ, что я Армянинъ: они опустивъ ось, всѣ бросились ницъ на землю. Г. Б. выпедъ на это время къ повозкѣ, началъ меня бранить, говоря: ты опять спроважничалъ! я столько лѣтъ служилъ, да никто мнѣ не дѣлаешь такой чести, какъ тебѣ. Я принужденъ былъ удалиться и стоявъ опворопя свое лице, пока

все не было исправлено. На послѣдокъ пріѣхали въ Москву и остановились въ Царегородскомъ пракширѣ. Я удивлялся тѣмъ городамъ, чрезъ кои проѣзжали, но по пріѣздѣ въ Москву, удивленіе мое отъ огромности сего города ни съ чѣмъ сравниться не могло. Пробывъ въ Москвѣ прои суши, отправились въ Торжокъ гдѣ сподѣлъ полкъ Г. Б. и пріѣхали въ сей городъ, нигдѣ на дорогѣ не останавливаясь и безъ всякихъ приключеній.

Съ начала прибытія Г. Б. къ полку онъ въ воздаяніе моихъ трудовъ и вѣрности обнадежилъ всегдашнимъ покровительствомъ, хотѣлъ записать въ свой полкъ и представлялъ съ одобреніемъ къ Г. Шефу, который такъ же обѣщался не оставлять меня своими милостями; но пріѣхавъ въ С. Петербургъ (17 Августа 1797 года) я перемѣнилъ свое намѣреніе и рѣшился остаться въ Столицѣ; ибо найдя въ ней своихъ единовѣрцовъ, увѣдомился отъ нихъ обстоятельно о пользахъ, кои пріобрѣташь могушь и о спокойствіи

коимъ наслаждаются всѣ мнѣ подобныя и не подобныя пришлецы подѣ благимъ покровомъ Монарховъ Россійскихъ и законовъ. — Сверхъ того красота и огромность Столицы, богатство водъ величественно текущей Невы, приводило меня въ восхищеніе. Мнѣ блеснулъ свѣтлой лучъ надежды, а предчувствіе удостовѣрительнымъ голосомъ сказало мнѣ: *здѣсь обретешь ты миръ души твоей и благосостояніе*. Г. Б. такъже расположась съ семействомъ на пребываніе въ Тулѣ, вознамѣрился перепроситься въ Тульскій Кавалерійскій полкъ; но вскорѣ, вмѣсто перемѣщенія, почувствовалъ слабость своего здоровья, вышелъ въ отставку; онъ уговаривалъ меня слѣдовать съ нимъ; но я, такъ сказать, обвороженный Столицею и моими надеждами, на сіе не согласился. И такъ поблагодаря душевно Г. Б. за всѣ его милости и за доставленіе меня въ столь вожделенное пристанище, проснился съ нимъ и съ его почтеннымъ семействомъ, пожелавъ имъ опѣ всей моей души всякихъ благъ.

Такимъ образомъ водворилъ себя на жительство въ С. Пешербургъ; въ первые годы перенесъ много трудностей и не обошелся безъ новыхъ приключеній, хотя не слишкомъ огорчительныхъ, но весьма смѣшныхъ.

Потомъ при помощи Божіей, я устроилъ порядочной себѣ образъ жизни, и по умеренности моей имѣю безбѣдное пропитаніе.

Наконецъ оспаялся мнѣ торжественно сказать, что Русское Царство есть единственное, гдѣ всякой пришлецъ, Сынъ чуждой земли, можетъ найти себѣ самое блаженное пристанище и жить безъопасенія. Слава Богу, благодѣявшему мнѣ во мнозѣ, избавившему отъ изплѣнія живошъ мой, возведшему меня отъ вратъ смершныхъ и отъ глубокихъ водъ въ необоримое огражденіе Крѣпости святой Русской земли, поставившему на пространствѣ нозѣ мои и увѣнчавшему меня Милостіями и Щедротами. Благодареніе и

благословеніе Русской землѣ; я буду ей
вѣренъ и усерденъ до гроба! благодарю
душевно всѣхъ моихъ благодѣтелей и па-
мять ихъ пребудетъ вѣчно, прощаю искрен-
но всѣхъ моихъ гонимелъ и мучителъ,
желаю имъ опъ всего сердца; покойни-
камъ отпущенія грѣховъ ихъ, а живымъ
содѣлаться честными и добрыми людьми.

Конецъ второй и послѣдней части.

ПОГРЕШНОСТИ:

Части первой.

страни.	стр.	напечатано	Читай.
16 —	15.	храмъ	харемъ
19 —	23.	канапы	Каиане
25 —	11.	мемъ	темъ
87 —	23.	Разбойнивовъ . . .	Разбойниковъ.
89 —	19.	Чезовекъ	Человѣкъ
103 —	19.	изъ Грузинъ . . .	изъ Грузин
111 —	5.	Амперъ	Анпертъ.
145 —	17.	сосуды . . . ; .	посуды
193 —	3.	Садоное	Садовое

2-й Части.

51 —	5.	Маршеона	Маршгона
------	----	--------------------	----------